УДК 40
ББК 80
Б79

Пособие подготовлено в рамках выполнения проекта "Современное лингвистическое образование" Федеральной целевой программы "Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 гг. "
4-е издание подготовлено в рамках выполнения госзадания Министерства образования и науки РФ № 2014/285 (проект № 2013).
Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом ТГУ имени Г.Р. Державина

Рецензенты:

Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института языкознания РАН ***Е.С. Кубрякова*** :

кафедра немецкой филологии ТГУ имени Г.Р. Державина

Болдырев, Н.Н.

Б79 Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций / Н.Н. Болдырев ; М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

ISBN 978-5-89016-938-9

Издание содержит авторский курс лекций по когнитивной семантике и представляет собой введение в когнитивную лингвистику – одно из ведущих направлений современного языкознания. В нем излагаются основные понятия, термины, методы и подходы, используемые в когнитивной лингвистике, рассматриваются ключевые проблемы, связанные с изучением языка в когнитивном аспекте: проблемы концептуализации и категоризации, соотношения когнитивных и языковых структур, типов и форматов знания, – так, как они представлены в современных отечественных и зарубежных исследованиях. К лекциям прилагается учебная программа курса.

Курс предназначен для студентов всех уровней подготовки по программам высшего профессионального образования филологических специальностей университетов, слушателей отделений и институтов переподготовки и повышения квалификации, а также для широкого круга исследователей, проявляющих интерес к этому научному направлению в лингвистике.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-89016-938-9

© Болдырев Н.Н., 2014
© ФГБОУ ВПО "Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина", 2014
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2014

The book is prepared within the framework of the project "Modern linguistic education" of Federal program "State Support of Integration of Higher Education and Fundamental Science for 1997-2000."
The 4th edition is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project 2013 (2014/285).
Recommended for Publishing by the Editorial-Publishing Board of TSU named after G.R. Derzhavin

Reviewers:

Honored Scholar of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science ***E.S. Kubryakova*** ;

Department of German Philology of TSU named after G.R. Derzhavin

Boldyrev, N.N.

Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics : lectures / N.N. Boldyrev ; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguists Association. 4th edition, revised and enlarged. Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2014. 236 p.

ISBN 978-5-89016-938-9

The course book contains the author's lectures on cognitive semantics as an introduction to cognitive linguistics – one of the leading trends in modern linguistics. It outlines basic concepts, terminology, methods and approaches used in cognitive linguistics, as well as key issues related to the study of language in the cognitive aspect, such as problems of conceptualization and categorization, correlation of cognitive and linguistic structures, types and formats of knowledge as they are presented in modern domestic and foreign studies. The recommended curriculum for the study course is also provided.

The course is intended for philological students of all levels of training according to programs of higher professional education, for listeners of department and institutions of in-service and professional development, as well as for a wide range of researchers interested in cognitive linguistics.

ISBN 978-5-89016-938-9

© Boldyrev N.N., 2014
© FSBIHPE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin", 2014
© The Russian Cognitive Linguists Association, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

ТЕМА 1. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Формирование когнитивной лингвистики 14
2. Язык как объект когнитивных исследований. Специфика когнитивной лингвистики как научного направления 22
3. Тематика и направления когнитивных исследований в лингвистике 27

ТЕМА 2. КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ

1. Когнитивный и лингвистический аспекты познания окружающего мира. Сущность концептуализации и категоризации как основных познавательных процессов 33
2. Концепты и категории, их формирование и представление в языке 39
3. Структура концепта. Концептуальный анализ. Типология концептов 44
4. Матричный формат знания 57
   4.1. Когнитивная матрица как единица знания 57
   4.2. Когнитивно-матричный анализ 61
5. Концепт и смысл: тематические и операционные концепты 67
6. Культурно специфические концепты и проблемы культурологического анализа 75

ТЕМА 3. СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В ЯЗЫКЕ

1. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты 84
2. Языковые значения как определенные концептуализации. Когнитивная грамматика Р. Лэнекера 94
3. Фреймовая семантика. Ситуационные и классификационные фреймы 103

ТЕМА 4. КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА
1. Понятие категоризации. Традиционный подход к формированию категорий 114
2. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа 121
3. Уровни категоризации 132
4. Концептуально-таксономический анализ 140
5. Когнитивные модели категоризации. Типы категорий . . . 147

ТЕМА 5. КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ
1. Лексическая и грамматическая, системная и функциональная категоризация 155
2. Модусные, или интерпретирующие концепты, и категории 159
2.1. Общая характеристика 159
2.2. Специфика модусных концептов и категорий в реализации интерпретирующей функции языка 167
2.3. Оценочные концепты и категории 177
3. Функционально-семиологический подход. Прототипическая семантика глагола 197

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 207

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 209

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ 215

ПРОГРАММА КУРСА 216

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 230

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 232

CONTENTS

INTRODUCTION 9

THEME 1. COGNITIVE LINGUISTICS: METHODOLOGY AND RESEARCH TRENDS

1. Cognitive linguistics formation 14
2. Language as an object of cognitive studies. Specifics of cognitive linguistics as a research paradigm 22
3. Areas of study and cognitive research trends 27

THEME 2. COGNITIVE SEMANTICS. WORLD CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION IN LANGUAGE

1. Cognitive and linguistic aspects of world cognition. Conceptualization and categorization as major cognitive processes 33
2. Concepts and categories, their formation and linguistic representation 39
3. Concept structure. Conceptual analysis. Concept typology . . . 44
4. Matrix format of knowledge 57
   - 4.1. Cognitive matrix as a unit of knowledge 57
   - 4.2. Cognitive matrix analysis 61
5. Concept and sense: thematic and operational concepts 67
6. Culturally-specific concepts and problems of cultural studies analysis 75

THEME 3. STRUCTURES OF KNOWLEDGE REPRESENTATION IN LANGUAGE

1. Concept and linguistic meaning. Lexical and grammatical concepts 84
2. Linguistic meanings as conceptualizations. Cognitive grammar by R. Langacker 94
3. Frame semantics. Situational and classificational frames . . . 103

THEME 4. WORLD CATEGORIZATION

1. The notion of categorization. Traditional approach to category formation 114

2. Prototypical approach to category formation. The notion of prototype 121
3. Levels of categorization 132
4. Conceptual-taxonomic analysis 140
5. Cognitive models of categorization. Category types 147

THEME 5. CATEGORIZATION OF LINGUISTIC UNITS
1. Lexical and grammatical, systemic and functional categorization 155
2. Modus or interpreting concepts and categories 159
2.1. General characteristics 159
2.2. Specifics of modus concepts and categories in realization of interpreting function of language 167
2.3. Evaluative concepts and categories 177
3. Functional-semiological approach. Prototypical verb semantics 197

CONCLUSION 207

REFERENCES 209

LIST OF DICTIONARIES 215

COURSE PROGRAMME 216

AUTHOR INDEX 230

SUBJECT INDEX 232

ВВЕДЕНИЕ

В пособии представлен курс лекций по когнитивной семантике, который читается автором в качестве введения в когнитивную лингвистику – современное направление в языкознании. Основная цель курса заключается в том, чтобы обобщить и систематизировать фундаментальные знания в области когнитивной лингвистики. Необходимость разработки этого курса обусловлена потребностью восполнить пробел в существующих учебниках по целому ряду вопросов, связанных с современным освещением традиционной проблемы соотношения языка и мышления, познакомить студентов, магистрантов, аспирантов с накопленным в отечественной и зарубежной лингвистике опытом проведения когнитивно-ориентированных лингвистических исследований, их основной проблематикой и методологией, а также с новыми способами осмысления центральных вопросов языкознания.

Содержание курса охватывает наиболее известные научные разработки по проблемам концептуализации, категоризации и формирования языковых значений с позиций когнитивной грамматики (Р. Лэнекер), фреймовой (Ч. Филлмор и др.) и прототипической (Дж. Лакофф и др.) семантики, с точки зрения ономасиологического и когнитивно-дискурсивного подходов к изучению значений языковых форм и категорий (Е.С. Кубрякова и др.), авторских разработок в области многоуровневой теории значения (когнитивной семантики), языковых систем концептуализации и категоризации, систем репрезентации знаний на когнитивном и языковом уровнях, интерпретирующей функции языка. Основное внимание при этом сосредоточено на ключевых понятиях и их трактовке в разных работах, общих тенденциях развития когнитивных лингвистических исследований в отечественной науке и за рубежом. Автор курса специально акцентирует сходство обсуждаемых подходов при всем разнообразии используемой ими терминологии и понятийного аппарата, а также различия, которые порой скрываются за едиными обозначениями. В качестве иллюстративного материала используются примеры из русского и английского языков.

В начале курса дается общая характеристика когнитивной лингвистики, определяется ее место и роль в системе когнитивных наук, формулируются основные цели и задачи когнитивного подхода к изучению языковых явлений. При этом подчеркивается особая роль человека в познавательных процессах, важность противопоставления тео-

ретического и обыденного познания, собственно познания и когниции, исключительная значимость обыденного познания в речемыслительных процессах, необходимость исследования которой и послужила одним из главных импульсов к возникновению нового научного направления.

Привлечение особого внимания к результатам обыденного познания в их языковых проявлениях, с одной стороны, способствует уточнению проблематики когнитивной лингвистики в сравнении с постановкой и решением вопроса о соотношении языка и мышления в традиционном языкознании и, с другой стороны, позволяет говорить о специфике данной научной дисциплины как действительно самостоятельного научного направления. Так, в рамках традиционного подхода к проблеме языка и мышления в центре внимания исследователей находились логические, объективные характеристики предметов и явлений и, соответственно, наиболее существенные признаки понятий и языковые способы их выражения, т.е. результаты осознанного, теоретического мышления, отраженные в коллективном знании носителей данного языка. Когнитивный подход делает акцент на особой роли человеческого фактора в познавательном и речемыслительном процессах и, следовательно, не только на коллективном, но и на индивидуальном знании отдельных говорящих. В центре внимания когнитивного подхода, таким образом, оказывается повседневный опыт осознанного и неосознанного познания окружающего мира, его роль в формировании смысла высказывания и значений отдельных языковых единиц, а также формы мыслительной и языковой репрезентации этих знаний в их взаимодействии.

Нельзя не отметить, что судьба когнитивной лингвистики, ее становление и развитие в России были далеко не простыми. Это новое направление было встречено критически представителями, прежде всего, структурного подхода, и это отношение во многом сохраняется и в настоящее время. Часть этой критики следует признать вполне справедливой, если учесть, что целый ряд, в том числе не только молодых, но и опытных, исследователей ринулись под знамена "модной" науки, не взяв при этом на себя труд освоить ее ключевые исходные установки, теоретические положения и методологические принципы, а также понятийно-терминологический аппарат и методы исследова-

ния[*]. В результате стало довольно распространенной практикой излагать известные истины в терминах нового подхода (и это, кстати, является главным аргументом оппонентов когнитивной лингвистики), не сильно вдаваясь в суть этих терминов, что не могло не вызвать справедливого возмущения, в том числе со стороны самих приверженцев этого подхода. Для автора это обстоятельство, в частности, тоже послужило одним из дополнительных стимулов к разработке данного курса лекций и его изданию в виде учебного пособия.

В то же время среди критиков когнитивной лингвистики оказалось немало ученых, кто не захотел вникать в суть когнитивного подхода, отвергая его, что называется, с порога. Это также стало причиной критического отношения к нему, его неприятия в целом, поскольку осваивать новое, как ни банальна эта истина, менять собственные устоявшиеся взгляды всегда труднее. В этой связи невольно вспоминается известная историческая параллель. Воины Омара Халифа, арабского завоевателя XII в., в одном из покоренных городов обнаружили большое количество книг. На вопрос полководца, не следует ли разделить книги, как и другую добычу, среди правоверных, Омар ответил: "Если в этих книгах говорится то, что есть в Коране, они бесполезны. Если же в них говорится что-нибудь другое, они вредны. Поэтому и в том и в другом случае их надо сжечь". Аналогичное отношение, к сожалению, нередко встречается и в нашей науке. Новые идеи часто объявляются вредными или давно известными истинами, представленными в других терминах. В похожем положении долгое время находилась, и отчасти до сих пор находится, у нас в стране и когнитивная лингвистика. Цель курса и заключается в том, чтобы показать, что содержание когнитивной лингвистики не повторяет в новых терминах содержание "догматов" структурной лингвистики, а пользуется совершенно новыми установками, собственными принципами и методами исследования.

---

[*] Исключительно медвежью услугу в этом отношении оказывают когнитивной лингвистике и некоторые авторы учебных пособий, весьма далекие по своим научным интересам от данного направления. Демонстрируя откровенное незнание современных работ, особенно зарубежных, в этой области, непонимание специфики когнитивного подхода, его теоретических установок и методологических принципов, не говоря уже о методах исследования, они дают достаточно поверхностное, а порой и явно неграмотное, изложение сути этого подхода, его основных терминов и понятий, вводя тем самым в заблуждение отечественных исследователей.

При этом автор не ставит перед собой задачу сделать рекламу новому подходу, отстоять право когнитивной лингвистики на существование или защитить новое научное направление от несправедливых упреков и нападок. Когнитивная лингвистика не нуждается более в подобной защите. К тому же оказывается, что многие возражения оппонентов, как уже отмечено выше, вызваны, к сожалению, обычным непониманием сути дела или полным неведением, и в этом легко убедиться, прочитав данное пособие. Нет необходимости тратить время и силы, хотя некоторой полемики никогда полностью избежать не удается, на доказательство вполне очевидного факта, что любая наука сильна именно многообразием точек зрения, подходов, направлений, приемов и методов анализа, благодаря которым обеспечивается ее развитие, движение вперед, а не своим догматизмом.

В настоящий момент можно с полной уверенностью утверждать, что когнитивная лингвистика как научное направление в отечественном языкознании состоялась и успешно развивается в целой серии монографий, статей, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций, в многочисленных докладах и обсуждениях на научных конференциях разного уровня. Более 10 лет издается общероссийский журнал "Вопросы когнитивной лингвистики", из года в год занимающий по своему импакт-фактору верхние строчки в рейтинге Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), научная серия "Когнитивные исследования языка". Оба издания включены в Перечень ВАК. В 2013 г. отметила свое десятилетие Российская ассоциация лингвистов-когнитологов. В общей системе научных взглядов на язык и методы его исследования когнитивная лингвистика занимает вполне определенное концептуальное пространство, включающее собственные теоретико-методологические установки и понятийно-терминологический аппарат, интересные практические результаты и теоретические наработки.

Все вышесказанное объясняет главный побуждающий мотив к разработке данного курса и написанию пособия, его переизданию – стремление автора сделать когнитивную лингвистику более доступной и понятной широкому кругу лингвистов, показать те интересные перспективы, которые она открывает в исследовании языка. Справедливости ради следует заметить, что многие положения когнитивной лингвистики, действительно, звучали и в прошлом, в том числе в рамках структурной лингвистики, но только в виде отдельных общих идей и утверждений. Задача курса заключается не в том, чтобы отрицать эти идеи, а показать, какое развитие они получили на современ-

ном этапе и какие новые результаты в исследовании языка и языковых единиц могут быть достигнуты с помощью когнитивного подхода.

Помимо текста лекций пособие содержит примерную учебную программу курса, которая включает в себя тематическую программу, раскрывающую содержание каждой темы с указанием примерного количества часов, планируемых на ее изучение, примерную тематику докладов и рефератов для самостоятельной подготовки, зачетно-экзаменационные требования, список рекомендуемой литературы.

В сравнении с первыми тремя выпусками данное, четвертое издание курса лекций по когнитивной лингвистике дополнено разделами о модусных концептах и категориях, оценочной категоризации, концептуально-таксономическом и когнитивно-матричном методах исследования. В нем уточняются и раскрываются подробнее положения о различных форматах знания, специфике разных уровней категоризации, гештальтности восприятия, интерпретирующей функции языка, тематических и операционных концептах и некоторые другие. Дополненные сведения отражают новые результаты, полученные другими учеными и самим автором в процессе продолжающихся исследований роли языка в познании мира и репрезентации знаний о нем.

Автор выражает искреннюю признательность рецензентам и преподавателям кафедры английской филологии ТГУ имени Г.Р. Державина за высказанные замечания и пожелания в ходе обсуждения прочитанных лекций и текста данного курса на первом этапе его разработки, а также всем, кто впоследствии проявил интерес к содержанию курса в других вузах и научных учреждениях, кто высказывал настойчивые пожелания его переиздать и помогал подготовить новое издание. Эти замечания, пожелания, многочисленные вопросы и отзывы, многолетний опыт чтения курса для разной аудитории способствовали уточнению отдельных моментов в его содержании и были максимально учтены в предлагаемом исправленном и дополненном издании.

ТЕМА 1.
КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ*

1. Формирование когнитивной лингвистики

Когнитивная лингвистика – одно из самых современных направлений лингвистических исследований в мире. Чтобы дать определение этой науки, ее целей, задач, описать методы и специфику объекта исследования, необходимо иметь четкое представление о том, как и в каких условиях она формировалась, каковы общие предпосылки ее возникновения. Иначе говоря, требуется ответить на вопрос, зачем, с какой целью было создано это направление, что нового оно должно было привнести в науку о языке – какие новые знания, что оставалось неясного в наших знаниях о языке и требовало обязательного объяснения, которое не могло быть получено в рамках существующих подходов и направлений.

Появление того или иного направления исследований в языкознании, в данном случае когнитивного, как и сравнительно-исторического языкознания, структурной, функциональной или коммуникативной лингвистики, представляется вполне закономерным. Оно обусловлено более пристальным вниманием ученых к определенной языковой функции: коммуникативной, познавательно-отражательной, или когнитивной, к частным вопросам реализации этих функций с помощью тех или иных языковых единиц, к структурной организации языка и его единиц и т.д. Именно ***понимание и изучение языка как средства познания мира***, ***формирования и выражения мысли***, ***хранения и организации знания в человеческом сознании***, ***обмена знаниями и лежит в основе когнитивного подхода к языку***. С более глубоким и детальным исследованием когнитивной функции языка во всех ее проявлениях и связаны основные отличия когнитивной лингвистики

---

* Автор выражает особую благодарность Е.С. Кубряковой за разрешение частично использовать в данном разделе пособия материал лекции, прочитанной ею на Первой международной школе-семинаре по когнитивной лингвистике в г. Тамбове (ТГУ имени Г.Р. Державина) в мае 1998 г. в рамках реализации ФЦП "Интеграция".

как научного направления, а также выбор и использование соответствующего понятийного и терминологического аппарата.

Естественно, когнитивная лингвистика возникла не на "пустом месте" или, пользуясь когнитивной метафорой, не в пустом ментальном пространстве, как, впрочем, и все другие научные направления. Для этого существовали определенные предпосылки, фон, необходимые фоновые знания в виде отдельных мыслей, идей, постулатов, проблем, которые звучали в работах известных отечественных и зарубежных классиков. Бессмысленно обсуждать (как это делают иногда оппоненты когнитивной лингвистики), использовался или нет и в какой степени собственно когнитивный подход в его современной трактовке в работах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Гийома, К. Бюлера и других основоположников теоретического языкознания. При этом необходимо было бы также вспомнить учение о понятийных категориях И.И. Мещанинова [Мещанинов 1945], о том, что Ф. де Соссюр определял язык как систему "знаков, выражающих понятия" [Соссюр 1977], а Л. Ельмслев подчеркивал, что язык является неотъемлемой частью человеческого разума [Ельмслев 1960: 264] и т.д.

Справедливость тех или иных доводов зависит от избранной точки зрения: иметь ли в виду истоки этого подхода, его отдельные идеи и установки или целостную систему взглядов в единстве с конкретными методами исследования. Если рассматривать работы всех предшествующих поколений ученых именно с последних позиций, то, вероятно, следует признать, что ни одна из них не ставила перед собой специальную цель разработки целостной концепции когнитивного подхода к языку в его современном понимании и потому не стала программной в этом отношении (в отличие, например, от "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра, который во многом определил развитие структурной лингвистики). Следовательно, сама постановка этого вопроса представляется не совсем уместной.

Вероятно, никто не станет с полной уверенностью утверждать, что в трудах предшественников уже была достаточно полно изложена целостная система взглядов на когнитивную функцию языка, предложена программа соответствующих исследований с конкретными целями и задачами и в единстве с описанием способов достижения этих целей с помощью определенных методов анализа, что и характеризует появление новой парадигмы научных исследований (см.: [Кун 1975: 6]). Многие идеи и постулаты о соотношении мыслительных и языковых

структур закономерно, в соответствии с общим уровнем развития всей науки того времени, основывались не столько на экспериментальных данных и накопленном эмпирическом материале, сколько на тех или иных философско-теоретических воззрениях на окружающий мир и мир языка, в том числе.

Именно ***накопленные опыт и знания в рассматриваемой области в различных научных сферах, их осознание как единой системы научных взглядов, а также разработка конкретной теоретико-методологической базы*** исследования языкового материала и послужили импульсом в определенный исторический период (а не в отдельно взятой работе) к появлению нового научного направления, которое получило название когнитивной лингвистики, или когнитивного подхода к языку.

Логично начать разговор о когнитивной лингвистике с обращения к тому историческому фону в науке в целом, без которого появление нового научного направления было бы невозможно. Рождение когнитивной лингвистики официально провозглашено весной 1989 г. в Дуйсбурге на симпозиуме, организованном Рене Дирвеном (Rene Dirven) и другими европейскими учеными. На этом симпозиуме было запланировано создание Международной ассоциации когнитивной лингвистики, издание журнала "Когнитивная лингвистика" (Cognitive Linguistics) и серии монографий "Исследования по когнитивной лингвистике" (Cognitive Linguistics Research).

В первом номере Cognitive Linguistics главный редактор журнала Дирк Герэртс (Dirk Geeraerts) определил **задачи** нового лингвистического направления следующим образом: **исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации**. Для многих исследователей языка в России данная формулировка прозвучала в то время достаточно абстрактно и непонятно и не могла не вызвать критического отношения, поскольку со сходных позиций в той или иной мере язык исследовался в отечественном и зарубежном языкознании давно (и это было и остается одним из главных аргументов критиков данного подхода). С тех пор, однако, приведенная формулировка неоднократно уточнялась, конкретизировалась и в результате претерпела существенные изменения, как, впрочем, и само научное направление. Тем не менее, уже тогда в той же статье Д. Герэртса дополнительно подчеркивалось, что когнитивная лингвистика опирается на изучение концептуальной и эмпирической (основанной на опыте человека) базы языковых категорий и понятий. Языковые формы изу-

чаются не сами по себе, автономно, а в аспекте того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, с точки зрения того факта, как в этих формах передается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды.

Чтобы четче представить себе все эти моменты, необходимо вспомнить, что официальному провозглашению данного лингвистического направления, появлению журнала и целой серии изданий по когнитивной лингвистике предшествовало более чем 20 лет развития самой когнитивной науки. Невозможно понять, что такое когнитивная лингвистика, если не знать, как родилась когнитивная наука, что вызвало ее появление и какая парадигма научных знаний стоит за этой наукой, т.е. если не знать, что такое когнитивная наука в целом.

Когнитивная наука зарождается вскоре после Второй мировой войны в США, где были собраны лучшие ученые Германии и всей Европы. Правительство и Министерство обороны США выделяют огромные деньги на научные исследования и, в том числе, на изучение проблем быстрой и эффективной коммуникации. Дело в том, что во время войны становится ясным (особенно для американцев, вступивших в войну позже других), что для успешного ведения боевых операций, при взаимодействии разных подразделений, родов войск и союзнических армий необходимо принятие быстрых решений для координирования совместных действий. Поэтому чрезвычайно важными оказываются проблемы связи и быстрой обработки информации. Соответственно американские ученые получают большие средства на развитие акустических лабораторий, на разработку совершенных каналов связи.

В это же время Р. Оппенгеймер, физик с мировым именем, один из создателей атомной бомбы, директор американского Института фундаментальных исследований в Принстоне, начинает ряд новых разработок в области теоретической физики. Он приходит к выводу, что решение многих проблем связано отнюдь не только с тем, чтобы выработать новый подход, инструментарий и методы исследования, создать новые, в том числе и вычислительные, машины. Оказывается, самое мощное воздействие на все, что происходит в теоретической физике, оказывает человек, и необходимо выяснить, каково же воздействие человека, исследователя на то или иное решение конкретных проблем. К обсуждению этих вопросов он приглашает крупнейших

психологов, таких как Дж. Миллер, кибернетиков (Н. Винер), специалистов по математическому моделированию, по теории информации, языковедов (Р. Якобсон, Н. Хомский) и др.

Пытаясь выяснить, что представляет собой человек, как он программирует и планирует свои действия, что зависит от него в науке, как происходит рост и прогресс знаний, они приходят к выводу, что за всеми этими научными проблемами, с позиций какой бы науки они ни рассматривались, стоит нечто общее, и это общее есть **сознание человека**. Так зарождается в большой науке антропоцентрическая (ориентированная на человека, центр – человек, от греч. *anthropos* – человек и лат. *centrum* – центр) парадигма научных исследований, которая обращается от простого описания научных проблем и явлений к пониманию роли человека и его сознания в их решении.

Одновременно математики и специалисты по теории информации задаются вопросом, как человек может в доли секунды обрабатывать огромный поток информации, которая поступает к нему по разным каналам, и принимать необходимые решения, какие мыслительные процессы лежат в основе этих процессов. Психологи, изучая нарушения функций высшей нервной деятельности человека, связанные с психологическими последствиями войны и с патологией мозга, также приходят к выводу о том, что они практически мало знают о том, как работает человеческое сознание в норме. Следовательно, необходимо было от исследования патологий перейти к изучению обыденного человеческого сознания, с тем чтобы понять процессы, которые осуществляет человек, когда он познает и воспринимает мир. В результате, психологи обращаются к исследованию того, что называется ментальными, познавательными, мыслительными процессами и что позднее получает общее название когнитивных процессов.

Специалисты в области теории информации, искусственного интеллекта, психологи также обратили внимание на тот факт, что **совершенно особое место в обработке поступающей к человеку информации занимает язык**. По-видимому, он оказывается тем самым уровнем, на котором информация, полученная по разным каналам, обрабатывается воедино, интегрируется, осмысляется, категоризуется и классифицируется. Поэтому все пришли к единому мнению, что именно лингвисты должны объяснить, как это все происходит. Начинается понимание того, что лучший доступ к сознанию – это не только наблюдение за предметно-познавательной деятельностью человека как таковой, но это и наблюдение за языком как формой отражения

и выражения мыслительных процессов. "Путь к осмыслению феномена человека, – подчеркивает Н.Д. Арутюнова, – лежит не столько через естественные науки, сколько через естественные языки" [Арутюнова 1999: 6]. Именно через язык мы получаем основные знания о мире, и именно на языке мы излагаем эти знания в учебниках и учебных пособиях, программах, в лекциях, статьях, монографиях, в устной беседе. Это воспринимается всеми как нечто, само собой разумеющееся, как привычное явление. Однако за всем этим стоит конкретная мыслительная деятельность, определенные когнитивные процессы, которые необходимо было еще изучить. Это и определило появление и интенсивное развитие когнитивной науки.

Когнитивную науку определяют по-разному. Существует определение, что это – наука о человеческом мозге, о сознании человека. Существует также определение когнитивной науки, которое гласит, что эта наука должна заниматься познавательными процессами и тем, как протекают вообще познавательные или мыслительные процессы в голове человека. Наконец, очень часто говорят, что это наука, которая должна объяснить и описать системы, обеспечивающие обработку информации. Все это вместе и создает когнитивную науку, которая ставит своей целью проследить за тем, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит рост знания, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией. По мнению Р. Шепарда, более распространенным является определение, что когнитивная наука – **это наука о системах представления знаний и получения информации**; менее распространенным, но более приемлемым определением он считает следующее: **когнитивная наука – это наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами**, т.е. определение, подобное тому, что дается в теоретической физике (см.: [Кубрякова и др. 1996: 58]).

Когнитивная наука – это наука междисциплинарная, которая интегрирует усилия ученых разных специальностей (психологов, логиков, философов, лингвистов, психолингвистов, математиков, программистов, кибернетиков, антропологов и др.) с тем, чтобы получить наиболее полное и адекватное представление о таком сложном феномене природы, как человеческое сознание и разум.

Когнитивная лингвистика возникает как наука, которая отвечает на эти же все вопросы, только в их непосредственной связи с языком. Она как бы повторяет все вопросы, поставленные внутри когнитивной

науки и характеризуется теми же установками, но только в их непосредственном отношении к языку. Давая **определение когнитивной лингвистики**, можно было бы сказать, что это – ***наука, которая изучает соотношение когнитивных и языковых структур***. Однако для того, чтобы понять суть этого определения и самого термина "когнитивный", необходимо уточнить, что когнитивная наука – это наука, которая прежде всего занимается когницией (отсюда она и получила свое название), а когнитивная лингвистика занимается когницией в ее языковом отражении. Поясним этот момент несколько подробнее и определим, в первую очередь, что такое когниция.

Когниция – это англоязычный термин (cognition), который трудно однозначно перевести на русский язык, поскольку он по своему содержанию существенно отличается от наиболее близкого ему русскоязычного термина "познание". В соответствии с определением, которое приводится в Краткой философской энциклопедии, **"когниция" – это "знание, познание"** [КФЭ 1994: 214]. Иными словами, в отличие от термина "познание", "когниция" означает и сам познавательный процесс – процесс приобретения знаний, и результаты этого процесса – знания. Поэтому этот термин используется наряду с термином "познание". Когда мы говорим о познании, о познавательных процессах, мы в большей степени имеем в виду процессы сознательного научного познания мира или теоретического мышления. Когниция – это понятие, которое охватывает не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого – телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного – опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром. Это любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с получением информации, знаний, их оценкой, преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти, использованием. Это – и восприятие мира, и наблюдение, и категоризация, и мышление, и речь, и воображение и многие другие психические процессы или их совокупность.

Когниция, таким образом, как бы естественно разделяется на разные процессы, каждый из которых связан с определенной когнитивной способностью или видом когнитивной деятельности и поэтому может изучаться в отдельности, в том числе в их взаимосвязи с языком. К когнитивным способностям относят и способность говорить. Соответственно когниция неразрывно связана с языком, поскольку именно на языке мы, в основном, передаем накопленные опыт и зна-

ния, обмениваемся информацией, можем рассуждать о самих познавательных процессах и их результатах. Именно этот аспект когниции и относится в большей степени к лингвистике, в задачи которой входит изучить языковые системы знаний, т.е. языковые формы их передачи, организации, хранения, оценки, извлечения из памяти, языковые формы воздействия на знания и с помощью знаний и т.д. В то же время отличия между познанием и когницией, учет результатов как теоретического, так и обыденного мышления, коллективного и индивидуального знания, а также разграничение собственно мышления и других познавательных (в том числе психических) процессов и создают **специфику когнитивной лингвистики как самостоятельного научного направления**, определяют ее отличие от лингвистики традиционной.

В отечественном языкознании когнитивный подход к исследованию языка в его современном понимании стал результатом естественного развития преимущественно ономасиологической теории, или теории номинации (работы Е.С. Кубряковой и др., см. также подробнее: [Кубрякова 2004: 58-75]), которая послужила основной теоретико-методологической базой и важнейшей предпосылкой для формирования нового научного направления. Значительное влияние на формирование данного подхода оказали также другие семантические теории, в том числе семасиологическая теория, или подход (Ю.Д. Апресян, М.В. Никитин и др.), теории логического анализа языка (Н.Д. Арутюнова и др.), семиологической грамматики (Ю.С. Степанов), речевого мышления (С.Д. Кацнельсон), функционально-семантических полей (А.В. Бондарко), герменевтики (Г.И. Богин и др.), психологические и психолингвистические концепции речевой деятельности (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев) и другие. Эмпирической базой стали многочисленные структурные и структурно-типологические исследования языковых единиц разного уровня. В рамках данного курса практически невозможно дать исчерпывающий обзор всех существующих работ, которые в той или иной степени послужили становлению и развитию когнитивного направления в отечественном языкознании, и поэтому в ней не названы, к великому сожалению автора, имена многих ученых, вполне заслуживающих их упоминания в этой связи.

Таким образом, **основными предпосылками** к формированию нового научного направления следует, по-видимому, считать **два ключевых момента в развитии науки**: ***осознание настоятельной***

потребности в системном изучении работы человеческого сознания и понимание того, что единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только язык. Вместе с этим пришло понимание необходимости изучения процессов не только теоретического, осознанного познания, но и познания обыденного, не всегда осознаваемого, а также необходимости исследования влияния человеческого сознания, теоретического и обыденного знания на принятие решений и осуществление различного рода деятельности, включая языковую деятельность.

2. Язык как объект когнитивных исследований. Специфика когнитивной лингвистики как научного направления

Необходимо специально подчеркнуть, что когниция в жизни человека, в его поведении занимает ведущее место. Поведение человека определяется структурами знания, которые у него есть, и тем, как он представляет себе мир. В то же время современный человек не представляет мир вне языка. Конечно, существуют вербальные и невербальные формы мышления, вербальные и невербальные способы общения и передачи информации. Однако основными при этом являются именно речевые формы. Познание и когниция не могут быть полностью свободны от языка. Через сетку языка мы пропускаем абсолютно всё – все знания, которые мы получаем в результате предметно-практической деятельности и благодаря образованию, общему и специальному, и которые мы передаем от одного человека и от одного поколения к другому, или просто общаясь друг с другом. Муслин ад-Дин Саади, восточный мудрец и поэт XIII в., утверждал: "Умен ты или глуп, велик ты или мал, не знаем мы, пока ты слова не сказал".

Если исследователь занимается проблемами коммуникации, коммуникативными актами, процессами порождения и восприятия речи, переработкой и хранением информации, он все равно должен помнить, что он имеет дело со структурами знания. При этом большинство, самые важные структуры знания объективированы и сохранены в языковой форме, а мышление на высоких уровнях абстракции, которое свойственно современному человеку, становится возможным только благодаря языку.

Другой важный момент заключается в том, что когда мы говорим, что когнитивная наука занимается когницией, а когнитивная лингвистика – когницией в ее непосредственной связи с языком, мы должны помнить, что язык является одной из самых важных составляющих инфраструктуры мозга, человеческого разума. Язык – это центр всей когнитивной деятельности. В нем находят свое выражение все когнитивные процессы и способности. В то же время язык – это особая система, которая в значительной степени обеспечивает осуществление этих процессов и способностей. Поэтому, определяя задачи когнитивной лингвистики как науки о соотношении языковых и когнитивных структур, необходимо обязательно принимать во внимание и все другие составляющие мозга. Другими словами, следует помнить, что **когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивную способность**, и это является **первым**, **важным отличием** данного научного направления. Сказанное предполагает, что изучать языковые структуры следует в соотнесении их с этими другими когнитивными составляющими: восприятием, мышлением, памятью, воображением и т.д., выясняя, какую роль играют языковые формы и единицы в осуществлении этих процессов, в отображении их специфики и специфики их результатов.

Соответственно эта взаимосвязь когнитивных и языковых структур конкретизируется в виде отдельных вопросов о языке и восприятии, языке и образном мышлении, языке и сознании, языке и памяти в зависимости от того, с какой когнитивной составляющей имеет дело исследователь и роль какой когнитивной составляющей он хочет изучить или описать более подробно. Это и разум, и эмоции, и различные психические процессы, которые входят в инфраструктуру мозга. В то же время за всеми этими частными вопросами скрывается **одна глобальная проблема**, **которую призвана решить когнитивная наука**, **и когнитивная лингвистика в том числе**. Это проблема того, ***как отражено в сознании человека его понимание и видение мира***. Когда мы говорим о когниции как ключевом слове когнитивной науки, мы имеем в виду то, что **мир репрезентирован**, **представлен в нашем сознании в виде определенных структур знания**, **мнения и оценки мира**. Главная проблема заключается в том, чтобы выяснить, какими структурами знания обладает человек и как он ими оперирует, когда мы говорим об определенной картине мира в его сознании, о ментальных репрезентациях и познавательных процессах.

Если раньше постановка данной проблемы ограничивалась, в основном, областью мышления (например, в традиционном языкознании и философии, где всегда значительное место занимала проблема взаимосвязи языка и мышления), и мы говорили обычно о представлениях и понятиях, то в настоящее время выясняется, что структуры знания чрезвычайно разнообразны и включают широкий спектр единиц. С позиций современной когнитивной науки их можно назвать разными форматами знания. Забегая вперед (более подробно этот вопрос будет обсуждаться в рамках соответствующей темы), отметим, что наряду с простыми понятиями, или концептами (например, то, что мы обозначаем словом *луна* или *солнце* и т.д.), выделяются и более сложные структуры: сцены, сценарии, эпизоды, фреймы, прототипы, пропозиции и другие форматы знания, о которых речь пойдет ниже. **Цель когнитивной лингвистики** и заключается в том, чтобы посредством постижения языка проникнуть в формы этих структур и описать существующие между ними и языком зависимости. В этом заключается **второе, кардинальное отличие когнитивной лингвистики от лингвистики традиционной** – в особой постановке проблемы соотношения языка и мышления.

Данная формулировка цели исследования и проблемы соотношения языка и мышления, конечно, нуждается в некоторой оговорке. Дело в том, что иногда, исходя из вышесказанного, цель когнитивной лингвистики понимают, ни много, ни мало, как изучение работы человеческого сознания. Занимаясь когнитивным анализом, следует отдавать себе отчет в том, что лингвист никогда не сможет (да и не должен ставить перед собой подобные нереальные задачи) в полной мере объяснить, как работает человеческий мозг: это задача других специалистов и других наук, которые, однако, не могут обойтись без учета данных, полученных лингвистами. На современном этапе развития науки когнитивная лингвистика решает более скромные задачи. Она пытается показать соотношение и взаимодействие языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта – опыта использования языковых единиц – смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры, их содержание и связи, внося тем самым свой посильный вклад в общую теорию интеллекта.

Третье, не менее важное отличие когнитивной лингвистики состоит в том, что взамен описательной функции, дескриптивизма, который ставил своей целью описывать, констатировать, наблюдать, **когнитивная лингвистика выполняет объяснительную функцию,**

т.е. основную функцию науки. Любая наука, прежде всего, и существует для того, чтобы объяснить, как устроен мир и сам человек, каковы причины и последствия тех или иных физических, физиологических и психических явлений и процессов. Лингвистическая наука недавнего прошлого находилась под сильным влиянием идей Ф. де Соссюра, когда выход за пределы самой языковой системы считался нарушением норм лингвистического описания. Все, что было не связано непосредственно с описанием языковых единиц и категорий – влияние человеческого фактора (психическое состояние человека, социальные и культурные аспекты, условия коммуникации и т.д.), – объявлялось "вне закона" в лингвистических исследованиях.

К сегодняшнему дню картина существенно изменилась. Чтобы объяснить, как устроен язык и как он используется, необходимо выйти за пределы самой языковой системы и связать ее со всем тем, что мы знаем о восприятии, о памяти, о поведении человека и т.д. Оставаясь внутри этой системы, мы можем объяснить некоторые формальные связи слов, звуковые законы и т.п., но мы никогда не сможем объяснить более сложные явления, и главное – то, для чего существует язык – для передачи знаний и смыслов. Иначе говоря, ограничиваясь рамками языковой системы, лингвистика не достигает своего основного назначения. Следовательно, лингвистические исследования сегодня должны носить междисциплинарный характер, и это делает лингвистику особенно привлекательной. Из этого следует вывод о том, что **когнитивная лингвистика**, разделяя установки и положения когнитивной науки, *является наукой междисциплинарной*, и в этом состоит ее **четвертое основное отличие**.

Междисциплинарность когнитивных исследований языка обусловлена стоящими перед ними целью и задачами и является основным условием их реализации. Это не означает, однако, что лингвист должен проводить самостоятельные исследования психических процессов, достаточно использовать существующие наработки в соответствующих областях научного знания. Невозможно игнорировать, по словам Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 45], сведения о том, что такое память, что такое восприятие, на каких принципах организована когнитивная или концептуальная система в нашем сознании, когда речь идет о сущностных характеристиках языка, об общей модели его организации как неотъемлемого элемента разума, когнитивной способности человека. Необходимый в этом случае выход на другие науки и обеспечивает когнитивный подход.

Пятое отличие когнитивной лингвистики связано с особым ракурсом рассмотрения языка как объекта исследования и обусловлено ***признанием центральной роли человека в процессах познания и в речевой деятельности, т.е. антропоцентризма языка***. Иными словами, когнитивный подход к исследованию языка исходит из того, что значительная роль в формировании языковых значений принадлежит человеку как наблюдателю и как носителю определенного опыта и знаний. Именно человек как познающий и как говорящий на определенном языке субъект формирует смыслы, а не воспроизводит их в готовом виде, и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той или иной ситуации. Это означает возможность обращения к любому фрагменту собственного опыта в процессе формирования значения языкового знака, т.е. использование как языковых, так и неязыковых, энциклопедических знаний. Последнее предполагает **разработку особой, многоуровневой теории значения (когнитивной семантики)**, что, в свою очередь, также дает основание говорить о принципиальном отличии когнитивной лингвистики как научного направления в целом.

В своей лекции об общих проблемах, направлениях и методологии когнитивных исследований на Первой международной школе-семинаре по когнитивной лингвистике в г. Тамбове Е.С. Кубрякова со ссылкой на А.Е. Кибрика привела следующее его определение когнитивной лингвистики. Он, в частности сказал, что мы знаем, что такое когнитивная наука, мы знаем, что такое теоретическая лингвистика; **когнитивная лингвистика – это мостик между когнитивной наукой и теоретической лингвистикой**.

Все сказанное выше позволяет сделать общий вывод о наличии серьезных отличий между **когнитивной лингвистикой и лингвистикой традиционной в самой их методологии**. По определению, ***методология – это философское учение о природе, обществе, познании***. Традиционная (структурная) лингвистика исходит из априорных (теоретических) философских представлений о природе языка и сознания и их соотношении. Между тем, когнитивная лингвистика базируется на результатах эмпирических исследований основных познавательных процессов в психологии: концептуализации и категоризации (о концептуализации и категоризации см. подробнее в последующих темах курса).

3. Тематика и направления когнитивных исследований в лингвистике

Каждая новая парадигма научного знания рождает, по Т. Куну [Кун 1975], не только выбранные научным сообществом новые пути, новые проблемы и модели их решения. Она заставляет пересматривать традиционные решения. Это означает, что с появлением когнитивного подхода вся теоретическая лингвистика требует пересмотра своих основных положений, поскольку каждому языковому явлению, единице, уровню, категории должно быть дано когнитивное обоснование и когнитивное объяснение. Пересмотр теоретических знаний в лингвистике сегодня означает уточнение с позиций когнитивной науки всего, что мы знаем о каждом языковом явлении, об отдельной языковой категории и о системе языка и его функционировании в целом, а также объяснение всех этих новых фактов.

Попытки заново осмыслить традиционные решения приводят к тому, что ученые сталкиваются с огромным количеством новых проблем, разрешение которых связано с появлением разных подходов и точек зрения, в том числе и разных определений самой науки и ее задач. В некоторых направлениях зарубежной науки когнитивная лингвистика объявляется наукой о знании языка, наукой о языковой способности. Например, американские ученые, развивающие идеи генеративной лингвистики, утверждают, что когнитивная лингвистика должна заниматься ментальными репрезентациями самих языковых единиц, языковых категорий, всех языковых явлений и объяснять природу этого отраженного знания – competence. Соответственно задачи теоретической лингвистики в этом случае сводятся к решению трех основных проблем. Четко сформулированные Н. Хомским в начале 80-х гг. [Chomsky 1980; 1986], они выглядят следующим образом: 1) это вопрос о том, что представляет собой знание языка – что знает человек, когда мы говорим, что он владеет тем или иным языком, какая система знаний существует в его сознании; 2) как эта система используется – performance; и 3) как эта система формируется у человека, как она у него возникает в онтогенезе.

Это означает, что задачи лингвистики должны быть ограничены изучением собственно языковых знаний – языковой компетенции. Ясно, однако, что с таким узким определением теоретической лингвистики нельзя согласиться. Вопрос о языковой способности очень важен. Тем не менее, и вопрос о языковых знаниях, и о формах таких

знаний, и о формах представления этих знаний составляют только часть, хотя и очень существенную, когнитивной лингвистики, свести к которой все задачи и проблемы данного научного направления невозможно. Когнитивная лингвистика гораздо интереснее, гораздо шире и ставит еще более сложные проблемы, чем проблема ментальной репрезентации самого языка. По существу, такая трактовка возвращала бы нас к традиционной проблеме соотношения языка и мышления, неправомерно ограничивая предмет когнитивных лингвистических исследований и подтверждая известные высказывания о том, что когнитивная лингвистика не представляет собой ничего нового[*].

Очень модным и довольно устойчивым научным стереотипом на Западе стала также так называемая "компьютерная метафора", сравнивающая работу человеческого мозга с работой компьютера. Когниция в этом случае определяется как вычислительный процесс – компьютация (computation), в ходе которого человек, подобно компьютеру, получает ответы и решения на поставленные перед ним вопросы. Отсюда делается вывод о том, что все гипотезы, которые выдвигаются в отношении языка, должны быть проверяемы (верифицированы) на компьютере. Несомненно, что моделирование вычислительных процессов, производимых компьютером, важно для изучения процессов мышления и разных мыслительных феноменов в голове человека. Кстати, и сама компьютерная метафора возникла в процессе разработок по искусственному интеллекту. Однако следует помнить, что условия работы компьютера задаются (программируются) самим человеком и имеют пошаговый характер. В то же время работа человеческого мозга во многом зависит от окружающих условий и сопряжена с учетом очень многих факторов, влияющих на принятие того или иного решения. При этом сам процесс принятия решений часто связан с параллельной обработкой различных данных и может носить мгновенный, а не пошаговый характер. К тому же в науке решающую роль часто играет именно эвристичность принятия решения, которая обусловлена выходом на новые уровни и в новые области знания, что не

---

[*] Именно по такому пути, думается, идут сегодня многочисленные концептологические исследования, которые занимаются "выискиванием" концепта, стоящего за теми или иными языковыми формами. Более того, далее ("замыкая круг") ими ставится цель найти языковые средства вербализации этого же концепта (большей частью, надо понимать, те же самые языковые формы, на основе которых он и был выделен).

может обеспечить компьютер (по крайней мере, на данном уровне развития вычислительной техники).

С этой точки зрения отечественное направление когнитивной лингвистики и сильно тем, что в нем больше теоретических наработок, больше строится гипотез, у нас есть прекрасное наследие в психологии, на которое мы можем опираться: работы Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, деятельностная концепция А.А. Леонтьева и др., и именно это направление в когнитивной лингвистике требует дальнейшего развития.

Наличие различных подходов и направлений исследования привело к тому, что когнитивная лингвистика сегодня не имеет единого определения. Когнитивными называют уже в принципе любые исследования, в которых языковые явления связываются с деятельностью человеческого мозга. Однако в каждом конкретном случае исследуются разные аспекты этого взаимодействия. Современный этап в развитии когнитивной лингвистики характеризуется тем, что исследования, проводимые в Европе, несколько отличаются от исследований американских ученых. При этом в американской науке также выделяется несколько, часто совершенно разных направлений.

Несмотря на то, что когнитивная лингвистика зарождалась и наиболее активно развивалась в США, в Европе также сложилось свое собственное направление исследований, которое обнаруживает определенную специфику. Это прежде всего немецкая и австрийская школы когнитивной лингвистики. Европейские ученые больше всего занимаются проблемой так называемого Sprachverarbeitung – обработки информации, которая происходит во время порождения и восприятия речи. При этом одной из центральных становится проблема понимания и извлечения информации из текста. Это особенно свойственно немецким ученым.

В Венском университете (школа В. Дреслера) изучают то, как происходит овладение языком с детства, как возникает языковая способность. Именно в Вене особенно активно собирают данные о детской речи и о том, как ребенок обрабатывает поступающую к нему информацию и как он ее начинает использовать, т.е. исследуются проблемы онтогенеза, которые стали традиционными для европейской науки и которые также в свое время ставили и успешно решали наши отечественные ученые: Л.С. Выготский, А.Р. Лурия и другие. Когнитивная лингвистика в Европе – это и изучение проблем ментального

лексикона (знания о словах) как системы, обеспечивающей обработку информации во время восприятия и порождения текста.

Особенно большое разнообразие тем и направлений исследования в американской лингвистике. В определенной мере они повторяют традиционное деление лингвистической науки на отдельные дисциплины: семантику, грамматику, лексикологию. Здесь мы лишь коротко перечислим некоторые направления, а исследуемые ими проблемы и используемые методики будут частично рассмотрены далее в рамках соответствующих тем курса. Следует отметить, что **когнитивная лингвистика начиналась именно с когнитивной семантики**, в рамках которой параллельно развивались прототипическая семантика и фреймовая семантика. Это школы Ч. Филлмора, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Дж. Тейлора, которые затем сосредоточили свое внимание на изучении и понимании процессов концептуализации и категоризации мира, метонимичности и метафоричности мышления. В этом же направлении работают У. Крофт, Д.А. Круз и некоторые другие современные ученые.

Одним из относительно новых направлений в когнитивной лингвистике является **когнитивная лексикология**, которая занимается изучением проблем, связанных с когнитивными аспектами формирования и использования лексического значения. Это работы Дж. Пустейовского и его коллег.

Наиболее интенсивно и в разных направлениях развивается **когнитивная грамматика**. Когнитивная лингвистика, преломляясь в виде когнитивной грамматики, разрабатывается, с одной стороны, американскими типологами – **типологическая когнитивная грамматика**. Это работы Т. Гивона, Дж. Байби и других ученых. С другой стороны, на базе когнитивной лингвистики активно развивается **дискурсивная грамматика**: работы С. Томпсон, П. Хоппера и других, **грамматика конструкций** – А. Голдберг и других.

Еще одно направление – это исследования проблем так называемой **грамматизации (грамматикализации)**, или рождения грамматики из лексики: работы Э. Траугот, Б. Хейни и других. Особое место занимает также **когнитивная (пространственная) грамматика** Р. Лэнекера, в которой языковые значения приравниваются концептуализациям, т.е. тому, как человек осмысливает предметы и явления окружающего мира.

К сфере когнитивной лингвистики относятся и работы Р. Джэкендоффа по **концептуальной семантике**, работы Л. Талми по **кон-**

цептуальной грамматике, а также работы А. Вежбицкой, научные взгляды которой все более сближаются с теоретическими установками когнитивной лингвистики. Труды этих авторов формируют как бы абсолютно самостоятельные научные направления. Перечень конкретных наиболее известных работ вышеперечисленных и некоторых других авторов приводятся в списке рекомендуемой литературы в конце программы курса.

Одно такое перечисление подходов и авторов работ свидетельствует о большом многообразии существующих и вновь появляющихся школ и направлений. При этом каждое направление дает свое собственное определение когнитивной лингвистики и разрабатывает собственные проблемы. В то же время, ***если суммировать все, что к сегодняшнему дню сделала когнитивная лингвистика, то самое основное касается нового понимания и нового определения самого языка*** – **его определения как особой когнитивной способности**. Именно это понимание обеспечило разработку новых методов и приемов анализа, получение интересных выводов теоретического и практического характера, а также понимание особой роли языка в познании мира, репрезентации и интерпретации знаний о мире, ключевой роли человека во всех сферах языковой деятельности.

Подводя итог всему, что было сказано по затронутой теме и возвращаясь к вопросу о формировании когнитивной лингвистики, в виде некоторого обобщения и перехода к следующей теме следует еще раз подчеркнуть, что когнитивная функция языка предполагает, прежде всего, определенный способ осмысления окружающего мира, формирование знаний о нем и разные способы их организации и хранения в сознании человека. Соответственно **основными теоретическими предпосылками** появления когнитивного подхода в его современном виде можно рассматривать ***разработку важнейших положений теорий концептуализации и категоризации, определение концепта как единицы знания***, включающей результаты не только теоретического, но и обыденного познания. Это определение предполагает, в свою очередь, разнообразие способов формирования концептов, что не может не получать своего отражения в языковой деятельности человека.

Говорить о новом подходе к исследованию языка стало возможным также только после того, как были разработаны другие, более "демократичные" теории категорий (а язык в силу своей обобщающей функции – образование категориальное). Эти теории были основаны

на эмпирических, в том числе экспериментальных, данных и конкретных исследованиях в области философии, а не на априорных теоретико-философских представлениях, как классические категории Аристотеля. Среди них наиболее важным является принцип "семейного сходства" (family resemblance) в организации категорий, сформулированный Л. Витгенштейном [Wittgenstein 1953; Витгенштейн 1994]. В антропологии это были исследования по категоризации цветового пространства [Berlin, Kay 1969]. В психологии – теория прототипов и категорий базового уровня, или прототипический подход, предложенный Э. Рош [Rosch 1973; 1975; 1978]. Эти и другие теоретические установки когнитивной лингвистики рассмотрим подробнее в следующих темах курса.

ТЕМА 2.
КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ

1. Когнитивный и лингвистический аспекты познания окружающего мира. Сущность концептуализации и категоризации как основных познавательных процессов

Одним из центральных разделов когнитивной лингвистики является когнитивная семантика как общая теория концептуализации и категоризации, теория того, как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений. Как уже отмечалось выше, **когнитивная семантика** – это **многоуровневая теория значения**, специфика которой заключается в том, что значения языковых единиц в ней анализируются в контексте всех знаний и опыта человека, а не только языковых знаний. При этом значительное место отводится антропоцентрическому фактору – человеку как наблюдателю, "концептуализатору" и "категоризатору". В рамках этой теории человеку как познающему субъекту – носителю когниции – приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц: человек формирует значения, а не получает их в готовом виде, а также активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора.

Соответственно полная семантическая характеристика того или иного языкового явления с точки зрения когнитивной семантики предполагает учет не только и не столько объективных характеристик описываемой ситуации, сколько учет специфики ее восприятия, наличия соответствующих знаний, интенций, выделенности конкретных единиц и выбора точки зрения (перспективы), концентрации внимания на определенных эпизодах. Все эти моменты определяют, в конечном итоге, формирование у человека в процессе его познавательной деятельности конкретных концептов и категорий, т.е. специфику процессов концептуализации и категоризации мира.

В то же время эти же самые моменты, специально акцентированные, обусловливают и специфику того или иного подхода к когнитивному анализу языка и языковых явлений. В частности, принято говорить о **двух этапах в развитии когнитивизма**: раннем – **логическом**, или объективистском и современном – **экспериенциальном**, основанном на опыте. Так, выделение "объективных" семантических признаков в значении языковых единиц и логических правил построения грамматически корректных высказываний – то, с чем ассоциировался, в основном, содержательный подход к анализу языковых явлений в лингвистике недавнего, и далекого, прошлого (и что дает иногда основание некоторым лингвистам утверждать, что когнитивная лингвистика не привносит ничего нового, кроме новой терминологии) – можно назвать логическим подходом. Он базируется на логико-понятийном, теоретическом моделировании связи языка и познания, которое не учитывает многих свойств обыденного познания (когниции), связанных со спецификой восприятия, накопленным опытом и знаниями. Познание и когниция в этом случае не разграничиваются.

В рамках этого подхода значение любого слова или грамматической формы представляется как набор семантических признаков, которые регулируют правильность использования этого слова в словосочетании или предложении. Например, значение слова *автомобиль* будет охарактеризовано с помощью таких семантических признаков, как: 'транспорт', 'неодушевленность', 'конкретность', 'исчисляемость' и т.д. Отсюда в предложении данное слово может занимать позицию подлежащего, прямого и косвенного дополнения, сочетаться с определенными типами сказуемого и определения. Поскольку логические правила и семантические признаки также имеют отношение к мыслительной сфере (к нашим знаниям), то и данный подход тоже называют когнитивным.

Более современное направление в развитии когнитивной лингвистики связано с так называемым экспериенциальным подходом, учитывающим особенности не только теоретического, но и обыденного познания – когниции. Этот подход непосредственно связан с теориями прототипов и естественной категоризации (Э. Рош, Дж. Лакофф, Дж. Тейлор), теорией выделенности (Р. Лэнекер), концентрации, или фокусирования внимания (Л. Талми, Ч. Филлмор).

В отличие от логического **экспериенциальный подход** базируется не на логических правилах и характеристиках, а на опыте взаимодействия с окружающим миром. Например, если попросить говорящих на том или ином языке описать все, что связано в их сознании

с тем же словом *автомобиль*, то наряду с его объективной (логической) характеристикой: транспортное средство на колесах, с собственным двигателем, имеющий определенную форму и т.д., – они, скорее всего, также будут говорить об удобстве, внешнем виде, о цене, престиже, мощности, разных марках и т.д. Кто-то, возможно, вспомнит некоторый эпизод из собственной жизни, связанный с покупкой автомобиля или его регистрацией, страховкой, потерей прав, о неприятностях с ГИБДД, плохих дорогах, автомобиле соседа, пробках, дорогом бензине, проблемах с парковкой, т.е. добавит личные впечатления и ассоциации, которые также являются частью его опыта познания окружающего мира. Первые, объективные характеристики относятся к общему, универсальному опыту познания, в то время как вторые затрагивают личный, субъективный опыт и отражают то, как мы непосредственно познаем окружающий мир и как мы с ним взаимодействуем. **В основе формирования и понимания смысла высказывания**, тем не менее, **лежат все наши знания о мире, передающие и коллективный, и индивидуальный опыт его познания**.

Этот опыт помогает нам и при идентификации предметов, когда мы впервые сталкиваемся с ними. Мы без сомнения называем автомобилем и легковые, и грузовые, и бензиновые, и дизельные автомобили, и внедорожники, и лимузины, и спортивные автомобили, потому что мы можем сравнить их с нашими представлениями о типичном автомобиле, которые хранятся в нашей памяти. Соответственно экспериенциальный подход обеспечивает более глубокое и более естественное описание значений слов. Он позволяет выявить те общие знания о мире, которые хранятся в языке и с помощью языка активизируются.

Это особенно наглядно проявляется при анализе переносных значений, и особенно метафор, основанных не на логической, объективной характеристике предметов. Например, мы без труда понимаем, о чем идет речь, когда говорят, что *автомобиль сломался*, хотя вполне очевидно, что он ломается не так, как, например стол (разваливаясь на части). Поскольку мы не так много знаем о том, как работает автомобиль, мы используем наши знания о том, как ломаются столы и аналогичные им предметы, чтобы понять, что происходит с автомобилем, когда он перестает работать, т.е. мы понимаем, что он перестает выполнять свою функцию.

Еще важнее такой перенос наших знаний об известных предметах и событиях для понимания абстрактных понятий, таких, например, как эмоции. Представьте, что кто-то, описывая чье-либо эмоциональ-

ное состояние, говорит: *Он весь вскипел*. Чтобы понять это высказывание, мы используем наши знания о кипении как реальном процессе: как вскипает, например, чайник и т.п., т.е. используем наш познавательный опыт, связанный с реальным миром.

Другой аспект анализа значений языковых единиц и структур, который также выходит за рамки объективного описания положения дел, связан с тем, как мы выбираем и организуем передаваемую информацию. Это так называемая **теория выделенности** (prominence view). Описывая определенную ситуацию, мы обычно приписываем функцию субъекта тому предмету или лицу, которое представляет наибольший интерес, т.е. в большей степени выделяется среди других в данной ситуации по тем или иным причинам (обладает определенной энергией, активностью, способностью двигаться и т.д.), и поэтому с него мы начинаем свое высказывание, например: John hit the ball with his arm (*Джон ударил мяч / по мячу рукой*), но не: *The ball was hit by John with his arm* (*Мяч был ударен Джоном рукой*), – или: *Игрок забил мяч в ворота*, а не: *В ворота мяч был забит игроком*. Иначе говоря, выбор подлежащего определяется степенью выделенности того или иного элемента описываемой ситуации. Подробнее мы вернемся к этой теории, когда будем говорить о том, как мы осмысливаем и представляем, т.е. концептуализируем предметы и события окружающего нас мира.

Теория выделенности – это лишь одно из возможных объяснений того, как человек отбирает и распределяет информацию в высказывании. Несколько иной подход представлен в **теории концентрации, или фокусирования внимания**. Этот подход основан на утверждении, что все, что выражает человек в высказывании отражает то, какие элементы события привлекают его внимание. Например, предложение *John hit the ball with his arm* выражает на самом деле лишь один из эпизодов описываемого события, тот, на котором сосредоточено наше внимание. В то время как это же событие включает и другие эпизоды, но они остаются за рамками описания: как мяч летел, вверх или вниз, быстро или медленно, как Джон подбежал к нему, возможно, спотыкаясь, быстро или медленно, как он замахнулся, с силой или нет и т.д. Анализ предложений с точки зрения концентрации внимания, таким образом, позволяет объяснить, почему одна часть события получает свое выражение в высказывании, а другие – нет, что не менее важно для синтаксического анализа, чем основанное на логике грамматическое описание.

Это вовсе не означает, что логический подход следует исключить из когнитивных описаний, что он не относится к собственно когни-

тивной лингвистике. Напротив, анализ логических, объективных характеристик очень важен при исследовании языковых явлений. Однако он представляет собой лишь часть познавательного опыта человека – собственно теоретическое знание, в то время как экспериенциальный подход учитывает все виды знания – и теоретическое, и обыденное, повседневное, т.е. когницию в целом, включая, таким образом, и знания логических, объективных характеристик.

Ключевыми понятиями в описании познавательной деятельности и когнитивных способностей человека в целом являются **понятия концептуализации и категоризации**. Вся познавательная деятельность человека (когниция) направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. Это, в свою очередь, связано с необходимостью выделять и сравнивать (отождествлять и различать) объекты и события. Без этой классификационной деятельности не обходится ни один человек. При этом центральное место в этой деятельности занимают процессы концептуализации и категоризации.

И концептуализация и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но различаются по своему конечному результату и/или цели. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории (см.: [Кубрякова и др. 1996: 93]).

Концептуализация – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов (т.е. фиксированных в сознании человека единиц знания), например: концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т.д. Основная часть этих концептов закрепляется в языке значениями конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению.

В то же время известно, что наши знания о мире хранятся в обобщенной, категориальной форме: знания о всех конкретных автомобилях объединяются нашим сознанием в одну категорию "автомобиль", а знания конкретных домов – в категорию "дом" и т.д. Невозможно держать в памяти абсолютно все характеристики каждого, например, конкретного дома. Поэтому и слово "дом" обозначает не конкретный объект (иначе каждый конкретный дом мы должны были бы назвать

отдельным словом и, что еще сложнее, хранить в памяти все эти названия), а целую категорию объектов, у которых может быть разное количество этажей, комнат, дверей, окон и т.д. Соответственно, чтобы назвать какой-либо объект домом, его необходимо отнести к категории домов (признать его принадлежность именно к данной категории), т.е. категоризировать. Эта функция человеческого сознания и определяет содержание понятия категоризации.

Категоризация – это деление мира на категории, т.е. выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов или событий (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов). Вместе с тем, категоризация как познавательный процесс – это и мысленное соотнесение объекта или события с определенной категорией, включая его обозначение именем данной категории. Соответственно обмен информацией с помощью языка сводится к соотнесению ее с имеющейся у человека системой знаний, к идентификации предметов и событий с определенной группой аналогичных предметов и событий, т.е. с определенной категорией. Данный динамический процесс, в отличие от категорий, представленных в статике, и составляет суть категоризации как познавательного процесса.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что и концептуализация и категоризация могут рассматриваться **в двух основных аспектах**: **статическом и динамическом**. В статическом аспекте концептуализация – это система знаний (концептуальная система, картина мира, концептосфера и т.д.), а категоризация – система категорий. В динамическом аспекте – это процессы осмысления объектов мира и формирования единиц знания о них – концептов (концептуализация) и процессы распределения этих знаний по рубрикам опыта, т.е. определенным категориям, соотнесение с конкретными категориями (категоризация). Эти два аспекта тесно взаимосвязаны, поскольку, с одной стороны, формирование системы знаний невозможно без формирования ее отдельных единиц и их категорий, а с другой стороны, само соотнесение и идентификация новых объектов с системой категорий невозможно без наличия этой системы в сознании человека.

Функции концептуализации и категоризации, таким образом, т.е. осмысление объектов как единиц знания, формирование системы знаний, деление мира на категории и отнесение конкретных предметов и событий к этим категориям с помощью языка, являются важнейшими функциями человеческого сознания, лежащими в основе всей познавательной деятельности человека.

2. Концепты и категории, их формирование и представление в языке

С момента своего рождения человек познает окружающий мир, учится узнавать предметы, соотносить их друг с другом, делать обобщения, учится обрабатывать и запоминать значительное количество информации, выражать результаты своей познавательной деятельности с помощью языка. В результате у человека формируются общие понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире, образуя его концептуальную систему. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами (для обозначения системы знаний в когнитологии используется также понятие "концептуальная картина мира", а для отдельных ее частей – понятия: "научная и обыденная картины мира", "языковая картина мира" (с делением на художественную, поэтическую, пейзажную и т.д.), "концептуальная область, сфера, домен" или "концептосфера": концептосфера человека, концептосфера языка, национальная концептосфера и т.д.).

Концепты представляют собой и те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, "квантов" знания. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая и соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результаты мышления. Передача какой-либо информации и процесс общения в целом также представляют собой концептуальное взаимодействие в вербальной или невербальной форме, активизацию соответствующих знаний в концептуальной системе собеседника. Более точное определение можно сформулировать следующим образом: ***концепт*** – это оперативная содержательная единица мышления, единица, или квант структурированного знания (см.: [Кубрякова и др. 1996: 90]).

Содержание концепта включает сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек знает, думает, предполагает, воображает об объектах мира [Павилёнис 1983]. В отличие от **понятия**, которое отражает наиболее общие, существенные (логически конструируемые) признаки предмета или явления, **концепт** может отражать один или несколько, любые, не обязательно существенные, признаки объекта.

Например, упоминавшееся выше понятие АВТОМОБИЛЬ включает такие признаки, как: 'транспортное средство', 'перевозка', 'колеса', 'двигатель'. В то же время аналогичный концепт может включать и такие признаки, как: 'бензин', 'дороги', 'водительские права', 'автоинспекция', 'автокредит' и т.д. Понятие – это рациональный, логически осмысленный концепт. Оно возникает на основе выделения и осмысления существенных характеристик предметов и явлений, в результате постепенного отвлечения от их второстепенных, индивидуальных признаков, т.е. в результате теоретического познания. Другими словами, различия между понятием и концептом обусловлены самим различием теоретического и обыденного познания.

Разнообразие форм обыденного познания (когниции) определяет разные **способы формирования концептов** в сознании человека:

- на основе чувственного опыта, т.е. в результате восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств: через зрение, слух, обоняние, осязание, вкус. Достаточно увидеть тот или иной предмет (например, увидеть или попробовать на вкус экзотический фрукт или овощ: авокадо, папайя, маракуя, гуанабана и т.п.), чтобы в сознании сложилось определенное представление о нем, зрительный или другой чувственный образ, на основе которого и формируется соответствующий концепт;
- на основе предметно-практической деятельности человека, т.е. в результате его действий и операций с различными предметами, например: нож, вилка, ключ, молоток, мыло, зубная щетка, а также любой механизм;
- на основе экспериментально-познавательной и теоретико-познавательной (научной) деятельности: физические, химические, психологические, лингвистические и другие эксперименты, математические решения, изучение значений слов и грамматических форм по словарям и справочным пособиям, получение знаний о мире из учебников, специальной литературы;
- на основе мыслительной деятельности, т.е. в результате рассуждений, умозаключений, выводов, на основе мыслительных операций с уже известными концептами;
- на основе вербального и невербального общения, когда один человек передает, сообщает, разъясняет другому человеку содержание какого-либо концепта с помощью языковых средств (ПАПАЙЯ – *это такой желто-зеленый тропический плод, напоминающий дыню*) или других средств общения: жестов, условных знаков, пантомимы и т.д.

Эти способы часто дополняют друг друга. Более того, формирование наиболее полноценного знания возможно лишь в результате сочетания разных способов: и чувственного созерцания, и предметной деятельности, и обучения, и осмысления, и языкового общения. Не случайно, многие языковые и другие научные концепты становятся более доступными и легче усваиваются, если привести пример соответствующего явления. С другой стороны, именно поэтому с трудом поддаются описанию абстрактные концепты, например: ДИАЛЕКТИКА, СУЩНОСТЬ, КАТЕГОРИЯ и т.п., а также концепты, отражающие объекты несуществующих миров, или воображаемые, искусственно созданные языком концепты, ср.: ГЛОКАЯ КУЗДРА (Л.В. Щерба) или КАЛУША, КАЛУШАТА, БУТЯВКА (Л. Петрушевская). Дополнительных разъяснений на родном языке требуют концепты, передаваемые заимствованной лексикой или терминами: "*Базой для предлагаемого ММВБ оптофьючерса стал фьючерс на доллар, а МЦФБ торгует маржевыми опционами на фьючерс, где основой являются акции "ЛУКОЙЛА*" (Русский телеграф, 01.07.98).

Наше ***восприятие мира и окружающих предметов происходит в виде целостных образов***. Соответственно многие концепты первоначально возникают на предметно-образной, чувственной основе – как определенный эмпирический образ предмета или явления (образ дерева, дома, языковой единицы). Эти образы и впоследствии (после того, как первоначальное содержание концепта усложняется за счет знаний, полученных в результате других видов познавательной деятельности, т.е. "обрастает" мыслительным содержанием, логическими признаками) сохраняют за собой функцию наиболее наглядного представителя данного концепта в сознании человека. Они всегда конкретны, часто носят индивидуальный, а иногда – случайный (т.е. несущественный для данного концепта) характер, поскольку формируются на основе личного чувственного опыта каждого отдельного человека.

Концепт АВТОМОБИЛЬ, например, у одного человека связан с образом личного автомобиля, у другого – с образом престижной или дорогой марки, у третьего – с запахом бензина и т.д. Эти образы выступают как единицы предметного кода (в психолингвистике они называются единицами универсально-предметного кода, универсального – потому что они обнаруживаются у всех без исключения людей, хотя и могут быть различными у каждого человека в отдельности). Они кодируют концепты в сознании человека и обеспечивают наиболее лег-

кий доступ к их содержанию, составляя наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть концепта.

Таким образом, первичный эмпирический образ сначала выступает как конкретное чувственное содержание концепта, а затем становится средством кодирования, знаком все более усложняющегося по мере его осмысления, многомерного концепта. В частности, у детей концепт сначала обычно равен конкретному образу (впрочем, у некоторых взрослых, остановившихся в своем интеллектуальном развитии, концепты тоже мало чем отличаются от первоначального наглядного образа, сравните также выражение: *давайте мыслить конкретно*).

В психологии концепты часто различаются по степени конкретности – абстрактности. Конкретные концепты (такие, как: СТУЛ, СТОЛ, ЧАШКА, ЛОЖКА, РУЧКА, КНИГА, ТЕТРАДЬ, ХОЛОДНЫЙ, ГОРЯЧИЙ, ГОРЬКИЙ и подобные) сохраняют преимущественно чувственный, эмпирический характер и потому легко опознаются и относительно легко различаются и классифицируются. Их содержание легче проиллюстрировать демонстрацией соответствующих предметов, чем объяснить словами – описать, поскольку они отражают чисто эмпирические знания, которых, чаще всего, вполне достаточно для осмысления этих предметов или для использования их в предметно-практической деятельности. Абстрактные концепты (УПРАВЛЕНИЕ, ДЕМОКРАТИЯ, ТАКСОНОМИЯ, ПРЕДИКАЦИЯ и подобные), как уже отмечалось выше, труднее поддаются описанию, их не так легко классифицировать. Наличие абстрактных концептов у человека определяет принципиальное отличие его мышления от мышления животных, которые тоже мыслят концептами, но их концепты имеют конкретно-чувственную природу.

Концепты служат основой формирования классов и категорий. Они сводят разнообразие наблюдаемых и мыслимых явлений к чему-то единому, подводят их под единую рубрику, под определенные классы и категории, позволяют рассматривать различные предметы как элементы одной категории. Концепты служат как бы эталоном сравнения и категоризации вновь познаваемых предметов и явлений, которые в результате этого сравнения идентифицируются как представители данного класса или категории или как элементы другой категории. Если у нас в сознании имеется, например, концепт АВОКАДО (и только в этом случае), мы сможем опознать соответствующий плод и назвать его данным именем, т.е. сможем сравнить его характеристики с содержанием данного концепта (чувственным образом или

мыслительным содержанием) и категоризовать его – отнести к данной категории объектов: *Это – авокадо*, или, напротив: *Это – не авокадо*, если характеристики объекта не совпадают с содержанием концепта.

Одним из основных инструментов познания, концептуализации и категоризации окружающего мира является язык) Это означает, что, с одной стороны, большая доля информации о мире поступает к нам с помощью языка: из учебников, художественной и научной литературы, справочных пособий, языкового общения, изучения значений языковых единиц. С другой стороны, язык помогает нам свести воедино и обобщить всю информацию, поступающую по другим каналам: через зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, – т.е. знания, приобретенные в результате восприятия мира органами чувств (чувственный опыт), а также знания, полученные в результате предметной деятельности (различные операции с окружающими предметами) и мыслительных операций – в результате размышлений, умозаключений, логических выводов и т.д. (выводные знания). Иначе говоря, **язык обеспечивает доступ ко всем концептам**, независимо от того, каким способом они сформированы: на основе чувственного опыта, предметной, образовательной, мыслительной деятельности, – сам, оставаясь лишь одним из возможных способов формирования концептов в сознании человека.

В принципе, для формирования концептов и их существования язык сам по себе не требуется. То, что горячей водой можно обжечься, а зимой идет снег, человек понимает и без языка. Язык нужен для передачи или активизации концептов (обмена мыслями с другим человеком, для коммуникации) в процессе вербального общения. Для этого необходимо концепты вербализовать, т.е. выразить языковыми средствами, назвать. Различные средства репрезентации, т.е. передачи концептов в языке (средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления концептов) составляют один из основных объектов исследования когнитивной лингвистики.

В языке концепт может быть вербализован отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и целыми текстами. Для передачи конкретного концепта, связанного с устойчивым чувственным образом, достаточно значения отдельного слова, которое активизирует данный образ, например: *яблоко, дом, стол, ручка, тетрадь* и т.п. Однако по мере усложнения выражаемых смыслов возникает необходимость активизации дополнительных концептов (знаний) и использования целых словосочетаний и предложе-

ний, например: *кислое яблоко, сморщиться от вкуса яблока* и т.д. Абстрактные концепты часто требуют развернутых описаний – научных или словарных дефиниций, текстовых иллюстраций, например: АССОРТИМЕНТ – наличие, подбор каких-нибудь товаров, предметов или их сортов. *Богатый ассортимент тканей* [Ожегов, Шведова 1993: 28]. Часто один и тот же концепт (смысл) может быть передан различными языковыми средствами: словом, словосочетанием, предложением, например концепт ОЖИДАНИЕ: *ждать; ожидание встречи; Троллейбус все не идет; Я уже три часа здесь сижу; Когда же, наконец, наступит зима* и т.д.

Отдельные концепты могут быть переданы только с помощью целого текста или ряда произведений одного или нескольких авторов, например, концепты: РУССКИЙ ХАРАКТЕР, РУССКАЯ ДУША или АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР, ЧУВСТВО СОБСТВЕННОСТИ и т.д. Концепты такого рода обычно трудно передать одним предложением или в виде простого определения. Они требуют осмысления большого количества ситуаций, отражающих определенные, взаимосвязанные аспекты названных концептов. Примером может служить описание концепта ДОРОГА Н.В. Гоголем: "*Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... покрепче в дорожную шинель, шапку на уши, тесней и уютней прижмемся к углу!* [...] *и уже сквозь сон слышится и "Не белы снеги", и сап лошадей, и шум колес...*" (Мертвые души). Сравните описание содержания данного концепта в толковом словаре: ДОРОГА – полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения; место, по которому надо пройти или проехать, путь следования; путешествие, пребывание в пути [Ожегов, Шведова 1993: 178].

3. Структура концепта. Концептуальный анализ. Типология концептов

Как уже отмечалось выше, концепт представляет собой единицу, или квант структурированного знания и в силу этого обнаруживает определенную, хотя и нежесткую структуру. Первоначально структура любого концепта имеет для человека вид гештальта, что обусловлено спецификой человеческого восприятия. Гештальт – это структура, элементы которой не могут существовать вне целого или общее

значение которой не может быть выведено из значений ее элементов и того, как они объединяются друг с другом (см.: [Lakoff 1990: 284]). Целое в данном случае психологически проще, чем составляющие его части и поэтому легче запоминается и воспроизводится в памяти.

Когда концепт того или иного объекта активизируется в нашем сознании в процессе мыслительной или речевой деятельности, мы не задумываемся о составных элементах его структуры или о его содержании, и лишь оперируя данным концептом как единицей знания, мы начинаем выделять его конкретные характеристики. Только в этом смысле можно говорить о том, что ***концепт обнаруживает целый ряд характеристик***, которые иногда также, в силу устоявшихся традиций, называют компонентами или концептуальными признаками. Эти признаки отражают в нашем сознании объективные и субъективные характеристики предметов и явлений и различаются по степени абстрактности. Ядро концепта составляют конкретно-образные характеристики, которые являются результатом чувственного восприятия мира, его обыденного познания. Абстрактные признаки являются производными по отношению к тем, которые отличаются большей конкретностью, и отражают специальные знания об объектах, полученные в результате теоретического, научного познания.

Взаимосвязь этих признаков носит индивидуальный характер, поскольку зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного человека. Соответственно у концепта нет жесткой структуры. Его можно было бы сравнить с катящимся комом снега, который постепенно увеличивается в объеме (из этого, однако, не следует, что в содержании концепта, как в коме снега, можно выделять определенные слои, как это пытаются делать некоторые исследователи – знание интегративно и континуально, а не делится на слои), или с течением реки, вбирающим в себя новые притоки и ручейки. Так и содержание концепта постоянно насыщается, интегрируя в себя новые характеристики, что приводит к увеличению его объема, т.е. объема знания.

Например, конкретно-чувственный образ телефона (образ конкретного телефона в нашем сознании), по мере углубления наших знаний за счет повседневного опыта пользования телефоном, освоения различных операций, результатов теоретического познания (о принципах работы телефонной связи и т.д.), дополняется такими концептуальными характеристиками, как: связь, стоимость, типы телефонов, междугородная и международная телефонная связь, переговорный пункт, таксофон, телефонная карта, сотовая связь, сим-карта, удобст-

во, престиж и т.д. В этом заключается **специфика** самого **человеческого знания**, которое постоянно меняется, отражая новые сведения об окружающем мире и всех происходящих в нем изменениях. Индивидуальное знание при этом может как увеличиваться, так и уменьшаться в процессе забывания отдельных характеристик. Соответственно форма нашего знания должна быть легко приспосабливаемой к этим изменениям, а единица хранения и передачи знания должна быть достаточно гибкой и подвижной.

Содержание концепта подвергается определенной стандартизации на общенациональном или коллективном (групповом) уровне. Соответственно в структуре концепта можно выделить общенациональный компонент, а также групповые (принадлежащие определенной социальной, возрастной, профессиональной, гендерной и другим группам), региональные, или локализованные (отражающие специфику того или иного региона), и индивидуальные компоненты. Индивидуальными компонентами называют те характеристики, которые вкладывает в данный концепт каждый конкретный человек. Обычно они обнаруживаются с помощью вопросов типа: *Что Вы имеете в виду под ... ?* Наличие индивидуальных признаков в содержании концепта обусловливает постоянное стремление к их вербализации и объясняет многообразие смыслов и языковых (художественных, в особенности) средств вербализации концепта. Посредством репрезентации в речи эти индивидуальные концептуальные признаки становятся доступными для других людей, фиксируются коллективным сознанием.

Концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты. Этот вид анализа называется **концептуальным анализом**, поскольку предполагает анализ концептов. Объектом концептуального анализа соответственно являются значения и смыслы, передаваемые отдельными словами, словосочетаниями, типовыми пропозициями и их реализациями в виде конкретных высказываний, а также отдельными текстами и даже целыми произведениями. Сопоставление всех доступных языковых средств репрезентации концепта в системе языка и в речи и позволяет выявить основное содержание концепта, а также принципы организации языкового материала, поскольку в основе формирования значений отдельных языковых единиц, их различных классификаций, а также в основе формирования языковых категорий лежат те или иные концепты. Е.С. Кубрякова определяет концептуальный анализ как "поиск тех общих кон-

цептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры" [Кубрякова 1991: 85]. Обзор различных типов концептуального анализа, используемых в современных лингвистических исследованиях, и их различия приводит также Р.М. Фрумкина (см.: [Фрумкина 1992]).

Для примера проанализируем содержание нескольких концептов, выделяемых в языковом сознании английского и русского народов, изучив словарные толкования и контексты использования соответствующих языковых единиц. Поскольку в задачи данного пособия не входит дать исчерпывающий анализ соответствующих концептов (это предмет специального научного исследования), а лишь продемонстрировать основные приемы и принципы концептуального анализа, то мы ограничимся анализом словарных дефиниций, представленных лишь в нескольких словарях, а также анализом наиболее известных контекстов употребления соответствующих слов. Концептуальный анализ, основанный на изучении словарных дефиниций как способов описания содержания концепта можно назвать **концептуально-дефиниционным анализом**. Анализ содержания концепта через обращение к контекстам его передачи в языке – **контекстуально-репрезентативным или функционально-репрезентативным анализом**.

КУЛЬТУРА – этот концепт обычно связывается в сознании русскоговорящих людей с определенным уровнем развития человека и общества в целом. В русском языке этот концепт репрезентирован словами: *культура*, *культурный*, *культурно*, *культурность* и некоторыми другими, производными от них. Отмечается также синонимическая связь данных слов со словами: *цивилизация*, *цивилизованность*, *интеллигентность* и их производными [Александрова 1986: 208]. В английском языке соотносимый с ним в сознании англоговорящих людей концепт CULTURE репрезентирован словами: *culture*, *cultural(ly)*, *cultured*, *cultivate*, *cultivated*, etc., – и также отмечастся их синонимическая связь со словами: *civilization*, *civilize*, etc. [Urdang, Manser 1981: 76].

В английском словаре А.С. Хорнби [Hornby 1978: 212] приводятся следующие толкования этих слов:

culture:

1) advanced development of the human powers; development of the body, mind and spirit by training and experience: *physical culture*, *the culture of the mind* (здесь и далее курсивом в сокращенном виде приводятся контексты употребления данных слов, используемые в словаре

для иллюстрации соответствующих значений; сами словарные дефиниции также приводятся с незначительными сокращениями);

2) evidence of intellectual development (of arts, science, etc.) in human society: *a man of considerable culture, centres of culture*;

3) state of intellectual development among a people; particular form of intellectual development: *Greek culture, the cultures of Oriental countries*;

4) all the arts, beliefs, social institutions, etc. characteristic of a community, race, etc.: *the culture of the South Sea Islanders*;

5) cultivating; the rearing of beers, silkworms, etc.: *bulb culture, cultured pearl*;

6) (biol.) growth of bacteria (for medical or scientific study): *a culture of cholera germs*;

cultured: (of persons) cultivated; having culture of the mind; (of tastes, interests) refined;

cultural: having to do with culture: *cultural studies*, e.g. art, literature; a cultural institute;

cultivate:

1) prepare (land) for crops by ploughing;

2) give care, thought, time, etc. in order to develop sth.: *to cultivate the mind/sb's friendship*;

cultivated: having good manners and education.

Сходные значения синонимичных слов в том же словаре [Hornby 1978: 151] поясняются следующим образом:

civilize:

1) bring from a savage or ignorant condition to a higher one (by giving education in methods of government, moral teaching, etc.);

2) improve and educate; refine the manners;

civilization:

1) civilizing or being civilized; state of being civilized: *the civilization of mankind*;

2) system, stage of, social development: *the civilizations of ancient Egypt, Babylon and Persia.*

Другой авторитетный словарь современного английского языка, построенный на основе компьютерной обработки текстов различного жанра [COLLINS COBUILD 1990: 344-345], трактует значения этих же слов следующим образом (словарные статьи здесь также приводятся в сокращенном виде):

culture:

1) consists of the ideas, customs, and art that are produced or shared by a particular society: *Roman and Greek culture*;

2) a particular society or civilization … in relation to its ideas, its art, or its way of life: *early cultures*;

3.1) the intellectual and artistic aspects of a society: *The war brought about great changes in culture and attitudes*;

3.2) the arts considered as a group. For example art, music, and literature, together with activity or interest in them: *interested in culture and history*;

3.3) the quality of being well-mannered and well-educated, especially when you have a good knowledge of the arts and an interest in them: *a man of culture*;

4) physical culture, beauty culture, etc. is the development of your body;

5) the culture of bees, silkworms, fish, etc. is the practice of keeping, rearing, and breeding them: *bee culture*, *the culture of silkworms*;

6) a culture is also a group of bacteria or a group of cells taken from a person or animal, which are grown in a laboratory as part of an experiment: *blood cultures* (can be used as a verb).

Дополнительные характеристики рассматриваемого концепта обнаруживаются также в следующих сочетаниях:

Cultural attitudes – культурные установки. Совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемые культурной традицией (феномены вежливости, нормы выражения оценок и суждений, влияющие на языковую форму речевых актов);

Cultural stereotype; **culture of speech** [Баранов, Добровольский и др. 1996].

Анализ словарных толкований данных слов дает возможность выявить такие содержательные признаки концепта CULTURE в англоязычной концептосфере, как:

1) физическое и духовное развитие человека;

2) общественно-приобретенные гуманитарные знания и модели поведения, включая общественно-установленные нормы оценок и суждений (например: *утонченный вкус*);

3) эти знания как область, предмет, форма выражения (музыка, литература, другие искусства);

4) состояние духовного развития общества или группы как их общая характеристика;

5) духовные ценности, выработанные данным сообществом, расой и т.д. (понятия, традиции, искусство);

6) интеллектуальная и духовная деятельность и результаты (произведения) этой деятельности;

7) образование и просвещение;

8) специальная подготовка и обучение;

9) совершенствование (манер, вкуса и т.д.);

10) что-либо, искусственно созданное для каких-либо целей – *cultural*.

Анализ семантики и словоупотребления соотносимых с английскими русских слов позволяет выявить национальную специфику концептов КУЛЬТУРА и CULTURE и приоритетность тех или иных концептуальных характеристик в соответствующем обществе. Так, например в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой слово *культура* трактуется как "совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей" [Ожегов, Шведова 1993: 321] и включает тем самым разные сферы деятельности, а не только интеллектуальную, духовную деятельность, как в английском языке, где также выделяется дополнительный компонент "искусственно созданный". Отсюда отличия: *культурная среда – искусственная среда* (cultural medium).

Определенные различия обнаруживаются и при сравнении словарных описаний других соотносимых концептов в двух языках, например:

МЕДВЕДЬ (несовпадающие в двух языках характеристики подчеркнуты сплошной линией) – "крупное всеядное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми короткими ногами" [Лопатин, Лопатина 1990: 246]; "крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами" [Ожегов, Шведова 1993: 346];

BEAR – "large, heavy animal with thick fur" [Hornby 1978: 69]; "large, strong wild animal with thick fur and sharp claws" [COLLINS COBUILD 1990: 110].

В словарных описаниях концептов ЯЗЫК и LANGUAGE соответственно в английских словарях на первом месте значится функция самовыражения, в то время как в русскоязычных словарях – средство общения. Несколько абсурдно и идеологически предвзято выглядит толкование, например, концепта КИРИЛЛИЦА в некоторых англоязычных словарях: CYRILLIC – "an alphabet devised by Saints Cyril and Methodius in the 9th century AD for Eastern Orthodox Slavic speakers. Derived from the Greek uncial script, it came to be used (in various adaptations) for Russian, Bulgarian, Serbian, and several languages which fell under the influence of the Soviet Union during the 20th century (e.g. Ukrainian)" [Crystal 1994: 91], где использование кириллицы в украинском языке объясняется как результат вхождения Украины в Советский Союз в XX в., т.е. приписывается влиянию Советского Союза.

Наличие различных дефиниций в разных словарях свидетельствует о том, что содержание концепта, в принципе, до конца неисчислимо. **Каждое слово репрезентирует лишь часть концептуальных характеристик**, значимых для коммуникации. В то же время за счет этих характеристик слово включает данный концепт в мыслительную деятельность, обеспечивает к нему доступ, в результате чего могут быть активизированы и другие концептуальные характеристики (скрытые, вероятностные, ассоциативные – то, что получило название **инференции**, выводного знания), которые этим словом непосредственно не передаются.

Все языковые средства в их совокупности дают лишь общее представление о содержании концепта в сознании носителей конкретного языка[*]. Однако это всегда будет лишь часть концепта, поскольку ни один концепт не может быть выражен в речи полностью. Данное обстоятельство связано с тем, что познание индивидуально так же, как и формирование самого концепта. Индивидуальны и средства репрезентации концепта в речи. Они настолько многочисленны, что зафиксировать и проанализировать их все практически невозможно (ср. только дефиниции одних и тех же слов и их синонимов в разных словарях, не говоря уже о многочисленных контекстах их употребления). К тому же, это – только та часть концептуального содержания, которая выражена языком.

Таким образом, концепт имеет сложную структуру, содержание которой лишь частично может быть выявлено через средства его репрезентации в языке.

Сложный характер структурной организации концепта предполагает, что за ним могут стоять (и пониматься) знания разной степени абстракции, разного содержания, по-разному представленные в языке, т.е. разные форматы знания. Концепт – это может быть и отдельный смысл, и целая концептуальная структура, включающая другие кон-

---

[*] При этом необходимо помнить, что речь идет о вербализованных средствами определенного языка концептах. Поэтому в сознании носителей русского языка это – концепт КУЛЬТУРА, а в сознании носителей английского языка это – концепт CULTURE и так же в других языках. Эти концепты могут соотноситься друг с другом по сходным характеристикам и иметь определенные отличительные, национально-специфические характеристики, как было отмечено выше, но никак не выступать в виде полных аналогов друг друга.

цепты и задающая другие ступени абстракции. Можно выделить **четыре основные типологии концептов**: ***содержательная***, ***структурная***, ***репрезентативная и функциональная***.

Содержательная типология предполагает дифференциацию концептов по тематическим областям передаваемого знания: культурно обусловленные, языковые, диалектные, географические, правовые, экономические, юридические и т.п. концепты. Данные типы концептов обычно анализируются с привлечением критериев других вышеназванных типологий, и поэтому нет необходимости рассматривать их отдельно. На основании данного критерия также выделяются неязыковые и языковые по своей природе концепты, которые терминологически различаются как **событийные, или ситуационные, и классификационные** концепты (или фреймы) соответственно (см. подробнее ниже).

По своей структуре и степени абстракции концепты тоже могут подразделяться на несколько типов, что дает основание говорить об их **структурной типологии**. Она включает следующие типы: конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозициональная структура, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт, категория, когнитивная матрица и т.д. **По способам репрезентации в языке** выделяют фонологические, лексические, фразеологические, ономасиологические, словообразовательные, лексико-грамматические, грамматические (морфологические и синтаксические), текстовые, сверхтекстовые и т.п. концепты. **По их функциональной нагрузке** концепты можно разделить на тематические и операционные (смыслы).

Репрезентативная и функциональная типологии концептов рассматриваются подробнее ниже, в соответствующих разделах курса. Поэтому далее остановимся детальнее на структурной типологии. Она объединяет различные типы или форматы знания, которые можно условно поделить на две большие группы: **концептуально-простые** и **концептуально сложные**. К **первой группе** относятся элементарные по своей структуре концепты: конкретно-чувственный образ, схема, представление, понятие, прототип.

Конкретно-чувственный образ – это образ конкретного предмета или явления в нашем сознании (конкретный телефон, конкретный автомобиль и т.д.).

Более высоким по степени абстрактности концептом является **представление** (мыслительная картинка в некоторых классификациях) – это обобщенные чувственные образы разных предметов и явле-

ний (дом вообще – любое строение с дверью, окнами, крышей и т.д.). Представление отражает совокупность наиболее наглядных, внешних признаков предмета или явления.

Схема – это мыслительный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер (общие контуры, схематичное представление телефона вообще, дома, траектории движения, общие контуры человека; ср., например известное выражение: *Точка, точка, запятая – вышла рожица кривая* и т.д.).

Понятие – концепт, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики (РОМАШКА – травянистое растение семейства сложноцветных с цветками, у которых лепестки обычно белые, а середина желтая [Ожегов, Шведова 1993: 707]). Как уже отмечалось выше, понятие возникает на основе представления или схемы в результате постепенного абстрагирования от второстепенных признаков.

Прототип – это категориальный концепт, дающий представление о наиболее типичном члене, наилучшем образце определенной категории. Это могут быть типичные примеры, социальные стереотипы, идеалы, образцы, конкретные чувственные образы. Например, представления об идеальной хозяйке, о типичном политике, о человеке – образце мужества и стойкости, о типичном автомобиле. Данные концепты служат опорными точками (когнитивными точками референции), с помощью которых человек структурирует свои знания об объектах и явлениях окружающего мира на определенные категории и выносит свои суждения о них (например: *наполеоновские планы, человек восточного типа* и т.д.).

Элементарность структуры и содержания вышеназванных типов проявляется в том, что они могут быть описаны набором определенных взаимосвязанных и достаточно предсказуемых характеристик. Например, основные характеристики прототипа птицы: наличие двух крыльев, двух ног, клюва, оперения, откладывание яиц.

Вторая группа охватывает несколько видов **концептуально-сложных** форматов знания, которые традиционно называют концептуальными структурами: пропозиция, фрейм, сценарий, гештальт, категория, когнитивная матрица. Главные различия внутри этой группы заключаются в том, что часть из них (фрейм, сценарий, пропозиция) объединяют несколько взаимосвязанных концептов на основе их простого соподчинения, т.е. являются **многокомпонентными**. Они ассоциированы с определенной языковой единицей, отличаются высокой

степенью стереотипности и их компоненты, в свою очередь, могут быть также описаны набором конкретных характеристик. Другая часть передает нестереотипное знание, которое является результатом интеграции концептов (гештальт, категория) или концептуальных областей (многоаспектное знание) в единую концептуальную структуру. Соответственно их можно назвать **интегративными** структурами.

Пропозициональная структура, или пропозиция – наиболее распространенный способ концептуальной организации нашего знания. Она представляет собой модель события как определенной области нашего опыта, в которой вычленяются элементы – аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы, – даются их характеристики, указываются связи между ними. Семантические отношения между аргументами представляются в виде определенных семантических функций: агенс, пациенс, экспериенцер, бенефактив, инструмент и т.д. Данные концепты имеют объективный, логический характер, поскольку передают те или иные сущности с их свойствами и реально существующими отношениями. Осознавая собственный опыт событий в терминах пропозиции, человек как бы налагает на него определенную концептуальную структуру-модель в виде базового предиката и его аргументов.

Фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой "пакет" информации, знания о стереотипной, часто повторяющейся ситуации. Например: ТЕАТР (компоненты: билетная касса, зрительный зал, сцена, буфет, раздевалка, спектакль и т.д.). Формально фрейм представляют в виде двухуровневой структуры узлов и отношений: 1) вершинные узлы, которые содержат данные, всегда справедливые для данной ситуации и 2) терминальные узлы, или слоты, которые заполняются данными из конкретной практической ситуации и часто представляются как подфреймы, или вложенные фреймы [Минский 1979][*]. Активизируя фрейм через данные второго уровня, мы воссоздаем всю структуру этой ситуации в целом. Например, посредством глагола *читать* мы можем активизировать фрейм ДЕЙСТВИЕ и воссоздать его структуру в виде пропозиции: СУБЪЕКТ – ДЕЙСТВИЕ – ОБЪЕКТ.

---

[*] В отечественной лингвистике вместо терминов "узел" и "слот", более характерных для теорий информации и искусственного интеллекта, чаще используются традиционные лингвистические термины "обязательные и факультативные компоненты/элементы".

Сценарии, или скрипты – это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов (например, отдельные эпизоды внутри фрейма ТЕАТР: посещение театра, покупка билетов, сам спектакль, посещение буфета во время антракта и т.д.).

Фреймы, сценарии и пропозиции, которые относятся к одному типу структурированных концептов, могут иметь аналогичную структуру. Так, по мнению Ю.Н. Караулова [Караулов 1987: 194], фрейм любого уровня обобщенности может быть представлен пропозицией, а фреймовая сеть – системой пропозиций. Например, фрейм ОЦЕНКА: ОЦЕНИВАЮЩИЙ СУБЪЕКТ – ПРЕДИКАТ ОЦЕНКИ – ОБЪЕКТ ОЦЕНКИ и т.д.

Гештальт – это концептуальная структура, целостный образ, совмещающий в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и целостности, результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, в котором целостный образ, будучи проще своих составных частей, доминирует над ними: недискретное, неструктурированное знание. Гештальтностью может характеризоваться начальная ступень процесса познания: самые общие, неструктурированные знания, например, УНИВЕРСИТЕТ – для тех, кто никогда не учился в вузе и не знает, какова его структура (институты, факультеты, деканаты, отделения, кафедры и т.п.), как строится учебный процесс (лекции, семинары, лабораторные занятия, зачеты, экзамены и т.п.), или аспирантура (многие имеют лишь самое общее представление о том, что такое "подготовка кадров высшей квалификации в виде аспирантуры", что такое диссертация и т.п.), например: *Мои университеты*.

Гештальт может пониматься и как базовое знание, осмысление которого не требует дополнительных усилий или специальных сведений, выделения каких-либо отличительных характеристик: все люди приблизительно одинаково понимают, что такое стул или стол, диван или кровать, и не анализируют для этого их отличительные характеристики. Они как бы сливаются для них в одну единую характеристику – усл. диванность, стольность и т.д.

Гештальтом может быть конечный результат целенаправленного познавательного процесса (система определенных знаний, осознанное знание), когда человек обладает исчерпывающими знаниями об объекте, владеет разными типами концептов: у него сформировались и конкретный образ, например здания университета или лекции, и общая схема университета, и научное понятие высшего универси-

тетского образования, и последовательность этапов обучения (сценарий), и общая структура всех составляющих университета и университетского образования (фрейм). В последнем случае он выступает как концептуальная структура, объединяющая все вышеназванные типы концептов, которые постепенно вычленяются в процессе познания, актуализируя свой образный, понятийный, схематический, фреймовый и т.д. уровни или разные комбинации этих концептуальных сущностей. Все они тесно переплетаются в мыслительной и речевой деятельности человека, обеспечивая многообразие способов формирования смыслов языковых единиц в вербальной коммуникации и их понимание.

Категория – это концептуальное объединение каких-либо объектов. В своей структуре она интегрирует знание общего концепта, который служит основанием для их объединения, знание самих этих объектов, а также знание принципов их объединения, организации в категорию. Например, знание категории птиц подразумевает овладение одноименным концептом, знание разных видов птиц, их сходств и различий, а также того, что одни из них являются наиболее типичными представителями данной категории, а другие – менее типичными, т.е. прототипического принципа организации этой категории. **Отличительной особенностью структур знания категориального формата** является то, что признаки и характеристики, формирующиеся в сознании человека в виде тех или иных концептов, не ограничиваются одним конкретным объектом, а распространяются на определенные классы объектов.

Особый формат знания представляет собой **когнитивная матрица**. Это единица многоаспектного знания, которая объединяет в себе различные когнитивные контексты, или концептуальные области, интегрированные вербально в единый комплекс. Именно такое комплексное знание лежит в основе семантики слов, типа: *культура, наука, образование, экономика, религия* и т.п. Так, приведенный выше пример с концептом КУЛЬТУРА показывает, что выделенные в его содержании характеристики представляют собой, по существу, целые концептуальные области (ФИЗИЧЕСКОЕ И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ, ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НОРМЫ, ЦЕННОСТИ и т.д., см. выше), выступающие как единое многоаспектное знание о культуре. В то же время в зависимости от обращения к конкретной области, ее фокусирования данный концепт (и репрезентирующее его слово) приобретает разное содержание: ВОСПИТАНИЕ – *куль-*

турный человек; ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ – *культурный опыт*; ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ – *культурные ценности*, ДУХОВНОЕ ОКРУЖЕНИЕ – *культурная среда* и т.д. Для изучения концептуальных единиц такого рода следует использовать особый, нами специально разработанный метод – **когнитивно-матричный анализ** (**когнитивно-матричное моделирование**). Учитывая сложность организации и интегративность содержания данного формата знания, остановимся на этом вопросе и специальном методе его исследования несколько подробнее.

4. Матричный формат знания

4.1. Когнитивная матрица как единица знания

В языковой деятельности знания любого формата выступают в качестве когнитивного контекста формирования и понимания языковых значений: будь то контекст отдельного концепта, фреймовой структуры или категории (*нос человека – нос корабля – нос ботинка; серая мышь – мышь компьютерная*). Более того, язык демонстрирует немало примеров отдельных единиц, которые не получают однозначного осмысления в рамках одного когнитивного контекста и требуют обращения к нескольким концептуальным областям. Передаваемое ими концептуальное содержание не сводится к отдельным характеристикам или их определенному набору и отличается **интегративностью** различных его аспектов. Как отмечено выше, это слова типа: *наука, культура, искусство, образование, религия, экономика, право, интеллект,* – которые способны объединять разные концептуальные области в единый формат знания.

Сравните их определения в различных типах словарей, например: "наука – система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления" [Ожегов, Шведова 1993: 407]; "культура – совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей" [Ожегов, Шведова 1993: 321]; "культура … распадается на различные области, сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа данного народа" [КФЭ 1994: 229] и т.д.

Ю.С. Степанов, анализируя, в частности, общее содержание понятия КУЛЬТУРА, специально подчеркивает, что культура всегда предполагает определенную "аспектуализацию", выделение некоторых областей, рядов, парадигм и т.д. [Степанов 1997: 13-40]. Из этого можно сделать **важный вывод** о том, что слова типа *наука*, *культура*, *религия*, *экономика*, *право* и т.п. репрезентируют многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных контекстов возможного их осмысления, что, кстати говоря, подчеркивается частым повторением в их дефинициях слов *система* или *совокупность*.

Многоаспектность такого рода знания позволяет говорить о его особом, интегративном формате, который невозможно описать простым набором обязательных и факультативных элементов или характеристик. Это знание матричного формата, которое можно представить в виде **когнитивной матрицы, т.е. системы взаимосвязанных когнитивных контекстов** (см. определение матрицы в различных толковых словарях как системы элементов, представленной в виде таблицы из n-строк и m-столбцов [Ожегов, Шведова 1993: 354; СЭС 1990: 783]).

Необходимо подчеркнуть, что в лингвистических работах термин матрица может получать различное осмысление. В частности, он может обозначать: 1) многоаспектность знания, 2) множественность способов языковой репрезентации знания (вербализации концепта, синонимия), 3) вариативность контекстов употребления (многофункциональность) и 4) многозначность языковой единицы на уровне системы. Однако только в первом случае правомерно говорить о **когнитивной матрице** в вышеприведенном смысле, т.е. **как системе взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта**.

Примером множественной репрезентации концепта может служить наличие разных способов вербализации суперординатного понятия применительно к различным сферам деятельности. Так, понятие УПРАВЛЯЮЩИЙ МЕХАНИЗМ в области корабельного дела представлено термином *штурвал*, в области автомобильного дела – термином *руль*, в технике – *пульт*, в компьютерной сфере – *джойстик*, в военной области – *кнопка*, в сфере общественного и экономического управления – *рычаг* и т.д. Одно и то же вещество мы называем поваренной солью и хлоридом натрия, одни и те же события – разными глаголами (*брать – давать*) или прилагательными (*Вторая мировая* и *Великая отечественная война*).

Для моделирования семантической структуры многозначного слова и выделения множества ее компонентов понятие матрицы использовала И.В. Арнольд [Арнольд 1966]. Понятие "матрица доменов"

(domain matrix), которое по существу мало чем отличается от понятия фрейма, встречается в работах Р. Лэнекера. Он употребляет данное понятие и соответствующий термин для описания комплекса иерархически связанных концептуальных областей, которые **одновременно** (выделено и подчеркнуто нами – Н.Б.) ассоциируются с тем или иным концептом. Например, концепт ЛОКОТЬ ассоциирован иерархически с концептом РУКА, который в свою очередь, непосредственно связан с концептом ТЕЛО и т.д., что напоминает структуру фрейма, отражающего содержательную и структурную глубину и сложность рассматриваемого концепта.

С другой стороны, Р. Лэнекер считает, что матрица доменов (концептуальных областей) служит основанием для понимания разных значений (осмысления в разных контекстах) многозначного слова [Langacker 1987: 147; 1991: 2-5]. Например, концепт БАНАН, по мнению Р. Лэнекера, включает матрицу таких концептуальных областей, как: форма, цвет, вкус, запах, продукты питания, способ и место произрастания и др. Все они уточняют содержание названного концепта и необходимы для полной характеристики значения соответствующей языковой единицы [Langacker 1987: 154]. Заметим, что в этом случае Р. Лэнекер называет концептуальными областями не что иное, как характеристики данного концепта, которые в этом контексте считать областями весьма проблематично. При всем различии в подходах, которое заключается в строго лингвистическом или, напротив, широком, энциклопедическом взгляде на семантику слова, наблюдается определенное сходство в использовании понятия матрицы и у И.В. Арнольд и у Р. Лэнекера – для обозначения сети структурно-семантических вариантов многозначного слова или концептуальных характеристик, лежащих в основе их формирования и понимания, соответственно.

Вслед за Р. Лэнекером, в том же смысле применяют термин и понятие "матрица" для обозначения любого набора концептуальных доменов (областей) У. Крофт и Д.А. Круз [Croft, Cruse 2005], а также В. Иванс и М. Грин [Evans, Green 2006]. Во избежание путаницы следует специально отметить, что в отличие от данного употребления мы используем другое понятие – **когнитивная матрица** – и одноименный термин в ином смысле и с иной целью: **для обозначения особого, единого формата, единицы знания** – знания многоаспектного **как системы взаимосвязанных когнитивных контекстов** (и терминологические различия, как и разработанный для изучения данного формата особый метод когнитивно-матричного анализа, призваны это подчеркнуть). ***В структуре когнитивной матрицы данные когнитив-***

ные контексты приобретают статус самостоятельных, независимых друг от друга компонентов в отличие, например, от лексико-семантических вариантов одного и того же слова, связанных отношением производности. Более того, эти контексты носят опциональный характер и **не предполагают их обязательно одновременное иерархическое ассоциирование** с тем или иным словом или концептом (см., например: [Болдырев, Куликов 2006; 2006а; Болдырев 2007, 2007а; Болдырев, Алпатов 2008] и др.).

Таким образом, когнитивная матрица как формат знания объединяет в себе несколько когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений, проявляется их культурная, в том числе, специфика. В сравнении с другими типами когнитивного контекста, например, фреймом, **когнитивная матрица обнаруживает несколько принципиальных отличий как структурного, так и содержательного характера**. Если фрейм представляет собой иерархически организованную структуру, в которой выделяются обязательные и факультативные компоненты, то для структуры когнитивной матрицы в целом нехарактерна какая-либо иерархия, и это ее **первая и одна из главных отличительных черт**. Компоненты когнитивной матрицы открывают доступ к разным концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной, производной или доминирующей по отношению к другим.

Второе отличие связано с характером представляемого знания. Фрейм, в соответствии с общепринятым определением, передает стереотипное знание о ситуации, ассоциированное с определенным концептом и языковой единицей. Когнитивная матрица сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. Более того, они могут отличаться разным уровнем сложности. Это также обусловлено общим принципиальным отличием многоаспектного знания матричного формата: если фрейм выступает как единый когнитивный контекст, целостная структура, то когнитивная матрица – как система разных когнитивных контекстов, представленных ее компонентами интегративно в рамках единого сложного концепта.

Третье отличие заключается в том, что фрейм остается преимущественно моделью обыденного знания. Между тем содержание компонентов матричной модели может значительно варьироваться в пределах от обыденного до экспертного знания, а также в зависимости от языковой и социальной принадлежности человека. Отдельный человек, например, может иметь лишь самое общее представление, не знать ничего или практически все о диалектных различиях в опреде-

ленном языке, о топонимах, о культуре того или иного народа, его истории и т.д.

Отличие когнитивной матрицы от другого лингвистического понятия – концептуального поля заключается в том, что поле объединяет концепты одной тематической области (например, цвета или движения) по принципу включения, а когнитивная матрица – разных тематических областей по принципу интеграции. Другими словами, по сравнению с концептуальным полем она представляет собой образование более высокого, сложного порядка.

В зависимости от способа репрезентации когнитивная матрица может иметь разную структуру (общая и частная когнитивные матрицы), о чем подробнее речь пойдет ниже в связи с описанием конкретных методов исследования данного формата знания.

4.2. Когнитивно-матричный анализ

Целью когнитивно-матричного анализа является изучение многоаспектного знания матричного формата. Впервые он был использован нами в работах по диалектному знанию и изучению культурной специфики языка: [Болдырев, Куликов 2006, 2006а; Болдырев 2007а]. **Когнитивно-матричный анализ представляет собой систему исследовательских приемов, включающих**: 1) выявление посредством концептуального анализа взаимосвязанных аспектов единого знания интегративного характера (интегративного концепта), 2) построение на этой основе когнитивной матрицы интегративного концепта (**когнитивно-матричное моделирование**), 3) описание компонентов матрицы как системы когнитивных контекстов или концептуальных областей, лежащих в основе формирования значений языковых единиц, а также перечня средств языковой актуализации этих контекстов, 4) выделение с помощью концептуального анализа основных характеристик объекта, интерпретируемых в рамках конкретных когнитивных контекстов, 5) изучение взаимосвязей объекта с этими контекстами на основе выделенных характеристик, 6) описание когнитивных механизмов формирования соответствующих языковых значений и смыслов, 7) анализ языковых механизмов и конкретных языковых средств реализации этих значений на функциональном уровне.

Данный метод ориентирован именно на исследование единиц особого формата, которые нельзя отнести к числу стереотипных знаний, ассоциированных с определенной языковой формой, и которые по-

этому не могут быть выявлены и описаны с помощью традиционных методов. Когнитивные контексты, в рамках которых происходит осмысление соответствующих языковых единиц, весьма разноплановы и индивидуальны. Их невозможно свести к определенным типам и общим закономерностям. Их можно представить только в виде отдельных компонентов единой матрицы, которые открывают доступ к тем или иным областям осмысления – концептуальным областям. Эти компоненты, в свою очередь, могут также представлять собой многокомпонентные матрицы и т.д. В качестве таких компонентов выступают те или иные аспекты соответствующих понятий и их конкретное содержание, например: ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК, МЫШЛЕНИЕ, ТЕХНИКА – в отношении науки (см. схема 1); НРАВЫ, ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ, ЦЕННОСТИ – в отношении культуры, разные сферы экономики или права, области искусства, составляющие интеллекта и т.д.

Схема 1

В зависимости от способа репрезентации когнитивная матрица может иметь разную структуру. Представляется целесообразным говорить о **двух структурных типах когнитивной матрицы**: общей и частной. Когнитивная матрица общего характера представлена словами типа *культура*, которые сами по себе передают многоаспектное знание (см. выше, а также схема 1). С другой стороны, матричный формат "наследуется" концептуальными структурами, включающими в свой состав когнитивные матрицы общего типа. Подобные структуры (**частные когнитивные матрицы**) лежат в основе формирования значений ономастических, диалектных, культурно маркированных,

прецедентных и других единиц, когнитивным фоном которых является многоаспектное знание, предполагающее возможность их многоаспектного осмысления. Специфика различного осмысления данных языковых единиц также связана с обращением к тем или иным аспектам языкового, диалектного, культурно обусловленного, экономического, правового и другого типов знания.

Данная структурная особенность частной когнитивной матрицы находит свое отражение в качественно ином принципе ее построения – по типу: "ядро – периферия". Ядром матрицы как единого формата знания в этой ее разновидности выступает объект мысли: название географического или другого объекта, диалектная или культурно маркированная единица, экономический или правовой термин, прецедентный, культурный, экономический или правовой феномен и т.д. Периферийную область матрицы образуют когнитивные контексты как различные аспекты соответствующего знания, обращение к которым необходимо для понимания содержания данных языковых единиц и феноменов. В структуре частной когнитивной матрицы они представлены в виде набора ее компонентов (см. схема 2).

Схема 2

Использование понятия "когнитивная матрица" в отношении разных структурных типов многоаспектного формата знания, с одной стороны, вызвано необходимостью передать такое строение сложного концепта (концептуальной структуры), существенной чертой которого является интегративность и, в то же время, опциональность его элементов. Подобные концепты организованы в виде массива знаний, для которого наличие того или иного конкретного компонента является факультативным. Тем не менее, наличие хотя бы двух компонентов из заданного списка является обязательным (**общая когнитивная матрица**). С другой стороны, подобный массив знаний может обладать закономерностью построения, единым правилом, действующим в отношении каждого элемента, или одним главным элементом, к которому привязаны все остальные. В этом случае возникает необходимость говорить о **частной когнитивной матрице**, в которой выделяется ядро (закономерность или общий элемент), и компоненты (ячейки матрицы). **Частная когнитивная матрица, таким образом, представляет собой систему осмысления конкретного элемента (ядра) в разных когнитивных контекстах (компоненты).** Например, единая закономерность – противопоставление языковой нормы и диалектного варианта – может реализовываться, с одной стороны, на уровнях фонетики, лексики и грамматики, а с другой стороны, на языковом материале различных территориальных общностей (см.: [Болдырев, Куликов 2006]).

Когнитивно-матричный анализ в этом случае направлен на выявление концептуальных характеристик ядра, когнитивных контекстов как областей их осмысления, взаимосвязей между данными характеристиками и соответствующими контекстами, а также языковых средств актуализации этих взаимосвязей.

На первом этапе данной разновидности когнитивно-матричного анализа также первостепенным является выделение и описание компонентов когнитивной матрицы. Например, значение топонима в том или ином языке становится понятным только при обращении к таким концептуальным областям, как ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ, ТЕРРИТОРИЯ, ДИАЛЕКТ и т.д., в рамках которых приобретают значимость различные природные, исторические и функциональные характеристики обозначаемого им географического объекта.

Второй этап связан с выделением тех характеристик ядерного концепта, которые обусловливают возможные способы осмысления передаваемого этим концептом объекта. В когнитивной матрице то-

понима в качестве ядра выступает концепт МЕСТО, репрезентирующий географический объект. Основными характеристиками этого концепта, как показывают результаты концептуального анализа, являются: пространство, вместилище, предмет, часть, качество, граница, событие, ориентир, обитатель*, владелец, использование, предназначенность (обоснование выделения именно данных характеристик см. в работе: [Алпатов 2007]).

Этот перечень характеристик ядерного концепта не является однородным и включает в себя разные способы осмысления географического объекта (в разных когнитивных контекстах МЕСТО может *осмысляться как* ПРОСТРАНСТВО, ВМЕСТИЛИЩЕ, ОРИЕНТИР, ПРЕДМЕТ, ЧАСТЬ) и собственно сами характеристики этого объекта: МЕСТО *имеет* КАЧЕСТВО, ГРАНИЦУ, ОБИТАТЕЛЯ, ВЛАДЕЛЬЦА, ПРЕДНАЗНАЧЕННОСТЬ, ФУНКЦИЮ, *связано* с СОБЫТИЕМ.

Дальнейший ход исследования языкового материала с помощью когнитивно-матричного анализа состоит в последовательном рассмотрении взаимосвязей выделенных характеристик ядерного концепта с каждой компонентной областью когнитивной матрицы. Различное сочетание этих характеристик с тем или иным когнитивным контекстом дает возможность объяснить многообразие значений анализируемых языковых единиц, например: *церковная гора* – гора, на которой расположена церковь; гора, на которой когда-то была церковь; гора, внешне напоминающая церковь; гора, на которой добывали камень для строительства церкви; гора, с которой открывался вид на церковь и т.д., – а также мотивировать многообразие типов, в данном случае, топонимической номинации.

Подробно процедура когнитивно-матричного анализа на материале английских христианских топонимов описана в вышеназванной работе (см. также: [Болдырев, Алпатов 2008]).

Другим **примером когнитивно-матричного анализа** может служить исследование прецедентных феноменов в различных типах текстов. Так, изучение прецедентных феноменов в текстах экономической тематики требует моделирования общей когнитивной матрицы ЭКОНОМИКА, специфика которой заключается в том, что ее структура, в свою очередь, включает еще две, по меньшей мере, когнитив-

---

* Под характеристикой с условным названием ОБИТАТЕЛЬ подразумевается предмет или лицо, которые осмысляются как находящиеся в пределах данного географического места (передается предлогами *в*/*на*).

ные матрицы в качестве ее составных частей: НАУКА ЭКОНОМИКА и РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА. Компоненты обоих частей открывают доступ к системе когнитивных контекстов, в рамках которых и происходит осмысление тех или иных феноменов как прецедентных именно для экономики.

Когнитивная матрица НАУКА ЭКОНОМИКА в качестве таких когнитивных контекстов может интегрировать в своей структуре, например, следующие концептуальные области: Теоретические исследования, Экономические теории (собственно экономические теории, экономические школы, экономические эпохи), Экономические законы, Эмпирические исследования (математические расчеты, статистическая обработка), Экономическая терминосистема, Общеэкономические факты, Экономические факты исторического характера и некоторые другие. Когнитивная матрица РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА может включать такие компоненты, как: Производственно-торговая деятельность, Финансовая деятельность, Непроизводственная сфера, Экономические ситуации и т.д.

Количество и перечень названных концептуальных областей носят условный характер и могут быть расширены за счет привлечения дополнительных знаний экспертного уровня в той или иной сфере. В качестве основных характеристик прецедентности, получающих экономическое осмысление в названных контекстах, в частности, можно выделить следующие: известность в определенной сфере, гештальтность восприятия, воспроизводимость содержания, стандартность формы, жесткая ассоциативность. При этом для каждого прецедентного феномена может быть характерен свой набор концептуальных областей, выполняющих функцию когнитивных контекстов. В единстве с этими контекстами они формируют частные когнитивные матрицы. В системном виде такого рода когнитивно-матричный анализ прецедентных феноменов в научных текстах экономической тематики на материале английского языка представлен, в частности, в диссертационном исследовании Т.Н. Тимофеевой [Тимофеева 2008].

Таким образом, общая и частная когнитивные матрицы могут рассматриваться как многомерные системы взаимосвязанных когнитивных контекстов, передающих многоаспектность знания об определенной области или многоаспектность осмысления того или иного явления соответственно. Выделение и описание разных аспектов единого знания, передаваемого определенной языковой единицей, а также выявление структур многоаспектного знания, связанных с осмыслением

тех или иных языковых структур и входит в задачи когнитивно-матричного анализа. Сказанное выше также позволяет говорить о том, что ***матричная модель применима для описания концептуальной структуры языковых единиц как в парадигматическом (общая когнитивная матрица), так и в синтагматическом аспектах (частная когнитивная матрица)***.

Наличие разных типов, единиц и форматов знания поднимает проблему их соотношения не только с языковыми единицами и категориями, но и того, как они соотносятся между собой. Одной из этих проблем и посвящен следующий раздел обсуждаемой темы.

5. Концепт и смысл: тематические и операционные концепты

В работах начинающих лингвистов, которые ориентируются на высказывания классиков когнитивной науки 20-30-летней давности и старше, часто звучит мысль о том, что понятийно-терминологический аппарат когнитивной лингвистики не устоялся и отличается неопределенностью. Между тем неопределенность, вероятно, свойственна самим этим работам, в которых отсутствует четкое осознание целей, объекта, направления и методов анализа, связанного с изучением единиц знания, представленных в языке. В этой связи необходимо остановиться еще на одной проблеме, имеющей отношение к исследованию единиц знания в их языковом представлении и их содержательной дифференциации, а также к вопросам метаязыка лингвистической науки, на проблеме, которая представляется не менее важной, чем упомянутые выше типологии концептов, а именно: на проблеме их функциональной дифференциации.

Дело в том, что для обозначения разных единиц и форматов знания обычно используется общий (родовой) термин "концепт", который, к сожалению, не всегда корректно и должным образом интерпретируется в его видовых употреблениях в современных отечественных исследованиях разного уровня и характера. Так, довольно часто упускается из виду тот факт, что в зависимости от используемого подхода и направления исследования данный термин может приобретать свое специфическое (видовое) содержание, которое может входить в противоречие с контекстом его употребления, а также с целями, задачами и методами исследования, не говоря уже о сложившейся системе тер-

минов в данной области. Соответственно рассматриваемый термин требует еще одного, очень важного уточнения с точки зрения выполняемой концептом функции.

В Кратком словаре когнитивных терминов Е.С. Кубрякова, опираясь, в том числе, на мнения ведущих специалистов в области когнитивных исследований, отмечает, что концепт – это термин, "служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица **памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга** (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике" [Кубрякова и др. 1996: 90].

Лингвисту, не искушенному в специфике когнитивного подхода и методах когнитивного анализа, прозвучавшая формулировка также может показаться неопределенной, поскольку она затрагивает различные области представления знаний и опыта человека. Однако только глубже проникая в смысл познавательных процессов, можно понять то главное, что содержится в данном определении: все перечисленные области объединяет принципиальная общность их локализации, тождественность природы и источников формирования их единиц. В качестве таких источников выступают общие познавательные процессы, среди которых основными являются концептуализация и категоризация. Иначе говоря, ***любые единицы знания, именуемые концептами, есть результат концептуализации мира***, осмысления полученных знаний о мире.

Познание мира, как уже отмечалось выше, всегда предполагает его структурирование, членение на конкретные объекты, события, выделение различных характеристик, свойств, закономерностей. Познавая окружающий мир, человек также выделяет самого себя и пытается осознать свое собственное место и свою роль как субъекта и объекта познания в общем устройстве этого мира. Концепты и есть те единицы знания, в которых осознаются и репрезентируются результаты познания, точнее, результаты концептуализации как одного из основных познавательных процессов. Другими словами, это ***единицы концептуального содержания, выделяемые человеком в процессе познания с целью последующей их передачи преимущественно в языковой форме или дальнейшего накопления***. Это предполагает их определенное конфигурирование (или форматирование), а также структурную организацию в процессе хранения.

С познавательной, гносеологической точки зрения, следовательно, особенно важной представляется неразрывная связь концептов с процессами концептуализации, в контексте которых они и должны исследоваться как их непосредственный результат. Иначе говоря, употребление термина "концепт" должно сопровождаться ясным осознанием того, что обозначаемая им единица знания является результатом концептуализации мира. Процессы концептуализации, в свою очередь, весьма неоднородны по своей направленности, степени обобщения, объему получаемых знаний, и, соответственно, по своим целям и результатам, а также по тем когнитивным и языковым механизмам, которые задействованы в этих процессах.

Неоднородность рассматриваемых познавательных процессов, прежде всего, проявляется в том, что **концептуализация может быть направлена на достижение двух основных целей**, которые существенно отличаются друг от друга и обусловливают два разных направления исследования ее результатов и разную ориентированность этих направлений на специфику объекта исследования. **Во-первых**, это – накопление, расширение знаний о мире, его объектах, событиях, их свойствах, а также о самом человеке как субъекте и объекте познания за счет появления новых концептов и новых концептуальных характеристик в качестве дополнительных единиц знания в концептуальной системе человека. **Во-вторых**, это – выделение единиц нового или известного знания с помощью языковых средств для их последующей передачи собеседнику, адресату (или активации аналогичных знаний в сознании адресата) в процессе вербальной коммуникации.

В первом случае объектом лингвистического исследования становится совокупность разных, в том числе разноуровневых, языковых единиц, передающих сходное концептуальное содержание или репрезентирующих разные характеристики одного и того же концепта. Последний выступает в качестве элемента концептуальной системы человека как социума (единица коллективного знания о мире, распределенного по индивидуальным концептуальным системам социума) и углубляет общие сведения о мире, которые хранятся в индивидуальной памяти каждого конкретного человека. Во втором случае объектом изучения являются отдельные языковые единицы, репрезентирующие тот или иной концепт в конкретном аспекте его содержания как определенный смысл высказывания (единица индивидуального знания). Это предполагает, что **единицы знания, равно именуемые концептами, могут иметь разную природу, структуру и содержа-**

ние, связанные, в том числе, с их коллективным или индивидуальным статусом, системной или функциональной репрезентацией. Данные различия проявляются, в частности, и в том, что содержание любого концепта всегда лишь частично репрезентируется отдельно взятой языковой единицей, о чем речь уже шла выше.

Следуя данной логике, можно предположить, что концептуализация как познавательный процесс, осуществляемый средствами языка, в зависимости от его целей и результатов может пониматься двояко: в статике и динамике, хотя различение этих аспектов, естественно, весьма условно и проводится только в исследовательских целях. **Статический аспект концептуализации** (в смысле определенной стабильности самих составляющих концептуальной системы) предполагает выделение единиц знания как основных элементов концептуальной системы человека во всей полноте их содержания, которое подвержено влиянию многих факторов: исторического, национального, территориального, социального, образовательного и т.д. Р.И. Павилёнис подчеркивал, что концептуальная система, как и составляющие ее концепты, имеет "определенную историю построения" и отражает "определенный познавательный социальный опыт индивида на уровне обыденной практики, квазинаучных, научных, этических, гипотетических и других представлений о мире" [Павилёнис 1983: 205].

По существу, концепты такого рода (условно их можно обозначить термином **"тематические концепты"**) представляют собой результат количественного и качественного накопления знаний в процессе всей познавательной деятельности людей как определенного социума, т.е. в процессе множества концептуализаций. Они имеют, в большей степени, коллективный характер, хотя и могут различаться на уровне сознания отдельного индивида. Именно в отношении таких единиц допустимо говорить, как это принято в ряде работ, о тех или иных уровнях или аспектах (менее удачный термин – слои) концептуального содержания как различном объеме знания.

Тематические концепты в некоторой степени представляют собой мыслительные конструкты, единицы теоретического знания, репрезентирующие весь накопленный человечеством опыт в конкретной области. Объектом концептуализации в этом случае выступает не столько сам мир, его онтология, сколько знания о мире в их собственно гносеологическом аспекте. Концепты в таком их, широком, понимании служат основой формирования категорий как концептуальных объединений объектов и предполагают разнообразие способов языко-

вой репрезентации. Соответственно изучение тематических концептов предусматривает анализ конкретной тематической области, ее структуры и содержания, а также различных способов и уровней их репрезентации в языке. Говорить о когнитивных и языковых механизмах их формирования, как это иногда случается в некоторых работах, представляется некорректным, поскольку их содержание эволюционирует во временном пространстве, в том числе в результате интерпретирующей деятельности сознания. Термин "механизм", между тем, характеризует, скорее, конкретные процессы репрезентации концептуального содержания и, как следствие, формирования и передачи конкретных смыслов в высказывании.

Тематические концепты также неоднородны по своей природе и функциям. Помимо того, что они могут передавать разные типы знания, что уже отмечалось выше, в их число входит целый ряд концептов, специально созданных языком в целях интерпретации мира и знаний о нем: так называемые классификационные и оценочные концепты. Это определенные классификационные модели, отражающие принципы организации языковой системы (классификация частей речи, членов предложения, словоизменительных или словообразовательных аффиксов) или системы классификации и маркировки объектов (см. ниже о классификационных фреймах в разделе, посвященном фреймовой семантике).

Оценочные концепты передают различные системы коллективной и индивидуальной, общей и частной оценки объектов и событий в контексте общей системы ценностей отдельного индивида или всего социума: ХОРОШО – ПЛОХО, ПРАВИЛЬНО – НЕПРАВИЛЬНО, ПРИЛИЧНО – НЕПРИЛИЧНО, КРАСИВО – НЕКРАСИВО, ПОЛЕЗНО – ВРЕДНО и т.д. Подробнее такого рода концепты и категории рассматриваются в связи с обсуждением интерпретирующей функции языка и проблем языковой интерпретации (модусной концептуализации и модусной категоризации).

Динамический аспект концептуализации (в смысле концептуального взаимодействия участников коммуникации) связан с выделением и репрезентацией объектов, событий и их конкретных характеристик как единиц знания непосредственно в процессе речевой деятельности с целью передачи знания, обмена информацией или ориентации в мире. В этом случае результатом познавательного процесса становятся концепты, выступающие как единицы оперативного знания онтологии мира, конкретные смыслы, которые формируются

и передаются в процессе общения. Условно их можно обозначить термином "***операционные концепты***".

Используя термин "концепт", Р.И. Павилёнис также, с одной стороны, определял его как "часть концептуальной системы – то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира" [Павилёнис 1983: 280], т.е. то, что мы выше назвали тематическим концептом. При этом он специально подчеркивал, что концептуальная система, или система концептов отражает познавательный опыт человека во всем его богатстве и разнообразии [Там же, с. 239]. С другой стороны, Р.И. Павилёнис говорил об интерпретируемости языкового выражения, его осмысленности, основанной на выборе автора определенного концепта в качестве его мнения [Там же, с. 207-209]. В данном контексте концепт понимается автором уже в динамическом аспекте как единица смысла: "дескрипция может служить […] для *фиксации смысла*, или концепта", "концепт как смысл имени может изменяться" [Там же, с. 175, 207]. Р.И. Павилёнис также отмечал, что манипулирование концептами, которые уже содержатся в концептуальной системе, приводит к образованию новых концептов и концептуальных структур, благодаря чему новая информация получает осмысление в данной системе [Там же, с. 246].

Концепты второго типа, **операционные концепты**, являются результатом действия различных когнитивных и языковых механизмов обработки полученной или уже имеющейся информации. Когнитивные механизмы формирования концептов-смыслов включают: профилирование, перспективизацию, фокусирование, сравнение, концептуальную метафору, концептуальную метонимию и другие механизмы, а языковые – номинацию, словообразование, языковую метафору, языковую метонимию, синтаксические структуры и т.д. Операционные концепты передают различные способы схематизации накопленного опыта, конфигурирования знания, способы оперирования им в процессах речемыслительной деятельности. Соответственно исследование этих концептов направлено преимущественно на выявление их содержания и связей с тематическими концептами, а также на описание вышеназванных механизмов и когнитивных схем.

Отмеченные **различия между тематическими и операционными концептами проявляются и в двух основных тенденциях**, часто не всегда осознаваемых, **в исследовании концептуального содержания языка и его единиц и категорий** на современном этапе развития лингвистической науки, что находит отражение в формировании двух

разных по своей сути типологий единиц концептуальной системы. Первое направление ставит своей целью изучение преимущественно структурной типологии концептов (см. выше) как различных форматов знания в языке, т.е. языковых способов форматирования смысла: образные схемы, фреймы, пропозиции, категории, когнитивные матрицы и т.д. Второе связано с областью определения единиц концептуальной системы, их содержательной типологией, что позволяет говорить о единицах тематического знания: культурных, этнических, территориальных, языковых концептах, передающих различные типы знания о реалиях окружающей среды, о внутреннем мире человека, собственно языковые знания.

Объединяющим моментом для обоих направлений, изучающих разные единицы знания (и вызывающим смешение видовых различий между ними), является однотипная, родовая трактовка концепта как содержательной единицы сознания, которой недифференцированно приписывается выполнение двух разных, по существу, функций – хранения и передачи знаний об окружающем мире и языке. Как следствие, в смешанном, недифференцированном виде концептам одновременно приписываются и такие, весьма разнородные, свойства, как: целостность восприятия (гештальтность) и композиционность построения (наличие уровней и слоев), структурный изоморфизм элементов концепта по отношению к целому, а также основополагающий статус по отношению к категориям: концепты лежат в основе формирования категорий, которыми оперирует человеческое сознание.

Между тем, гештальтность, если строго следовать природе изучаемых феноменов, характеризует лишь концепты определенного, базового уровня, и учитываться как характерное свойство концепта должна, прежде всего, при изучении процессов и уровней его языковой репрезентации (как операционного концепта), а не, например, процессов эволюции и накопления знаний, их структурированности (в рамках тематического концепта). Композиционность, с другой стороны, важна для выявления внутренней структуры и различных характеристик тематического концепта, его структурной и содержательной специфики и связей с другими концептами в рамках единой концептуальной системы, т.е. межконцептуальных и деривационных отношений, как основы формирования различных смыслов (операционных концептов).

Простое сравнение двух предлагаемых типологий также свидетельствует об их очевидных различиях, обусловленных разной функ-

циональной направленностью и разными целеустановками исследуемых познавательных процессов, а соответственно, и их совершенно разными результатами. Концепты второго типа (обозначенные выше как ***операционные концепты***, т.е. смыслы, которыми человек оперирует в своей повседневной языковой практике) противопоставлены концептам первого типа (***тематические концепты*** в качестве единиц хранения знаний о мире, в том числе о языке и в языковой форме) как **единицы знания мира** и **единицы знания о мире**.

Одни (тематические концепты) являются гносеологическими, по сути, т.е. теоретическими конструктами человеческого сознания, которые образуются в результате вторичного осмысления знаний о мире, их накопления, включая единицы научного знания, и всегда предполагают необходимость полной или частичной реконструкции их содержания. Они содержат знания о целом классе объектов (категории) и потому имеют обобщенно-денотативный характер. Другие (операционные концепты) – онтологически ориентированные, первичные единицы концептуальной системы, единицы обыденного сознания, которые всегда конкретны в своей референции, т.е. контекстуально и ситуативно обусловлены, и в силу этого могут рассматриваться как отдельные смыслы. Отсюда важен выбор и правильное понимание сущности единицы концептуального анализа как объекта исследования, что предполагает использование разных методов и приемов анализа (концептуально-дефиниционного или функционально-репрезентативного, см. выше) в зависимости от поставленной цели, а также получение разных результатов.

Эти различия связаны, прежде всего, с объектом познания, в качестве которого, как уже отмечалось выше, может выступать собственно окружающий мир или знания о нем. В первом случае результатом концептуализации как познавательного процесса становятся единицы оперативного знания, смыслы, которые формируются и передаются в процессе общения, во втором – единицы хранения знаний как весь объем знания об объекте, тематические концепты. Соотношение операционных концептов-смыслов и тематических концептов можно сравнить с противопоставлением фигуры и фона (по Л. Талми), профиля и основания (в терминологии Р. Лэнекера), ментального пространства и ментальной области (в терминах Ж. Фоконье), частной и общей когнитивной матрицы (см. работы автора данного пособия), а также с традиционным противопоставлением речевого смысла и системного языкового значения.

6. Культурно специфические концепты и проблемы культурологического анализа

Самым неоднозначным, но в то же время часто используемым термином в ряду тематических концептов является термин **"культурный концепт"**. Невольно напрашивается предположение о необходимости существования в этом случае и другого термина – "некультурный концепт" (?!), если не учитывать тот факт, что все концепты, в принципе, являются принадлежностью определенной культуры, даже те, которые обычно рассматриваются как универсальные, т.е. обнаруживаемые с теми или иными различиями в разных культурах. Попытаемся проанализировать данный термин в соответствии с законами языковой синтактики и семантики. С этой точки зрения он должен обозначать: либо единицу культурного знания (?), т.е. знания культуры, культурного поведения, либо единицу знания об определенной культуре. Либо (что совершенно не следует из семантики самого термина) он должен предполагать знание культурных различий или знание реалий, свойственных культуре отдельного народа (например, *матрешка, самовар, кильт, кимоно, пиала* и т.п.), т.е. знание, маркирующее исключительную принадлежность того или иного феномена конкретной культуре.

Логичнее всего предположить, что этот термин обозначает именно последнее, тем более, что сам термин "культура" имеет весьма широкую трактовку и не обязательно связан с межъязыковыми различиями (например, диалектные различия в рамках одного национального языка тоже могут иметь культурно обусловленный характер). В этом случае, вероятно, речь должна идти о дополнительной, культурно обусловленной характеристике определенного концепта или об отдельном концепте культурной реалии, которые получают специфическую репрезентацию в конкретном языке или диалекте, что трудно признать равнозначным термину "культурный концепт", образованному по типу фразеологизма.

В свете сказанного нельзя не отметить попутно и некоторые, вызывающие определенное удивление, формулировки тем аттестационных и диссертационных исследований, типа: "Концепт такой-то и его вербализация в (таком-то, конкретно названном, иностранном) языке" (причем, название концепта приводится на родном языке, и его основ-

ные характеристики выявляются на материале родного языка!)*. Подобная формулировка должна бы предполагать, что человек сначала получает знания о мире и осмысливает их (концептуализирует) исключительно в неязыковой форме, как Маугли, а затем уже, выйдя из джунглей, вербализует средствами конкретного языка. Однако это далеко не совпадает с существующими представлениями о роли языка в познавательных процессах. Даже Маугли, вероятно, вынужден был бы концептуализировать объекты и события окружающего мира с учетом их передачи на языке животных и птиц.

Как образно подчеркивает Е.С. Кубрякова со ссылкой на мнения многих других ученых, "готовых" мыслей до их вербализации вообще не существует; объективация мысли, ее озвучивание "не означает "одевания" готовой мысли в языковые одежды" [Кубрякова 2004: 14]. К тому же, на практике часто выясняется, что, анализируя средства репрезентации заявленного концепта, исследователь идет по замкнутому кругу, о чем уже говорилось выше. Сначала выделяется соответствующий концепт и его основные характеристики, естественно, на основе анализа языковых средств его репрезентации (иначе как бы еще мы его осознали и вычленили?!), а затем заново описываются эти самые средства с позиции вербализации того же концепта и его характеристик в определенном языке. Хорошо, если при этом все описание не сводится к банальному переписыванию существующих общеизвестных словарей, а выделение характеристик и описание средств вербализации не ведется на материале разных языков: родного (в первом случае) и иностранного (во втором).

Обсуждаемый вопрос не может также рассматриваться вне контекста других проблем, связанных с так называемым культурологическим анализом. Научная действительность такова, что парадигма современных лингвистических исследований отличается широким использованием различных подходов, методов и направлений анализа.

---

* В принципе можно допустить использование русскоязычных обозначений в метаязыковой функции, т.е. в отношении метаязыковых понятий и категорий, которые преимущественно относятся к суперординатному уровню, типа: понятие/категория этничности, добра и зла, предложения, текста и т.п., поскольку они, как правило, обобщают данные разных языков. Однако целью анализа в этом случае является не изучение способов их вербализации, а выявление их содержания в том числе в разных языках (или научных направлениях) через известные способы и средства их репрезентации или определения.

Среди них достаточной популярностью пользуется так называемый **культурологический подход**, который, в нашем понимании, **должен изучать соотношение когнитивных и языковых структур в контексте определенной культуры**.

Эта область исследований, в свою очередь, объединяет работы самого широкого профиля, в которых, к сожалению, часто используются приемы и методы анализа различных научных школ и направлений, разнородный понятийно-терминологический аппарат, нередко путаются разные аспекты проявления культурной и национальной специфики в языке. При этом обращают на себя внимание разнородность и фрагментарность форм изучения культурной специфики языковых единиц и передаваемого ими содержания, случайный характер выбора объектов и методов анализа, тенденциозность используемого фактического материала и, в то же время, смелость выводов, претендующих на глобальные обобщения о специфике той или иной культуры. Такое отсутствие единой методологической базы приводит к необходимости более четкого осмысления самого понятия культуры и на этой основе – определения места и роли культурологического анализа как отдельного направления в лингвистике.

Выше уже отмечалось, что общее содержание понятия культуры и его различные определения и интерпретации в разных словарях и научных теориях анализировал Ю.С. Степанов [Степанов 1997: 13-40]. В результате этого анализа он пришел к выводу, что **культура представляет собой совокупность концептов и отношений между ними**. При этом он специально подчеркивал, что культура всегда предполагает определенную аспектуализацию, выделение некоторых областей, рядов, парадигм и т.д., к числу которых чаще всего относят виды и результаты деятельности человека, сообщества людей, совокупности значений, ценностей и норм.

Обратим особое внимание на очевидное сходство данного определения с понятием концептуальной системы. Следует отметить и некоторые другие существенные моменты. В частности то, что сам язык, во-первых, является неотъемлемым элементом культуры. Во-вторых, человеческие культуры, в свою очередь, как подчеркивал Ю.М. Лотман [Лотман 2000: 400], создаются на основе естественного языка. В-третьих, нельзя не учитывать тот факт, что русское слово *культура* заимствовано из латинского языка [Черных 1993: 453], в котором оно буквально означает "обработка, возделывание". Из всего сказанного можно сделать несколько важных выводов относительно культуроло-

гического направления и собственно культурологического анализа в лингвистике и их теоретических установок. Таких выводов, по меньшей мере, три.

Первый вывод связан с интерпретацией содержания самого понятия культуры. В частности, из всех определений следует, что **понятие культуры может приобретать или широкое или узкое толкование**. Основное различие между этими двумя толкованиями основано на разграничении исторического и повседневного опыта людей. **В первом случае** речь идет об общих достижениях в материальной и духовной сферах, о науке, образовании, искусстве, знании национальных традиций, истории и т.п. **Во втором** – о повседневном опыте взаимодействия людей друг с другом и объектами различного характера: *культура речи*, *культура землепользования*, *культура производства* и т.д.

В то же время и в том и в другом смыслах **понятие культуры предполагает формирование определенной концептуальной системы, коллективных знаний, характерных для конкретного сообщества людей, в том числе языкового сообщества**. Эта система включает концепты природных и созданных человеком объектов, социальные и собственно культурно специфические концепты. Следовательно, **культурологический подход к исследованию языка, его единиц и категорий может быть реализован в нескольких направлениях**: 1) исследование языка как элемента культуры, их исторических связей и взаимовлияния; 2) изучение культурно и национально специфических концептов и отношений между ними на основе языковых данных; 3) анализ национальной специфики языковых значений и языковых механизмов формирования смыслов в рамках определенной культуры как совокупности концептов, т.е. в рамках определенной концептуальной системы; 4) изучение языка как способа межкультурной коммуникации, в том числе проблем перевода.

Первый и второй подходы связаны с решением общефилософских, собственно культурологических и семиотических проблем, рассмотрением языка как особого семиотического и культурного кода, изучением его эстетических функций, а также с исследованием той части общей концептуальной системы, которая в явном виде передает национальную и культурную специфику конкретного народа, представленную в его языке. Соответственно они в большей степени ориентированы на интересы философии, социологии, общей семиотики,

собственно культурологии и, как следствие, теории культуры и общей теории языка. Сам термин "лингвокультурология", часто используемый сторонниками так называемого культурологического подхода, означает, что речь должна бы идти о разделе культурологии, но никак не языкознания (ср. абсурдность термина "культуролингвистика" или "культуроязыкознание"), и использовании собственно культурологических методов анализа, разработанных в данной научной области. Соответственно целью исследования в рамках этих подходов должно быть изучение истории культуры, культурных традиций и стереотипов, ценностей материальной и духовной культуры, в том числе языка, определенного народа*.

К сфере научных интересов современных частных исследований в лингвистике имеют непосредственное отношение третий и четвертый подходы, связанные с анализом специфики формирования и интерпретации языковых значений и смыслов в контексте конкретной культуры. Только в этом случае, вероятно, следует говорить о собственно культурологическом анализе в языкознании. Он предполагает изучение способов языкового осмысления тем или иным сообществом (т.е. способов "обработки" языковым сознанием) "совокупности производственных, общественных и духовных достижений людей" (напомним, что такое определение культуры дает Толковый словарь русского языка [Ожегов, Шведова 1993: 321]), а также их эволюции. Другими словами, данный подход ставит своей целью изучение того, как

---

* Если этот термин призван отразить ту предметно-концептуальную область (КУЛЬТУРА), которая подвергается анализу, то он тем более представляется неудачным для обозначения подхода, вся специфика которого ограничивается выбором определенной области исследования. Согласно данной логике следует тогда выделять лингвоэкономику, лингвоюриспруденцию, лингвополитику, лингвомедицину и проч., у которых тоже нет собственной методологии (см. ниже), а только – область изучения. Думается, что за введением подобных терминов с претензией на особый подход часто скрывается стремление уйти от необходимости осваивать методологию существующих подходов (а именно ее и вынуждены использовать, но достаточно примитивно и часто неграмотно, так называемые особые подходы, не имеющие собственной методологии), т.е. стремление уйти от ответственности за решение методологических проблем, неизбежно возникающих в ходе проведения любого исследования, что в принципе похоже на попытку получить право на поверхностное, неглубокое изучение объекта.

отдельный факт или объект концептуализирован конкретным языковым сообществом и его отдельными представителями и какова специфика этой концептуализации с точки зрения других культур.

Очевидно, что этот подход также предполагает сопоставление данных разных языков, поскольку формирование, понимание и интерпретация языковых значений всегда и обязательно происходит в рамках конкретной, культурно обусловленной концептуальной системы, а не с позиций абстрактной, общей картины мира, которая может моделироваться лишь чисто теоретически в определенных исследовательских целях. Например, специфические значения русских слов: *крыша* ('покровитель'), *чайник* ('новичок'), *зеленый* ('новичок'), выражение *мои университеты*, – понятны только в контексте русской культуры. В русском языке мы также чаще концептуализируем способ нахождения в пространстве: *на лекции или на конференции*, *на работе или на дежурстве сидят*, *в очереди или на посту стоят*, *в больнице лежат*, *в такси сидят* (ср. также: *Сел в автобус, стою*), в то время как в английском языке – лишь сам факт нахождения в пространстве, физическом или концептуальном.

По-разному могут быть концептуализированы и способы нахождения в пространстве: в русском языке *деньги лежат в банке*, а в английском – *сидят* (*sit in the bank*), т.е. по-разному передается смысл 'отсутствие активности'. "Сидеть" в английском языке может и заброшенный домик в стороне от дороги, в то время, как в русском языке он будет стоять. В обоих языках *погода*, *мороз держатся* (*the weather keeps fine*), но только в русском языке они еще и *стоят*, как *день или ночь* (*стоял сорокаградусный мороз*; *день стоял прекрасный*), а *мгла лежит* и т.д. Это свидетельствует также о том, что разные языки могут использовать разные языковые средства для формирования и передачи аналогичных смыслов.

Из сказанного и следует **первый важный вывод** о том, что культурологический анализ в этом его понимании представляет собой не что иное, как собственно когнитивный, концептуальный анализ, а само культурологическое направление – одно из направлений когнитивной лингвистики. В пользу данного вывода говорит и тот факт, что в современных лингвистических работах так называемого культурологического характера широко применяются (правда, с разной степенью понимания и глубины) понятийно-терминологический аппарат когнитивной лингвистики, когнитивные методы и приемы анализа: анализ когнитивных контекстов, фреймовой семантики и т.д., теоретически

положения и установки теорий концептуализации и категоризации, исследуются когнитивные и языковые механизмы формирования значений и смыслов языковых единиц.

Второй важный вывод, связанный с обсуждением проблем культурологического анализа в лингвистике, касается неизбежной аспектуализации понятия культуры, выделения концептуальных областей и различных типов знания, необходимых для его понимания. Современные трактовки данного понятия, представленные в разных энциклопедических изданиях, отражают многоаспектность данного понятия следующим образом. Вспомним еще раз эти определения. "Культура – исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [СЭС 1990: 678]. "Культура – исторически сложившийся уровень развития общества, выраженный в социальных взаимоотношениях людей, а также в созданных ими материальных и духовных ценностях" [БСИС 2001: 334]. "Культура – есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов. Культура [...] распадается на различные области, сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа данного народа" [КФЭ 1994: 229].

Из последнего определения особенно очевидно следует, что культурная специфика того или иного языка намного шире, строго говоря, чем его национальная специфика, что также не всегда прослеживается в лингвистических исследованиях. Язык в различных своих вариантах может быть элементом и носителем культуры разных народов, например, английский, испанский или русский языки, в силу исторических причин получившие официальное распространение в нескольких государствах. Другими словами, аспектуализация самого концепта культуры обусловливает соответствующую аспектуализацию проводимого культурологического исследования, обращение к различным типам знания и концептуальным областям из числа вышеперечисленных.

Это предполагает выделение концептуальных признаков, отличающих аналогичные единицы знания в контактирующих и взаимодействующих культурах, определение концептуальных областей, формирующих структуру культурно обусловленного концепта. При этом

для исследователя языка важно то, что когнитивной обработке подвергается не только информация о внешнем мире, но и о языковых формах, ассоциируемых с внешним миром. Образующиеся в результате этой обработки культурно обусловленные концепты и категории получают в дальнейшем языковую репрезентацию, за ними закрепляются соответствующие языковые единицы. Учитывая тот факт, что язык по своей природе является категориальным образованием, необходимо помнить, что наиболее существенные межкультурные различия в языковой репрезентации знаний, отражающих социо-культурную и национальную специфику, проявляются, прежде всего, на уровне категорий.

Обращение к различным типам знания и концептуальным областям, в свою очередь, предполагает использование специальных методов и приемов анализа, и в этом заключается **третий важный вывод**, который следует из логики наших рассуждений. Проблема заключается в том, что знания культурно обусловленного характера нельзя однозначно отнести к числу стереотипных знаний, связанных ассоциативно с определенной языковой формой, как в тех случаях, когда Россия ассоциируется у иностранцев с валенками, ватниками, матрешками и медведями на улицах. По этой причине они не могут быть выявлены традиционными, структурными методами. Их отличает совершенно иной, матричный формат, о котором речь подробнее уже шла выше.

Когнитивные контексты, в рамках которых происходит осмысление культурной специфики языковых единиц, весьма разноплановы и индивидуальны. Их невозможно свести к каким-либо типам и общим закономерностям. Их можно представить лишь в виде компонентов единой **когнитивной матрицы**, открывающих доступ к тем или иным концептуальным областям, которые, в свою очередь, также могут представлять собой многокомпонентные матрицы и т.д. В качестве таких компонентов выступают те или иные аспекты понятия культуры и их конкретное содержание: традиции, система образования, нравственные ценности и т.д. (см. названные выше аспекты понятия культуры, а также анализ структуры соответствующей когнитивной матрицы в предшествующих разделах темы).

Матричный формат культурно специфических концептов предполагает соответственно использование специальной методики – **когнитивно-матричного анализа** при изучении структуры и содержания таких концептов, а также при выявлении культурно обусловленной

специфики языковых единиц (см. подробнее выше, а также: [Болдырев, Куликов 2006; Болдырев 2008; 2009; Болдырев, Алпатов 2008; Тимофеева 2008]).

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть, что собственно культурологический подход опирается на широкое понимание культуры как исторического опыта людей и предполагает изучение языка как элемента культуры, изучение культурно обусловленных концептов и их взаимосвязей с использованием, в том числе, собственно культурологических методов исследования. Культурологический анализ языковых явлений как одна из разновидностей концептуального анализа предполагает исследование способов формирования и интерпретации значений языковых единиц и смыслов в контексте определенной социо-культурной или национальной концептосферы. В наибольшей степени целям данного исследования отвечает когнитивно-матричный анализ, направленный на изучение различных концептуальных областей и типов знания, ассоциированных с данной языковой единицей или категорией.

Разнообразие способов языковой репрезентации концептуального содержания, возможности формирования множества конкретных смыслов на основе того или иного тематического концепта свидетельствуют о том, что язык по-разному конфигурирует, или форматирует знания. Это, в свою очередь, дает основание говорить о существовании различных языковых форматов знания, т.е. о различных структурах представления знаний в языке. Данной проблеме посвящена отдельная, следующая тема курса.

ТЕМА 3.
СТРУКТУРЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ В ЯЗЫКЕ

1. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты

Выше уже отмечалось, что концептуальная информация разного типа выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов. Более того, концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной, и именно **концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его передачи**. Существует точка зрения, что значения языковых средств равны выражаемым в них концептам или концептуальным структурам (Р. Джэкендофф). Согласно другой точки зрения, значения в определенном отношении независимы от языка (А. Вежбицкая). По существу, последнее утверждение мало чем отличается от первого, поскольку также позволяет отождествлять значения с концептами. Подобные толкования языкового значения представляются, однако, не совсем корректными и требуют определенных уточнений с позиций всего вышесказанного. Достаточно сказать, что в этом случае в семантической структуре значения каждого слова мы должны будем выделять индивидуальные компоненты, а это снимет существующее (признаваемое всеми, канонизированное) различие между системным значением и речевым смыслом, а также описанное выше различие между тематическими и операционными концептами. Чтобы избежать этих противоречий, в отечественной лингвистике принято строго разграничивать когнитивный и языковой (семантический) уровни анализа для понимания и описания их соотношения друг с другом.

Концепты как элементы сознания в принципе автономны от языка. Наше мышление невербально по своей природе. Большинство людей, по результатам многочисленных исследований, не пользуются словами в процессе мышления. "Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления", — утверждал А. Эйнштейн. Мыслят и животные, которые в языке не нуждаются, и дети до 2-х лет, не владеющие языком, и лю-

ди с дефектами речи или слуха. Человек, владеющий языком, может понимать что-либо, но быть не в состоянии это сказать, объяснить. Многие мысли, существующие в нашем сознании, вообще никогда словесно не выражаются, поскольку они не предназначены для сообщения, и для их выражения нет готовых языковых средств. Между тем эти мысли существуют и определяют поведение человека. Иногда нас просят объяснить тот или иной поступок, и мы вынуждены подбирать, часто с трудом, конкретные слова или признать, что мы не можем это объяснить в словесной форме или затрудняемся найти нужные слова.

Аналогично мы часто затрудняемся объяснить что-либо другому человеку, убедить его в чем-то, например, что он не прав и т.д., хотя в нашем сознании существует вполне определенное представление. Мы иногда пытаемся вспомнить забытое слово и при этом отвергаем неверный вариант. Это означает, что в памяти человека имеется некий концепт, который требует адекватного языкового выражения. Трудности с подбором языковых единиц возникают и при переводе иноязычного текста, когда мы понимаем смысл, но не можем его передать на родном языке и наоборот. Если бы значение слова равнялось передаваемому концепту, то и значения эквивалентных слов в разных языках должны были бы совпадать, а это далеко от истины. С теми же трудностями человек сталкивается и при изложении своих собственных мыслей, особенно в письменной форме, в словесном творчестве, при описании результатов научной работы, когда он правит и переписывает первоначальный вариант, подбирая более точные выражения.

С другой стороны, люди часто владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, т.е. операционных концептов и концептуальных признаков. Они используют их как готовые клише (по аналогии с грамматическими формами) в совершенно других, не соответствующих им контекстах, не задумываясь, как формулируется значение этого слова в словаре, которое и служит адресату основой для понимания передаваемого смысла. Отсюда, как следствие, случаи неправильного словоупотребления и выражения, не имеющие смысла, особенно в отношении терминов (вспомним многочисленные "крылатые" выражения В.И. Черномырдина, типа: *Нам никто не мешает перевыполнять наши законы*). Все это свидетельствует об автономности языка и мышления и о том, что языковые значения, активизирующие тот или иной концепт, не могут приравниваться к этим концептам.

Очевидно другое – **языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта**, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта. **Значение слова – это лишь попытка дать общее представление о содержании выражаемого концепта, очертить известные границы представления его отдельных характеристик данным словом, это его определенная языковая конфигурация или формат**. По определению М.В. Никитина, "языковые значения в их когнитивном плане – те же понятия, связанные знаками" [Никитин 1982: 106]. Аналогичное определение дает и Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1991]: значением слова становится лишь концепт, "схваченный знаком". Если выразиться еще точнее, то только некоторая часть содержания концепта становится значением слова. Более того, значение слова само является частью знания, передаваемого концептом (знание о способах его языковой репрезентации).

Поэтому соотношение между значениями и концептами имеет сложный характер. Например, все люди предположительно знают, что приятные события у человека вызывают чувство радости. Однако значения соответствующих слов: *радость*, *торжество*, *ликование*, *отрада*, *праздник*, *светлое пятно*, *радостный*, *светлый*, *сияющий*, *радовать(ся)*, *ликовать*, *торжествовать*, *веселиться*, *рад*, *на седьмом небе* и т.д., – отражают лишь определенную часть содержания данного концепта и зависят от системных отношений между ними. Другой пример – союзы, местоимения, частицы, у которых трудно обнаружить конкретное значение. В то же время всем абсолютно понятны концепты, которые за ними стоят: СОЕДИНЕНИЕ, СЛЕДОВАНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, УКАЗАНИЕ, ЗАМЕЩЕНИЕ ПРЕДМЕТА или ЛИЦА и т.д.

С этой точки зрения наиболее перспективными представляются многоуровневые концепции значения, которые отстаивают идею последовательного разграничения концептуального и семантического (языкового) уровней репрезентации знаний (см. обзор этих концепций в: [Кубрякова и др. 1996: 91-93]). Это значит, что ***когнитивный и семантический методы анализа требуют разного уровня абстракции***. Семантический анализ слова как единицы системы языка всегда предполагает коллективное знание, т.е. знание, бытующее в определенном социуме, которое является общим для всего коллектива, говорящего на конкретном языке, поскольку язык – явление общественное, социальное и существует только в коллективном сознании, в об-

ществе. ***Языковые значения – это социально закрепленные смыслы***, которые хранятся в коллективном сознании говорящих (хотя первоначально эти смыслы могут быть и индивидуальными).

Когнитивный анализ направлен на изучение не только закрепленного социальной практикой и языком коллективного, обобществленного знания, но и знания индивидуального, поскольку познание и мышление индивидуальны по своей природе. Лишь часть результатов исходно субъективного познания, индивидуальных образов окружающего мира и смыслов, формируемых говорящим, закрепляется социальной практикой и становится достоянием всего общества, коллективным знанием, значениями слов. Эти исходно индивидуальные образы и смыслы не всегда остаются в памяти всего говорящего коллектива и даже не всегда понятны всем говорящим на данном языке, например: некоторые теоретические положения, научные гипотезы и концепции, отдельные художественные образы и т.д., – для которых часто специально создаются новые обозначения (неологизмы), приобретающие, в конечном итоге, окказиональный, временный характер.

Процесс обобществления знаний может быть очень длительным и занимать не одно десятилетие. В результате этого процесса часть знаний так и не получает широкого распространения, оставаясь индивидуальной моделью видения мира, построенной отдельной личностью или личностями, которая не совпадает с моделью, получившей общественное признание. Это особенно наглядно проявляется в различных политических и научных моделях построения общества: его общественно-политической организации, экономического развития, в моделях образовательной системы, в идеологии (при этом одни модели отвергаются, заменяются другими, становятся фактом истории и соответственно предметом специального знания все меньшего количества людей).

Следовательно, языковые значения передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных мыслительных структур – концептов разной степени сложности и абстрактности, в содержание которых могут постоянно добавляться новые, исходно индивидуальные характеристики. Эти характеристики, в свою очередь, будут требовать новых форм вербализации. При этом сами концепты в случае добавления принципиально новых характеристик и приобретения ими статуса самостоятельных концептов могут получать вторичную репрезентацию в языке (например, романы-продолжения, романы-пародии,

сценические переложения известных произведений, формирование производных концептов на базе существующих: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ, ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ и т.п.). Выше уже отмечалось, что в современной когнитологии выделяются такие типы концептов (мыслительных структур представления знаний), как: конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозициональные структуры, фреймы, сценарии, гештальты.

Неоднородность организации и содержания разных типов концептов, а также многообразие способов их репрезентации в сознании человека отражает неоднородный характер предметов и явлений окружающего мира. Это проявляется в многообразии и разноплановости языковых средств, используемых для их передачи. **По способу репрезентации в языке**, как уже отмечалось выше, **выделяют лексические**, **фразеологические**, **ономасиологические**, **словообразовательные**, **грамматические**, **текстовые и сверхтекстовые концепты**. Концепты, репрезентируемые значением отдельного слова, именем собственным или словообразовательными аффиксами и моделями условно называют лексическими, ономасиологическими и словообразовательными концептами соответственно. Концепты, передаваемые значениями фразеологических сочетаний, – фразеологическими концептами, а те, что находят свое отражение в грамматических формах, категориях, синтаксических структурах, – грамматическими концептами. Концепты, репрезентация которых возможна только в тексте или в серии произведений, условно называют текстовыми или сверхтекстовыми.

Проанализируем далее соотношение мыслительных структур и языковых значений – способы репрезентации различных структур знания в языке – на примере различных типов концептов. При этом, говоря о типологии лексических, фразеологических и синтаксических концептов, будем частично использовать классификации, предложенные Дж. Лакоффом [Lakoff 1990], Дж. Тейлором [Taylor 1995], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1997], А.П. Бабушкиным [Бабушкин 1996: 43-94], З.Д. Поповой и И.А. Стерниным [Попова, Стернин 1999] и другими учеными.

Конкретно-чувственный, предметный образ передается значениями большинства слов, которые содержат конкретные наглядные, внешние характеристики, например: *anvil* (наковальня) – large, heavy block of iron on which a smith hammers heated metal into shape [Hornby

1978: 33]; *наковальня* – тяжелая металлическая опора для ручной ковки [Ожегов, Шведова 1993: 393]. Иногда подобные концепты иллюстрируются в словарях с помощью картинок, например названия различных видов и пород животных, частей туловища человека и животных, составных частей механизмов, разные названия однотипных, но различающихся между собой по форме или функциональной принадлежности предметов (см. слово *шляпа* в словаре В. Даля [Даль 1991: 640]) и т.д.

Название прототипа любой категории предметов – это тоже репрезентация конкретного образа, например типичное новогоднее дерево – *ель*, домашнее животное – *корова* (для сельских жителей), *кошка* или *собака* (для городских жителей), типичный отечественный овощ – *картофель* и т.д. Конкретные зрительные образы связаны также с именами известных исторических, политических и общественных деятелей, знаменитых актеров, музыкантов, спортсменов и т.д.: *Queen Elizabeth*, *Prince Charles*, *Winston Churchill*, *Pele*, *Paul McCartney*, *И. Кобзон*, *В. Жириновский* и другие. Конкретные образы также используются во фразеологии: *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней*.

Представление, или "мыслительная картинка" выражается лексическими единицами, называющими класс конкретных предметов. Соответственно их значения передают обобщенные чувственные образы, совокупность наиболее наглядных, чувственно воспринимаемых признаков, например: *береза* – лиственное дерево с белой корой и с сердцевидными листьями [Ожегов, Шведова 1993: 42]; *laugh* – make sounds and movements of the face and body [Hornby 1978: 483]. Иными словами, концепт-представление, или картинка передается за счет обозначения зрительно (или посредством других органов чувств) воспринимаемых признаков объекта или явления. Иногда картинка репрезентируется самой внутренней формой слова, например: *колокольчик, snowdrop, bulldog* и т.п. Аналогичные концепты связаны и с именами собственными, называющими конкретные предметы или лиц с определенными внешними характеристиками: *Титаник*, *Эльбрус*, *Кощей*, *Софи Лорен* и т.п., а также фразеологическими сочетаниями типа: *уши топориком*, *хвост трубой*, *with flying colours* и т.д.

Концепты-схемы как пространственно-контурные представления передаются значениями таких слов, как *дерево*, *дорога*, *человек*, *река*, например: *дерево* – многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону [Ожегов, Шведова 1993: 163], *track* – line or series of marks left by a vehicle, person, animal, etc. in passing along [Hornby 1978: 934]. Концепты подобного рода

могут быть репрезентированы фразеологией: *метр с кепкой*, *с гулькин нос*, *get under the wire* и т.д. Концепт-схема, с одной стороны, близка представлению, или "мыслительной картинке", поскольку может вызывать конкретный образ или может быть представлена графически. С другой стороны, это уже следующая ступень абстракции на пути к понятию.

Понятия репрезентируются значениями тех слов, которые передают лишь словесные определения обозначаемых предметов, например: *миля* – путевая мера длины, различная в разных странах [Ожегов, Шведова 1993: 365], *лиственница* – хвойное дерево семейства сосновых с мягкой опадающей на зиму хвоей и ценной древесиной [Там же, с. 336], *etymology* – science of the origin and history of words [Hornby 1978: 296]. Концептуальные признаки понятийного характера репрезентируются также именами собственными, ставшими нарицательными: *Дон Кихот* – человек, который борется за справедливость, и эта борьба часто носит обреченный или бессмысленный характер; *Гитлер* – истеричный, неконтролирующий себя человек с непомерными амбициями; *Робин Гуд* – благородный человек, защитник обездоленных; *Цицерон* – человек, умеющий красиво излагать свои мысли и т.п.

Концепт-фрейм представлен в значении слов, связанных ассоциативными связями с другими словами и лексико-семантическими группами, например: *университет*, *театр*, *колхоз*, *дача*, *санаторий*, *рынок* и т.д. Иначе говоря, эти слова вызывают в сознании человека целый ряд ассоциаций: университет – факультет – деканат – кафедра – отделение – студенты – преподаватели – аудитории – кабинеты и т.д. В значении подобных слов отдельные детали, характеризующие называемый объект, сводятся как бы воедино, в одну комплексную ситуацию, ее объемное представление. Знание этой ситуации, а также возможной последовательности событий в рамках этой ситуации и позволяет воспринимать значение конкретной языковой единицы как передающей концепт-фрейм. Аналогичные значения выражают и фразеологические единицы типа: *коммунальная квартира, приемный покой*, *Indian summer*.

Сценарий репрезентируется словами, в значении которых заложена определенная динамика развития событий, схема каких-либо действий, например: *лекция*, *зачет*, *экзамен*, *свадьба*, *игра*, *экскурсия*, *обед*. Это обычно отглагольные имена и имена событийной семантики, а также фразеологические сочетания типа: *бить баклуши*, *ободрать как липку*, *beat about the bush*. Значения подобных слов и слово-

сочетаний имплицируют последовательность определенных этапов, эпизодов, которые разворачиваются во времени: *концерт* – публичное исполнение музыкальных произведений (возможно в сочетании с хореографическими, декламационными и другими номерами) [Ожегов, Шведова 1993: 300], а также определенное распределение ролей между участниками этих событий: *lecture* – a talk on a particular subject that is given in order to teach people about that subject. For example by a university or college teacher [COLLINS COBUILD 1990: 825].

Как принято считать, **наиболее существенная часть концептуальной информации разного уровня сложности фиксируется в грамматическом строе языка – в виде грамматических концептов**. К грамматическим концептам, в частности, относятся мыслительные образы (смыслы), которые формируются в сознании говорящих на основе языкового опыта передачи отношений и различных характеристик предметов и явлений окружающего мира. Они составляют часть собственно языковых знаний и могут иметь различные когнитивные основания. Можно выделить несколько типов грамматических концептов с учетом специфики их формирования и структуры в тех или иных языках.

Грамматические концепты возникают в результате обобщения информации о языковых объектах, их свойствах и употреблении, а также о том, как связи и отношения между языковыми объектами отражают отношения между реалиями окружающего мира. Часть этих знаний имеет чисто лингвистическую основу и носит формальный характер, например согласование времен в английском языке или согласование определения и определяемого слова в роде, числе и падеже в русском языке (**элементарные грамматические концепты**). Другие – связаны с наиболее общими (неязыковыми) понятиями и в той или иной мере отражают их: ГРАММАТИЧЕСКИЙ РОД, ЧИСЛО, ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ и другие. Данные концепты имеют более сложную структуру. Они предполагают знание этих общих понятий и способов их представления в языке (**"двухмерные" грамматические концепты**) или знание общих понятий, языковых концептов и соотносящих их понятий (**"многомерные" грамматические концепты**).

К числу "двухмерных" концептов, например, относится концепт грамматического рода. С одной стороны, он имеет формально-языковой характер, поскольку характеристики определенного грамматического рода приписываются всем существительным независимо от биологической природы обозначаемых объектов. С другой стороны,

он опирается на понятие биологического пола. Грамматический род существительных, обозначающих одушевленные объекты, обычно соответствует их биологическому полу. Правда, и в этом случае возможны некоторые отступления. Например, в русском языке слова *городской голова*, *доктор*, *шеф-повар*, *контролер*, *менеджер* и т.п. могут совпадать и не совпадать с биологическим полом называемых субъектов, и для таких случаев все чаще создаются неологизмы, подчеркивающие биологические половые различия, например: *критик – критикесса*, *жокей – жокиня*, *шеф – шефа*, *шефиня*. Особый интерес в этом плане представляют также различные средства синтаксической связи: предлоги, союзы, – которые могут передавать определенные пространственные, условные, причинно-следственные, временные и прочие отношения, а также артикли, выражающие "определенность/неопределенность" и некоторые другие смыслы.

Несколько иную, более сложную, структуру обнаруживает концепт грамматического числа, который, на первый взгляд, представляется "двухмерным", поскольку включает в качестве когнитивного основания понятие количества и способы его реализации в языке. В то же время использование грамматических форм числа зависит от знания таких характеристик обозначаемых объектов (и соответствующих понятий), как "исчисляемость/неисчисляемость", "дискретность/недискретность", "собирательность" и т.д. Поэтому можно сказать, что он занимает переходное положение между собственно "двухмерными" и "многомерными" концептами.

"Многомерным" концептом является концепт грамматического времени, включающий представления о реальном (настоящем, прошедшем, будущем) и грамматическом (настоящем, прошедшем, будущем) времени, а также понятие момента речи, которое определяет соотношение между первым и вторым. Сложную структуру обнаруживает и концепт грамматического вида, который, с одной стороны, отражает общее понятие завершенности/незавершенности действия и, с другой стороны, основывается на понятии предельности/непредельности. Иначе говоря, многомерные грамматические концепты предполагают определенную интерпретацию (преломление) общих, неязыковых концептов посредством тех или иных "относительных" (преломляющих) понятий.

К числу "многомерных", вероятно, следует отнести и так называемые синтаксические концепты. Это различные модели, или структурные схемы простого предложения, выражающие определенное

концептуальное содержание – типовые пропозиции, т.е. некоторые типовые отношения между субъектом и предикатом: БЫТИЕ ОБЪЕКТА (например: *В комнате было всего два стула; Весь остаток дня он пробыл в библиотеке; There are two books on the table; John lives in Cardiff*), БЫТИЕ ПРИЗНАКА ОБЪЕКТА (*Волосы у нее были светлые, а глаза – карие; He was kind-hearted by nature*), САМОПРОЯВЛЕНИЕ ОБЪЕКТА (*Она вздрогнула от неожиданности; Her fingers were trembling*), САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА (*Он вышел на улицу и повернул за угол; The cat jumped onto the table*), НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТА (*Шляпа слетела на ветру; The door swiftly opened in the wind*); АКТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОБЪЕКТ (*Он написал письмо, а затем сжег его; She filled the kettle with water and put it on the stove*), ПРЕТЕРПЕВАНИЕ СОСТОЯНИЯ (*Ей было то жарко, то холодно, хотелось пить; She was happy and she did not want anything to change*) и т.д.

Многомерность синтаксических концептов проявляется в репрезентации знаний языкового и неязыкового характера. Они передают определенный грамматический концепт, или смысл (т.е. пропозициональное значение) и некоторое концептуальное содержание неязыкового свойства в виде суждения о мире (конкретный смысл предложения), а также понятия синтаксической модели, или структурной схемы предложения, синтаксических позиций и синтаксических функций конкретных слов, используемых в предложении, синтаксической связи и ее различных типов и т.п.

Структура грамматических концептов, таким образом, включает: а) определенное когнитивное основание, в качестве которого может выступать собственно языковой опыт построения высказывания (элементарные грамматические концепты) или наиболее общее понятие, характеризующее результаты познания окружающего мира человеком ("двухмерные" и "многомерные" грамматические концепты); б) содержание грамматических форм (у "одномерных" грамматических концептов они отсутствуют), или грамматические смыслы; в) общие языковые понятия (МОМЕНТ РЕЧИ, ГОВОРЯЩЕЕ ЛИЦО, СТРУКТУРНАЯ СХЕМА ПРЕДЛОЖЕНИЯ, или СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА и т.д.), соотносящие реалии и отношения окружающего мира с содержанием грамматических форм; а также: г) сведения об исторических процессах, обусловливающих формирование и изменение данного грамматического содержания языковых форм.

Последние два компонента структуры грамматических концептов чаще всего скрыты для говорящих на том или ином языке и являются областью исследования лингвистов. Непосредственно доступным, актуальным для говорящих оказывается первый компонент – когнитивное основание – которое довольно часто смешивается с содержанием грамматических форм и определяет их неправильное использование. Последнее вызвано тем, что языковые знания (например, связь с моментом речи у английских перфектных видо-временных форм) подменяются неязыковыми (например, реальным прошедшим). Большая часть концептуальной информации в грамматике может быть также представлена в виде определенных ментальных схем (например, соотношение реального и грамматического времени).

В отличие от тех концептов, которые передаются лексически – отдельными словами – и содержание которых постоянно меняется (каждое слово обрастает новыми смыслами в процессе все более глубокого познания реалий и отношений действительности человеком), **грамматические концепты отличаются относительной стабильностью**, поскольку ориентированы на систему языка и способы их языкового выражения. Определенная динамичность, подвижность грамматических концептов связана с возможными изменениями второго компонента – конкретного содержания грамматических форм. Этот же компонент обусловливает и некоторую неопределенность границ грамматических категорий, в основе формирования которых лежат грамматические концепты, объединяющие формы их выражения в языке в одну категорию.

К числу текстовых или сверхтекстовых концептов относятся те единицы знания, которые формируются в результате множественной их репрезентации разноуровневыми языковыми средствами в пределах текста или целого ряда произведений, например: различные индивидуально-авторские концепты или концепт семьи в произведениях английских писателей.

2. Языковые значения как определенные концептуализации. Когнитивная грамматика Р. Лэнекера

Многочисленные исследования языка в рамках когнитивного подхода приводят к новому осмыслению и пониманию традиционных проблем языкознания, таких как: природа и структура языка, проблема частей речи, соотношение семантики и синтаксиса, значения

и смысла, вопросы полисемии и производности значений и многие другие. Все эти проблемы получают логичное объяснение в рамках теорий когнитивных моделей, концептуализации и категоризации, прототипической и фреймовой семантики, т.е. в русле решения основных проблем когнитивной лингвистики.

Центральной идеей, объединяющей многие исследования, стали представления о том, что наши знания организуются с помощью определенных структур – когнитивных моделей (или идеализованных когнитивных моделей – ИКМ) – и что категориальные структуры и прототипы – это лишь следствие именно такой организации наших знаний [Lakoff 1990: 68]. Эта идея прослеживается и в теории фреймовой семантики Ч. Филлмора, и в теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, и в когнитивной грамматике Р. Лэнекера, и в теории ментальных пространств Ж. Фоконье, и в теории прототипов Э. Рош и др. Она лежит в основе объяснения общих процессов категоризации и того, что обеспечивает действие этих процессов: **категоризация мира и языка осуществляется с помощью определенных когнитивных моделей, или схем**.

Теория когнитивных моделей, по Ж. Фоконье [Fauconnier 1985] и Дж. Лакоффу [Лакофф 1988; Lakoff 1990], включает ментальные пространства и когнитивные модели, которые эти пространства структурируют. Под ментальным пространством при этом понимается определенная мыслительная область, область концептуализации, которая может охватывать наше понимание реальных ситуаций, прошлого и будущего, гипотетические ситуации и ситуации возможных миров, абстрактные категории. Ментальные пространства имеют чисто когнитивный статус и не существуют вне мышления. Они структурируются с помощью различных **когнитивных моделей**: ***образно-схематических*** (вместилище, часть – целое, вверх – вниз, источник – путь – цель и т.п.), ***пропозициональных*** (пропозиция, сценарий, или скрипт, пучок признаков, таксономия, радиальная категория), ***метафорических***, ***метонимических***, ***символических***.

Можно выделить несколько направлений и методов исследования языковых значений с позиций когнитивной лингвистики, которые связаны с использованием общей теории когнитивных моделей, и в частности, образно-схематических моделей, фреймовой теории (или пропозициональных моделей) и теории прототипов. **Образно-схематические модели** для исследования значений языковых единиц используются в концепции когнитивной грамматики, разработанной Р. Лэ-

некером [Langacker 1987; 1991]. Придерживаясь "энциклопедического" взгляда на семантику, Р. Лэнекер исходит из того, что языковое значение равно концептуализации, а семантические структуры ("предикации" в его терминологии) – это концептуальные структуры, вызываемые в сознании языковыми формами[1]. При этом концептуализация понимается им достаточно широко: как новые знания и устоявшиеся концепты, чувственный, моторный и эмоциональный опыт, знание природного, социального и лингвистического контекстов, специально разработанная система знаний и т.д. **Значение языковой единицы**, по мнению Р. Лэнекера, также **включает, помимо концептуального содержания, и определенную схему, или конфигурацию, которая накладывается на это содержание**. ***Каждая такая конфигурация представляет собой отдельное значение слова*** [Langacker 1991: IX, 2-4, 35].

Теоретические допущения, на которых базируется когнитивная (пространственная) грамматика Р. Лэнекера, сводятся к следующим трем основным моментам. **Во-первых**, в ней предполагается, что часто используемая морфема или лексическая единица имеет множество взаимосвязанных смыслов. Эти ***смыслы образуют определенную сеть, в которой выделяются прототипические смыслы*** и смыслы, являющиеся расширениями или уточнениями прототипических смыслов или друг друга. Задача грамматики, считает Р. Лэнекер, состоит в том, чтобы воссоздать полностью эту сеть для каждой лексической единицы, описывая каждый смысл в отдельности и в его взаимосвязях с другими смыслами. **Во-вторых**, когнитивная грамматика предполагает, что ***значение всегда характеризуется относительно определенной когнитивной области, т.е. структуры знания или концептуальной структуры***. При этом граница между лингвистическим

---

[1] Здесь и далее автор пособия в поисках терминологических соответствий между языками стремился передать содержание того или иного иноязычного термина на русском языке, чтобы сделать его более доступным, с учетом отечественного контекста лингвистических знаний и сложившегося в отечественном языкознании понятийно-терминологического аппарата. Поэтому при употреблении конкретного термина или понятия, связанного с изложением зарубежных теорий, методов и подходов, и оформлении ссылок следует сверять их с соответствующим иноязычным текстом оригинала или делать ссылку на данное пособие.

и экстралингвистическим знанием, или между словарным и энциклопедическим описанием значения, признается иллюзорной.

В-третьих, предполагается, что значение языкового выражения не сводится к объективной характеристике той сцены, которую оно описывает. ***Люди способны моделировать любую сцену с помощью различных образных схем*** таким образом, что определенная семантика не столько формируется под влиянием объективной ситуации, сколько навязывается ей. Важно подчеркнуть, что образ, или образная схема, понимается Р. Лэнекером не как чувственный образ, а как способность по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области [Там же, с. 35], или, пользуясь компьютерной терминологией, можно сказать, что это способность по-разному форматировать когнитивное содержание. Сам термин "грамматика" при этом используется в значении формализации правил, порядка структурирования концептуального содержания, а не в его традиционно-грамматическом смысле. Аналогично и термин "предикация" (см. выше, а также далее) употребляется автором в семантическом, а не собственно грамматическом, смысле.

Различное форматирование когнитивного содержания с помощью образных схем **задается**, по мнению Р. Лэнекера [Там же, с. 5-12], **шестью** основными **измерениями этих схем** (dimensions of imagery)*. **Первое измерение** – это ***навязывание того или иного "профиля" (profile) какому-либо "основанию" (base), или области (domain)***, **т.е.** ***выделение из этого основания определенного элемента***. Например, основанием (областью) для определения слова *гипотенуза*, относительно которого оно характеризуется (профилируется) является понятие ПРАВИЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК. Причем семантика этого слова предполагает не "профиль" как выделенный элемент "основания" и не само "основание", а их взаимосвязь.

Так, любой глагол с этой точки зрения, утверждает Р. Лэнекер, анализируется относительно двух оснований: пространства и времени, – в которых профилируется то или иное состояние субъекта как составной элемент обозначаемого глаголом процесса. Соответственно значение глагола определяется взаимосвязью выделяемого состояния (профиля) по отношению к пространству и времени. Например, глагол

---

* Имеются в виду принципы схематизации, структурирования, конфигурирования концептуального содержания, принципы построения образных схем.

go "идти" в предложении *I think you should go now* "Я думаю, вам следует теперь идти" выражает процесс изменения положения субъекта во времени, а причастие II *gone* "ушел" (*When I arrived, he was already gone* "Когда я прибыл, он уже ушел") – конечное состояние этого процесса. Аналогичную фазу данного процесса выражает и наречие *away* "отсутствует, далеко", но основанием для него служит только пространственная область, а основанием для причастия II *gone* – сам процесс. Таким образом, *gone*, в терминах когнитивной грамматики Р. Лэнекера, отличается от *go* своим профилем, а от *away* – своим основанием.

Второе измерение схематического образа, определяющее тот или иной способ форматирования концептуального содержания, связано с ***"уровнем конкретизации"*** (level of specificity). Например, использование слова *the cup* "чашка" при глаголе *break* "разбить", по мнению автора, уточняет исходную семантическую структуру, формируемую предикатом *break* и включающую два основных участника обозначаемого события, за счет конкретизации одного из этих участников. С уровнем конкретизации связаны и всем известные иерархические формы организации лексических единиц. Р. Лэнекер, в частности, приводит следующий пример: *animal – reptile – snake – rattlesnake – sidewinder* (*животное – рептилия – змея – гремучая змея – рогатая гремучая змея*). Также одна и та же ситуация может быть представлена с помощью нескольких высказываний, передающих разные уровни ее конкретизации, например: *That player is tall – That defensive player is over 6" tall* (*Тот игрок высокого роста – Тот защитник ростом выше 6 футов*).

Третье измерение, или принцип схематизации, ***имеет отношение к "шкале" (scale) и "сфере, области, границам предикации" (scope of predication)***, т.е. тому, какая концептуальная область или структура и в какой мере служит основой осмысления для того или иного объекта. Например, туловище служит непосредственной областью предикации для головы, руки или ноги, а рука – для локтя или ладони и т.д. Поэтому можно сказать, что на руке и на ноге по пять пальцев, но нельзя сказать, что у туловища двадцать пальцев, поскольку непосредственной областью предикации для объекта в конструкциях такого типа, передающих отношение "часть – целое" (образная схема, по Р. Лэнекеру), является субъект. Аналогично непосредственной областью предикации для слова *the cup* (*чашка*) в словосочетании *break the cup* (*разбить чашку*) является *break* (*разбить*), т.е. то

указанное событие, в которое вовлечен названный объект. Данное измерение также определяет порядок следования определений перед определяемым словом или порядок следования нескольких обстоятельств места: *The rake is in the yard by the back fence near the gate* (*Грабли во дворе, у задней части ограды, рядом с калиткой*).

Относительная выделенность элементов предикации составляет **четвертое измерение** образно-схематического конструирования концептуального содержания. Выделение как общее понятие может быть связано с учетом многих факторов, которые влияют на человека в процессе коммуникации и заставляют его подчеркивать (выделять) особую значимость тех или иных элементов. Один из них, в частности, имеет отношение к профилированию, которое обсуждалось выше. Однако в данном случае Р. Лэнекер имеет в виду, прежде всего, определенную соотнесенность элементов, которая передается с помощью релятивных конструкций, а также специальную выделенность элементов, получающих эксплицитное выражение.

Релятивные конструкции демонстрируют некоторую асимметрию в изображении соотнесенных объектов: *X is above Y* (*X находится выше У*) – *Y is below X* (*У находится ниже X*), которая обнаруживается и в симметричных отношениях типа: *X resembles Y* (*X похож на Y*) – *Y resembles X* (*Y похож на X*). Данную асимметрию Р. Лэнекер приписывает общему правилу отображения ситуации по принципу "фигура – фон" (figure/ground organization). При этом он использует такие понятия, как: траектор (trajector – источник любого события, по аналогии с источником движения, траектории) и точки отсчета, или референции (landmark – другие выделенные участники). Асимметрия "траектор – лэндмарк", по мнению Р. Лэнекера, лежит в основе выделения субъекта и объекта в конструкциях.

Так, в первом предложении X является фигурой, или траектором, У – фоном, или точкой референции, в то время как во втором предложении они меняются ролями. Аналогичные отношения автор приписывает и всем другим конструкциям, в которых тот или иной элемент может быть специально выделен (обозначен) или опущен. Чаще всего это связано с вербализацией субъекта или объекта, например: *David is reading a book – David is reading – The best way to learn is to read* (*Дэвид читает книгу – Дэвид читает – Лучший способ учиться – читать*).

Специальное выделение элементов может быть связано и с противопоставлением пар синонимических выражений, т.е. словарной и описательной репрезентаций концептов, например: *father – male*

parent "отец – родитель мужского пола", *triangle – three-sided polygon* "треугольник – трехсторонний многоугольник", *sink – passively descend through a medium under the force of gravity* "погружаться – опускаться пассивно в какую-либо среду под действием силы притяжения". Р. Лэнекер утверждает, что данные пары языковых единиц противопоставлены друг другу семантически, поскольку вторые (развернутые) элементы этих пар эксплицитно называют (специально выделяют) отдельные концептуальные признаки и потому делают их более значимыми. При этом он считает, что адекватное лингвистическое описание значения должно обязательно учитывать данные различия.

Пятое и шестое измерения также отличаются многофакторностью. **Пятое измерение** обусловливает ***конструирование ситуации в зависимости от различных фоновых предположений и ожиданий***. Например, интуитивно слова *few* "немного" и *a few* "несколько" различаются тем, что первое содержит в своем значении некоторый отрицательный оттенок, а второе – положительный, например: *He has a few friends in high places* "Он имеет несколько друзей в высоких кругах" – *He has few friends in high places* "Он имеет не много друзей в высоких кругах". Это подтверждается тем, что *few* может, а *a few* не может использоваться в одном предложении с *any* "какой-нибудь, какой-либо", требующим отрицательного контекста: *Few people have any friends in high places* "Немного людей имеют каких-либо друзей в высоких кругах", но **A few people have any friends in high places* "Несколько человек имеют каких-либо друзей в высоких кругах". На этом основании Р. Лэнекер предлагает сделать вывод о том, что *few* и *a few* указывают своими значениями соответственно на отрицательное или положительное отклонения от некой имплицитной нормы.

Последнее, **шестое измерение** связано с ***перспективой отражения события*** и **включает целый ряд специфических факторов**, таких как: ориентация, принятая точка наблюдения, направленность и объективность интерпретации. Ориентация и точка наблюдения важны, например, при интерпретации таких двусмысленных предложений, как: *Brian is sitting to the left of Sally* "Брайан сидит слева от Салли" (с точки зрения Брайана или говорящего). Важность направленности интерпретации иллюстрируется предложениями типа: *The hill falls gently to the bank of the river* "Холм плавно спускается к берегу реки" и *The hill rises gently from the bank of the river* "Холм плавно поднимается от берега реки", т.е. даже в тех случаях, когда речь не идет ни о каком реальном движении.

В то же время Р. Лэнекер предлагает считать, что в двух последних предложениях, как и в предложении *The balloon rose swiftly* "Шар быстро поднялся", передается определенное движение в самом широком смысле этого слова. В последнем примере объективно описывается физическое движение, т.е. объект концептуализации – движущийся субъект – максимально отграничен от концептуализатора – говорящего или слушающего. Движение по той же траектории, утверждает автор, предполагается и в предпоследнем примере, но оно представлено абстрактно, а движущийся субъект получает субъективное толкование – это никто другой, как сам концептуализатор, т.е. субъект концептуализации. Подобная градация между физическим и абстрактным движением, с одной стороны, и между объективным и субъективным толкованием воспринимаемой ситуации, с другой стороны, по мнению Р. Лэнекера, имеет существенное значение для анализа многочисленных языковых явлений [Langacker 1991: 5-12].

В отличие от других типов грамматик когнитивная, или пространственная, грамматика Р. Лэнекера не постулирует наличия абстрактных глубинных структур или деривационных отношений между различными типами предложений. Последние рассматриваются как репрезентации различных способов толкования профилируемых событий. Представляя грамматику как способ структурирования и символизации концептуального содержания с помощью образно-схематических моделей, концепция Р. Лэнекера смыкается в определенной степени с когнитивной семантикой по своим целям и когнитивным методам анализа, поскольку использует ту же идею когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений.

Понятие различных измерений или принципов построения образных схем при конструировании концептуального содержания получило дальнейшее развитие в отечественной лингвистике в понятиях **когнитивных механизмов формирования смысла** или **механизмов структурирования концептуального содержания**. К этим механизмам относят, в том числе, вышеперечисленные измерения образных схем, выделенные Р. Лэнекером, в той или иной их терминологической модификации: профилирование, фокусирование, уровень конкретизации, уточнение/изменение области определения, перспективизация, точка отсчета, ориентация на нормы, идеалы, стереотипы, а также другие механизмы и процессы разного уровня сложности, такие как: инференция, эвфемизация, концептуальная деривация, концептуаль-

ная интеграция, концептуальная метафора, концептуальная метонимия и другие.

Остановимся кратко на наиболее широко используемых механизмах и общих принципах структурирования концептуального содержания и, соответственно, формирования смысла языковых единиц, которые не рассматривал Р. Лэнекер.

Инференция – формирования смысла за счет имплицитного обращения к другому концепту, т.е. на основе выводного, дополнительного знания (*Окончил Гарвард* = получил хорошее, престижное образование).

Эвфемизация – устранение или ослабление отрицательной оценки (*наркотик – травка, порошок*; *спекулянт – предприниматель; плохо – не лучшим образом*).

Концептуальная деривация – формирование нового, производного смысла на основе существующего, известного за счет его сужения, расширения, антонимизации, генерализации или конкретизации и т.д. (*демократия – демократизация*; *Троекуров – троекуровщина*; *кризис – антикризис*; *история – предистория*).

Концептуальная метафора – это описание неизвестного через известное (абстрактного – через конкретное) в результате обращения к другому концепту или концептуальной области. Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004] выделяют **три типа концептуальных метафор**: **ориентационные**, когда одна система концептов воспринимается или строится относительно другой системы (*заглянуть в будущее*), **структурные**, когда один концепт структурируется в терминах другого (*жизнь – игра*), **онтологические**, когда концепт недискретной или абстрактной сущности воспринимается как материальный объект или вещество, т.е. один концепт воспринимается по способу восприятия другого (*теплое дыхание весны*).

Концептуальная метонимия – использование одного концепта для описания другого, связанного с ним концепта, в пределах одной концептуальной области: описание действия через его субъекта (*из-за него*); действия – через средство (*зашторить*); времени – через событие (*после лекции*); времени – через человека (*викторианские постройки*); человека – через место работы (*Гардероб не несет ответственности за личные вещи, оставленные в карманах*) и т.д.

Концептуальная интеграция – такое объединение двух концептов, которое приводит к появлению нового, интегрированного смысла, не равного простой сумме исходных концептов: *каменный лев* ≠ ка-

мень + лев; *Красная ручка – ручка с красной пастой*; *Доступное жилье* – доступное жилье + обман.

Часто эти процессы и механизмы используются одновременно в ходе структурирования концептуального содержания и практически неотделимы друг от друга.

3. Фреймовая семантика. Ситуационные и классификационные фреймы

В качестве лингвистической концепции фреймовая семантика была впервые предложена Ч. Филлмором в середине 70-х гг. и представлялась как дальнейшее развитие его теории падежной грамматики. Используя понятие фрейма, Ч. Филлмор [Филлмор 1983] первоначально вкладывал в него чисто лингвистический смысл: система выбора языковых средств – слов, грамматических правил и языковых категорий, – которые могут ассоциироваться с прототипическими сценами, т.е. типовыми ситуациями (в более традиционной терминологии). Позже понятие фрейма в его же работе "Фреймы и семантика понимания" (русск. пер. 1988) получает, в основном, когнитивное толкование: особые унифицированные конструкции знания, или связанные схематизации опыта. Еще позднее он определяет фреймы как когнитивные структуры, знание которых предполагается (ассоциировано с) концептами, представленными словами [Fillmore, Atkins 1992: 75], т.е. как собственно когнитивные понятия. В современной лингвистике и теории искусственного интеллекта **фрейм** определяется также как:

– единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определенной культуры (Т.А. ван Дейк; Р. Богранд и В. Дреслер);

– структура данных для представления стереотипной ситуации (М. Минский);

– тип когнитивной модели, репрезентирующей знания и мнения, связанные с конкретными, часто повторяющимися ситуациями (Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмид);

– структура знания, объединяющая многочисленные области, ассоциируемые с данной лингвистической формой (Дж. Тейлор).

Фреймовая семантика – это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства. Она позволяет моделировать принципы структурирования и передачи определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации. При этом подчеркивается отсутствие четко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом, т.е. непрерывность перехода от языка к опыту.

Чтобы четко представить причины возникновения и сущность фреймовой семантики как лингвистической концепции, необходимо прежде всего подробнее остановиться на проблеме зависимости языкового значения от познавательного опыта человека, поскольку именно для разрешения этой проблемы и создавалась данная теория. От понимания этой проблемы во многом зависит правильное понимание фреймовой семантики как метода когнитивного анализа и когнитивно-семантического моделирования языка.

В рамках структурной лингвистики, вслед за Ф. де Соссюром, проводившим различие между так называемой внутренней и внешней лингвистикой, утвердилось мнение, что между языковыми знаниями (знаниями языковых значений, форм и категорий) и неязыковыми знаниями (энциклопедическими знаниями о мире) существует четкая граница. По мнению структуралистов, значение слова не зависит от того, что говорящий знает о положении дел в реальном или воображаемом мире: ментальный лексикон, или словарь (как система знаний о словах и их значениях) – это не энциклопедия.

Между тем, многочисленные исследования последних лет заставляют серьезно усомниться в справедливости этого высказывания. Значение слова энциклопедично по своей сути. Лексический концепт CAR/АВТОМОБИЛЬ, например, как уже отмечалось выше, не может быть независимым от наших общих знаний об автомобилях – об их различных марках, об их статусе и функциях среди других транспортных средств, об их месте в жизни человека и связанных с ними различных ситуациях, проблемах и т.д. Эти знания служат нам для мысленного представления себе типичного автомобиля и для определения тех объектов, которые можно назвать данным словом.

Сказанное однако вовсе не означает, что все знания человека об автомобилях имеют равную значимость для характеристики данного концепта. У разных людей, естественно, могут быть несколько отлич-

ные представления об автомобилях, например: индивидуальные знания у автолюбителя или у автомеханика или у простого пешехода, никогда не управлявшего автомобилем. В целом, необходимо констатировать, что для характеристики значения слова необходима определенная фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний, которая входит в общую систему культурно значимого опыта и мнений носителей данного языка.

Из этого следует, что значения не существуют сами по себе – утверждение, с которым соглашается и когнитивная и структурная лингвистика. И когнитивисты и структуралисты считают, что значения контекстуально обусловлены. Однако эта контекстуальная обусловленность определения значения понимается ими по-разному. Для структуралистов – это внутриязыковой контекст, т.е. синтагматические и парадигматические отношения между языковыми знаками внутри языковой системы. Классический пример, который приводят структуралисты в качестве аргумента, объем значения слова *hand* (кисть руки) в английском языке и *Hand* (с тем же значением) в немецком языке, – который якобы определяется наличием других слов: *arm* и *Arm* соответственно. В то время как в русском языке оба этих значения покрываются одним словом *рука*, поскольку в русском языке нет одного слова для передачи концепта КИСТЬ РУКИ, сравните: *на руках* / *в руках* в русском языке и *in the arms* / *in hands* в английском языке.

Это нашло свое отражение и в структуралистских теориях лексических полей, которые также рассматривались как определенный лингвистический контекст для понимания языковых значений. Эти теории основывались на предположении, что слова группируются в виде определенных семантических областей, имеющих специфические для каждого языка способы организации. Анализируемая семантическая область полностью покрывается данной сетью слов (терминов). Слова в лексическом поле как бы конкурируют между собой за семантическую территорию, и тем самым они находятся в парадигматической оппозиции друг к другу. Соответственно для понимания значения отдельного слова требуется осознание его позиции в этом поле и других, входящих в данное поле слов. В частности, в рамках данных теорий детально исследовались на материале различных языков многие группировки слов основного лексического фонда, например: слова, обозначающие цвета, предметы мебели, отношения родства, названия животных, птиц, растений, различных артефактов и т.д. С этих же позиций

в рамках теории функционально-семантических полей (А.В. Бондарко) исследовались многие грамматические явления и категории: поле модальности, темпоральности, субъектности, объектности, определенности и т.д.

Для когнитологов контекст, на фоне которого определяется языковое значение, является внешним по отношению к системе языка. **Значения – это когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения**. Например, Д. Бикертон [Bickerton 1981: 230] считает, что значение слова *toothbrush* (зубная щетка) определяется значениями других единиц в языковой системе, таких как: *nailbrush* (щетка для ногтей) и *hairbrush* (щетка для волос). Возникает закономерный вопрос, действительно ли человек, не знающий слов *nailbrush* и *hairbrush*, по-другому понимает слово *toothbrush* в сравнении с теми, кто знает эти слова. Носители русского языка, например, могут и не догадываться, что в других языках есть специальное слово для обозначения кисти руки или, напротив, нет специальных слов для различения значений "синий" и "голубой", как например в английском, немецком и французском языках.

Более вероятно предположение, что слово *toothbrush* получает свое значение от той функции, которая предназначена для зубной щетки в повседневном жизненном опыте человека (чистить зубы), а не в результате парадигматического противопоставления другим словам в системе языка. Как отмечает Дж. Тейлор [Taylor 1995: 84], анализируя тот же случай, концепт TOOTHBRUSH (ЗУБНАЯ ЩЕТКА) не имеет ничего общего с тем, как люди ухаживают за своими ногтями, волосами или как они метут полы. Справедливости ради, следует заметить, что категоричное утверждение Дж. Тейлора об отсутствии такой связи тоже нуждается в оговорке. Дж. Тейлор, вероятно, не учитывает того, в частности, что вышеназванные слова образованы по единой словообразовательной модели и, следовательно, получают свое значение в том числе по отношению к общей когнитивной области, названной словом *brush*, а это, в свою очередь, не может не означать, что передаваемые ими концепты и стоящие за ними знания в той или иной мере связаны между собой.

Другими словами, **значение языковой единицы становится понятным только в контексте определенных когнитивных структур**. При этом вопрос о том, вербализованы ли эти структуры в языке отдельными словами или нет, в принципе не является существенным. Например, каково значение слова *пятерка*? Оно становится понятным

только в контексте общих представлений о системе оценок знаний в отечественных учебных заведениях, т.е. на фоне концепта ОЦЕНКА (при этом не обязательно знать названия других оценок, чтобы понять, что *пятерка* – это высший балл). Иностранец, не знакомый с этой системой, не будет иметь основы для понимания этого слова (в Англии, в США и в других странах, как известно, существуют разные системы оценок). Для человека, не связанного с системой образования, это слово также может означать 'денежная банкнота', 'марка пива', 'номер троллейбуса, автобуса, маршрутки или трамвая' и т.д. Слова *год*, *месяц*, *неделя*, *сутки*, *день*, *ночь* становятся понятными только в контексте концепта ВРЕМЯ, слова *высокий*, *низкий*, *верх*, *низ*, *подниматься*, *опускаться*, *падать*, *вставать* – в контексте концепта ПРОСТРАНСТВО, а слово *нос* – требует отсылки к концептам ЛИЦО, КОРАБЛЬ или БОТИНОК и т.д.

Интересный аргумент в пользу того, что лексическое значение слова в большей степени определяется своим когнитивным основанием, а не другими, противопоставленными ему словами, приводит Ч. Филлмор [Филлмор 1988: 60]. Это пример со словом *гипотенуза*. Мы можем понять это слово, только если нам знакомо понятие прямоугольного треугольника: гипотенуза – это сторона прямоугольного треугольника, лежащая напротив прямого угла. В английском варианте теоремы Пифагора другие стороны прямоугольного треугольника называются просто "двумя другими сторонами", в то время как в немецком и русском языках эти стороны имеют специальное название *катеты* (*Katheten*), и это единственная функция данных слов.

С когнитивной точки зрения, значение каждого из этих слов (и *гипотенуза*, и *катет*) определяется конкретной когнитивной структурой – знанием характеристик прямоугольного треугольника. С позиций же структурной лингвистики, а именно теории лексического поля, английское слово *hypotenuse* и его немецкий и русский эквиваленты должны обладать различными значениями, поскольку в русском и немецком языках имеются другие слова, которым данное слово противопоставлено, т.е. слова, обеспечивающие эффект "взаимного определения". Более того, по логике полевого подхода, слово *гипотенуза* для немецких и русских школьников должно иметь иное значение, чем для их одноклассников, не выучивших слово *катет*, или чем для их английских сверстников, вообще не знающих такого слова, с чем, естественно, трудно согласиться.

Из всего вышесказанного следует, что **значения слов соотносимы с определенными когнитивными контекстами** – когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. Эти когнитивные контексты, или блоки знания Р. Лэнекер [Langacker 1991: 3] называет *cognitive domains* (когнитивные области, сферы), Ж. Фоконье и Дж. Лакофф – *ментальными пространствами*, а Ч. Филлмор назвал *фреймами*. Так, обсуждавшиеся выше концепты ПРЯМОУГОЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК, ОЦЕНКА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ и другие – это и есть те когнитивные контексты, или фреймы, обеспечивающие понимание соответствующих слов (*гипотенуза*, *пятерка*, *месяц*, *подниматься* и т.д.).

Таким образом, структурная лингвистика в целом, и теория лексических полей в частности, занимаются преимущественно исследованием групп лексем ради них самих и интерпретацией лексико-семантических полей как собственно языковых феноменов. Между тем фреймовая семантика (и в этом их основное отличие) настаивает, прежде всего, на необходимости связывать значение слова с лежащим в его основе фреймом. Тем самым она допускает возможность того, что говорящие могут знать значение слова, входящего в ту или иную лексическую группу, даже если они не знают никаких других слов из этой группы или лишь некоторые из них. Например, мы достаточно хорошо понимаем слова типа *отскакивать* или *bounce* и при этом не ощущаем никакой необходимости в том, чтобы знать, каким другим словам они парадигматически противопоставлены.

Следует сразу же оговориться, что термин "фрейм" в данном случае используется как родовое понятие – общий термин для обозначения различных типов когнитивных структур, лежащих в основе значения данного слова, т.е. по аналогии с термином "концепт" как родовым понятием, включающим и образы, и представления, и понятия, и фреймы и т.п. Однако в отличие от общего термина "концепт", который может выражать любую единицу знания, в том числе и неструктурированного (типа целостного образа, понятия или гештальта), общий термин "фрейм" используется только для обозначения структурированных концептов: собственно фреймов, схем, сценариев, когнитивных моделей. Другими словами, **фрейм – это всегда структурированная единица знания**, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; **это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации**.

С точки зрения когнитивной семантики, **языковая единица приобретает свое значение в результате выделения** ("профилирования" – термин Р. Лэнекера), или высвечивания **конкретного участка или структуры в пределах соответствующей когнитивной области**. Выделение, или профилирование предполагает структурирование этой области с помощью той или иной схемы. Например, понимание слов *год*, *месяц*, *неделя* связано с выделением конкретных участков внутри концепта ВРЕМЯ с помощью ограничивающей схемы. Схема последовательности далее структурирует концепт ГОД на последовательность дискретных ограниченных участков типа МЕСЯЦ и т.д., значения глаголов *подниматься/опускаться* – результат наложения схемы "вверх-вниз" на когнитивную область вертикального пространства, *нос* – результат применения схемы "часть-целое" к концепту ЛИЦО или КОРАБЛЬ и т.д. Выделяют также схемы включения, передвижения (источник – путь – цель), соединения и разъединения, приближения и удаления.

По мнению Ч. Филлмора, лексическое значение слова передает определенную сцену (или ситуацию), которая соотносится с фреймом знания посредством "перспективы", т.е. определенной перспективизации, или фокусирования внимания на отдельных элементах фрейма. Например, глагол *buy/покупать* фокусирует внимание на покупателе и товаре, а глагол *sell/продавать* – на продавце и товаре, *pay/платить* – на покупателе и деньгах, *charge/назначать цену, просить, брать сколько-то денег за товар* – на продавце и покупателе как элементах одного и того же фрейма ТОРГОВАЯ СДЕЛКА. Перспективизация события или фокусировка внимания (или выделение фигуры и фона) определяет синтаксическую функцию того или иного слова в предложении. При глаголе *buy* покупатель – субъект действия, а продавец – объект, при глаголе *sell* – наоборот и т.д. Изменение обычной перспективы может приводить к иному осмыслению глагола, которое выражается также посредством изменения его грамматических характеристик, например: *Bad news sells newspapers well* ("Плохие новости хорошо распродают газеты"), где глагол *sell* приобретает каузативное значение за счет фокусирования внимания на содержании товара как причине его успешной продажи.

Аналогично разное осмысление одного и того же слова объясняется перспективизацией, или выделением разных участков фрейма. Например, предложение *Телевизор был сделан в конце года* во времена плановой экономики акцентировало внимание на его сомнительном ка-

честве, когда все спешили выполнить годовой план, а предложение *Он купил телевизор в конце года* указывает просто на точку во времени.

Понятие перспективизации обнаруживает определенное сходство с понятием профилирования в трактовке Р. Лэнекера. В то же время профилирование, по Р. Лэнекеру, определяется большей выделенностью того или иного участка когнитивного контекста и поэтому чаще всего имеет отношение к наиболее значимым компонентам пропозициональной структуры, передаваемой глаголом, а именно – к субъекту и объекту. Фокусирование, или перспективизация отдельных участков фрейма может быть направлена на различные компоненты независимо от их значимости и позволяет, таким образом, активизировать любые участки фрейма, т.е. любые элементы знания. Это обеспечивает большую универсальность фреймовой семантики по сравнению с когнитивной грамматикой Р. Лэнекера в лингвистических исследованиях[*]. В частности, фреймовые структуры могут служить основой лексической категоризации и субкатегоризации языковых единиц по тематическому принципу.

Например, деление глаголов движения по лексическому принципу предполагает знание различных типов движения и их характеристик (интенсивность движения, его самостоятельность или несамостоятельность, использование собственной энергии или транспортных средств, характер движения, фазы движения и т.д.), знание разных источников движения, цели движения, его траектории (направленное или ненаправленное движение, движение по кругу, хаотичное движение и т.д.). Все эти характеристики являются составляющими единого фрейма ДВИЖЕНИЕ, которые по-разному акцентируются в лексических значениях разных глаголов.

В зависимости от того, какая характеристика (элемент фрейма) фокусируется в значении того или иного глагола, он может быть отнесен к группе глаголов, например направленного движения (*come, enter, approach,* etc. / *приходить, входить, приближаться* и т.д.) или ненаправленного движения (*walk, wander, roam, move,* etc. / *гулять, бродить, двигаться* и т.д.), длительного или мгновенного движения

---

[*] Отчасти это объясняет тот факт, что в современных отечественных исследованиях по когнитивной лингвистике закрепилось именно это, более широкое, толкование и за термином *профилирование* (= фокусирование внимания), а термин *перспективизация* используется в узком, в трактовке Р. Лэнекера (см. выше), смысле.

(*roll – jump / катиться – прыгнуть*), движения относительно какого-либо ориентира (*pass/проходить*) и т.д. (см. фреймовый анализ значений глаголов других семантических групп в работах: [Dirven et. al. 1982; Болдырев, Гунина 2000; Гончарова 2000] и др.).

Привлечение фреймовых структур помогает также объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне, и в этом заключаются возможные перспективы использования данной теории. В частности, фреймовая семантика может быть использована для описания целого ряда событий в их временной последовательности или связанных причинными отношениями (см., например, пять типов фреймов событий, выделяемых Л. Талми, и их обсуждение в: [Ungerer, Schmid 1997: 218-231]).

Этот же принцип лежит и в основе понимания языковых единиц. Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует и соответствующий когнитивный контекст, или фрейм как модель обыденного знания об основных концептах. При этом сложнейшей проблемой остается до сих пор определение той грани, за которой кончается языковое знание (знание языкового значения) и начинается общее, энциклопедическое знание, не связанное с языковым значением, и как определить, какие знания о мире имеют существенное значение для понимания текстов, а какие нет. Скорее всего, этой грани не существует вовсе. Важнее помнить то, что **фрейм, или когнитивный контекст – это модели культурно обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества**. В принципе, фрейм может включать любой эпизод знания, каким бы причудливым он ни казался, лишь бы его разделяли достаточное количество людей. Например, Р. Лэнекер считает, что президентство Джимми Картера в США наложило существенный отпечаток на значение слова *peanut* ("арахис, арахисовый"; ср.: амер. *peanut politician* – мелкий, продажный политикан).

Соответственно полное понимание некоторых слов становится возможным только в результате привлечения нескольких когнитивных контекстов – матрицы доменов (*matrix of domains*), в терминологии Р. Лэнекера (или когнитивной матрицы, см. выше). Так, например слово *воскресенье* – это и конец недели, и выходной день, и преддверие начала рабочей недели. При этом некоторые контексты могут играть более важную роль. Р. Лэнекер соответственно выделял основные и вторичные контексты. Например для слова *соль* первичным является понятие еды и лишь затем – химического соединения, а для химиче-

ского термина *хлорид натрия* (та же соль) понятие еды является вторичным, а первичным – химическое соединение.

Еще более сложный пример приводит Дж. Лакофф со словом *мать*, которое одновременно характеризуется относительно нескольких когнитивных контекстов: генетический контекст – *генетическая мать*, контекст рождения – *мать по рождению*, контекст вскармливания и воспитания – *кормилица или мать по воспитанию*, генеалогический контекст – *генеалогическая мать* (ближайший предок по женской линии), брачный контекст – *жена отца*. В русскоязычной культуре сюда можно еще добавить возрастной контекст, когда при обращении матерью называют любую пожилую женщину (ср. также русское слово *тетя* или *дядя*), и контекст общенационального единства: *Родина-мать*. Если сравнить когнитивные аспекты значения слов *мать* и *отец*, то обнаружится, что эти два слова можно сравнивать только по трем контекстам: генетическому, генеалогическому и брачному. Два других контекста у слова *отец* будут иными: контекст материальной ответственности и контекст власти (авторитарный контекст или ответственности за дисциплинированность ребенка: *Все отцу расскажу*). Структуралисты, применяя компонентный анализ, скажут, что эти два слова отличаются лишь семами [мужской пол] и [женский пол]. Интересно отметить, что в украинском языке другим будет и контекст общенационального единства: батьківщина.

Фреймы, о которых речь шла выше, называются ситуационными, или событийными поскольку они отражают знания о мире неязыкового, событийного характера. Распространение этого понятия на знание языка как один из типов знания человека привело к выделению **классификационных фреймов**. Это разного вида сочетаемостные, словообразовательные фреймы, фреймы классов слов, коммуникативных ситуаций, текстов и их различных типов, т.е. определенные классификационные модели, отражающие принципы организации языковой системы, например модель знаний, позволяющая относить то или иное слово к определенной части речи, или конкретный текст – к определенному жанру (художественный, научный, рекламный текст и т.д.).

Это также модели, по Ч. Филлмору, которые скорее созданы языком, с помощью или на основе языка, а не отраженные в языке. Например: системы оценок, классификация отелей (*первый класс* – это далеко не шикарный отель, последние обозначаются классом "люкс"), маркировка размеров или упаковок (в США *large/большой* – это далеко не самый большой размер или упаковка, более крупные упаковки

маркируются словами *jumbo* "большой, громоздкий", *economy* "выгодный, экономичный", *giant* "гигантский", *family size* "для всей семьи"). Данные определения (как и многие другие, например: *аналоговые часы*, *акустическая гитара*, *шариковая ручка*, *Первая мировая война*, *birth mother* и т.д.) также передают некоторое классифицирующее значение, т.е. активизируют знание конкретной системы классификации – классификационный фрейм. Иначе говоря, понятие классификационного фрейма непосредственно связано с классифицирующей функцией нашего сознания, которая находит свое отражение в языке. Основным свойством данного фрейма является то, что он представляет собой определенную структуру языкового знания, модель познания окружающего мира с помощью языка.

Классификационные фреймы играют значительную роль при формировании грамматических концептов. Данные фреймы лежат в основе языковой категоризации и позволяют относить ту или иную языковую форму к определенному лексико-грамматическому разряду (например, акциональные и неакциональные, предельные и непредельные, интенсиональные, фактообразующие и другие глаголы) или грамматической категории. Классификационные фреймы также могут передавать концептуальную информацию, призванную соотносить общие и грамматические концепты (типа: момент речи, предельность, акциональность и т.д.).

Таким образом, ***чтобы проанализировать значение того или иного слова в когнитивном аспекте, необходимо установить когнитивный контекст, или область знания, которая лежит в основе значения данного слова, и определенным образом ее структурировать***, показав какие участки этой области и каким образом (посредством какой схемы) "схвачены" знаком, т.е. смоделировать фрейм, определяющий данное значение.

Когнитивная грамматика Р. Лэнекера и фреймовая семантика в большей степени сосредоточены на исследовании процессов концептуализации и их отражении в значениях языковых единиц. Упоминавшаяся выше прототипическая семантика как возможное направление и метод исследования, разрабатываемые в русле когнитивной семантики, связана с изучением процессов категоризации объектов окружающего мира и единиц языка и отражением этих процессов в структуре языковых значений и категорий. Подробнее эти проблемы рассматриваются далее в следующих разделах.

ТЕМА 4.
КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА

1. Понятие категоризации. Традиционный подход к формированию категорий

Категоризация – это одно из базовых понятий когнитивной лингвистики, которое раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний – того, как мы познаем окружающий мир и в какой форме и каким образом мы сохраняем полученные знания, в том числе с помощью языка. Познавая мир, мы делим окружающие нас предметы и явления на определенные группы и категории: дома, автомобили, люди, действия, состояния и т.д., – это все категории (а не конкретные предметы), которые и хранятся в нашей памяти, точнее – концепты того, что есть, например, дом и какие реальные объекты относятся или могут быть отнесены к этой категории. Из этого следует, что **в основе формирования категорий лежат определенные структуры знания** – когнитивные модели, концепты, фреймы. Это знания о том, какие элементы входят в состав или могут быть отнесены к данной категории, каковы их основные характеристики, как и какими отношениями они связаны с другими категориями, какие образцы являются более типичными для этой категории, а какие – менее типичными и т.д.

Сталкиваясь с новым объектом в реальном мире, мы соотносим его с нашими знаниями, находим ему место среди имеющихся представлений о категориях объектов. С тем, чтобы передать какую-либо информацию об этом объекте другому человеку (а делаем мы это, в основном, с помощью языка) и чтобы он понял, о каком объекте идет речь, нам необходимо сигнализировать посредством языка, что это за объект, к какой категории объектов он относится: *это – дом, а это – автомобиль*. Это означает, что мы должны категоризовать объект – указать (назвать) категорию, к которой он относится. Это и есть **категоризация – мысленное отнесение объекта к определенной категории**, которое внешне осуществляется (в звуковой или графической форме) с помощью языка. Называя, например, объект автомобилем, мы соотносим его с категорией "автомобиль", т.е. с нашими знаниями об этой категории – об автомобилях в целом, и утверждаем

таким образом, что данный объект относится именно к этой категории. Собеседник, совершая аналогичные мыслительные действия, понимает, о каком объекте идет речь, и соотносит с ним все те знания и опыт, которыми он владеет об этой категории (в данном случае – об автомобилях).

Таким образом, понятие "категоризация" раскрывает то, какими знаниями мы владеем и каким образом мы их применяем, когда пользуемся языком как средством общения, получения и хранения информации. ***Категоризация – это, с одной стороны, знание категорий объектов и явлений и их названий и, с другой стороны, сам процесс отнесения тех или иных объектов к конкретной категории, включая присвоение им соответствующих названий.***

Категоризация, по мнению Дж. Лакоффа, требует весьма серьезного отношения, поскольку именно она лежит в основе нормального функционирования нашего мышления, восприятия, практической деятельности и речи. Совершая огромное многообразие каких-либо действий, мы осознаем, к какому виду, или категории данное конкретное действие относится (хотя все они различаются по своим отдельным проявлениям и никогда в точности не повторяются), и, следовательно, знаем, как совершить действие этого вида. Производя или осмысливая любое высказывание, мы также обязательно обращаемся к категориям. Вне способности к категоризации человек не смог бы обеспечить себе адекватное существование ни в материальном мире, ни в социальной или интеллектуальной жизни. Более того, те или иные представления о категории свидетельствуют не только об определенном взгляде на мышление, но и об определенном понимании мира.

Категории суть категории вещей. Поскольку мы понимаем мир не только в терминах отдельных вещей, но также в терминах категорий, мы склонны приписывать реальное существование и этим категориям. У нас имеются категории для биологических видов, физических предметов, артефактов, цветов, родственников, коллег, чувств, эмоций и даже категории предложений, слов и их значений. Мы имеем категории для всего, о чем только можно подумать. Соответственно изменение самого понятия категории означает изменение нашего понимания мира, всей области наших знаний – от представлений о биологических видах до понимания того, что есть слово [Lakoff 1990: 5-6, 9].

В большинстве случаев категоризация происходит неосознанно, и человек задумывается о ее существовании только в проблемных ситуациях. Занимаясь практической деятельностью и передвигаясь в ок-

ружающем мире, мы автоматически категоризуем животных, людей и физические объекты – как естественные, природные так и созданные человеком (артефакты). В результате может создаться впечатление, что мы просто категоризуем предметы так, как они существуют в природе, и что предметы объединяются в естественные классы независимо от нашего мышления, а мыслительные категории изначально соответствуют этим классам вещей в природе. Однако это далеко не так. Большая часть категорий мышления не есть категории вещей. Они являются категориями абстрактных сущностей: события, эмоции, пространственные и социальные отношения, абстрактные понятия. Поэтому адекватное описание человеческого мышления должно базироваться на теории, которая полностью учитывает все наши категории, как конкретные (категории естественных объектов), так и абстрактные (мыслительные категории), а также раскрывает основные принципы формирования категорий в нашем сознании.

В настоящее время в лингвистике принято говорить о **трех точках зрения, или трех основных подходах к вопросу о том, как формируются категории** и как они представлены в сознании человека. Первая точка зрения считается классической, или традиционной, и восходит к воззрениям Платона и Аристотеля. Вторая связана с именем Л. Витгенштейна и считается прямо противоположной классическому подходу. Третья, как определенный компромисс между этими двумя крайними точками зрения, основывается на теории прототипов, разработанной в рамках когнитивной психологии (Э. Рош и др.), и называется соответственно прототипическим подходом к формированию категорий. Остановимся на этих трех точках зрения несколько подробнее.

Классический подход базируется на следующих принципах. **Во-первых**, считается, что содержание той или иной категории исчерпывается набором обязательных и наиболее существенных признаков, которыми должны обладать все члены данной категории. Соответственно, **во-вторых**, все элементы категории равноправны по своей значимости, их принадлежность к этой категории определяется обязательным наличием существенных для данной категории признаков и, следовательно, **в-третьих**, границы категории строго определены. **В-четвертых**, все признаки категории бинарно противопоставлены. Та или иная вещь либо обладает необходимым признаком, либо нет и, как следствие, либо является элементом данной категории, либо нет. Двойной статус и промежуточные случаи исключаются.

Другими словами, предмет относится к категории А, если он обладает всеми существенными признаками категории А. Если же он не удовлетворяет этому условию – не обладает каким-либо из существенных признаков, – то он не является элементом категории А, а относится к другой какой-то категории. Из этого следует, что категории в рамках классического подхода традиционно мыслились как вполне ясные конструкты, не представляющие собой никаких проблем. Они рассматривались как абстрактные вместилища: одни предметы входят в данную категорию-вместилище, другие находятся вне ее. При этом предметы входят в категорию тогда и только тогда, когда им присущи определенные общие свойства, которые и определяют категорию в целом, ее основное содержание.

Классическая теория категорий не является результатом эмпирических исследований. Она никогда не мыслилась как собственно теория или подход, а была, по существу, философским взглядом, сформированным на основе априорных рассуждений о природе вещей, и принималась как данность в большинстве научных дисциплин, как абсолютно бесспорная истина.

Этот подход основывается, в первую очередь, на учении Платона об "идеях" вещей, т.е. об их существенных свойствах. По мнению Платона, мы можем отличать одну вещь от другой только потому, что мы обладаем идеей этой вещи, т.е. знаем ее устройство и назначение, сам ее смысл. Это позволяет нам отличить, например, стол от стула, дивана, кровати и т.д. Соответственно познать вещь означает обладать идеей этой вещи – знать совокупность существенных свойств вещи, их состав и взаимосвязи, назначение вещи, ее смысл (ср. с современными, весьма похожими, определениями концепта). При этом Платон подчеркивал особую значимость именно цельности, совокупности свойств, поскольку идея вещи есть цельность всех ее составляющих частей, неделимая на эти части (одна сторона треугольника не есть треугольник, один звук не есть все слово и т.д.). Отсюда и один из основных принципов классического подхода – обязательное наличие всех необходимых признаков категории. По существу, в своих известных сочинениях – диалогах – Платон попытался обосновать основные принципы научного познания и, в частности, способность человека к гештальтному восприятию мира.

Эти принципы далее уточняет и развивает Аристотель. Он разграничивает существенные и несущественные признаки предмета и, абсолютизируя понятие существенных признаков, или свойств, кладет

его в основу определения категории. Аристотель подчеркивает, что для отнесения какого-либо предмета к конкретной категории и для называния его конкретным именем исключительную значимость имеют именно его существенные свойства. При этом каждый из существенных признаков является обязательным для определения категории, и исчезновение хотя бы одного из них ведет к исчезновению всей категории. Так, например, чтобы иметь возможность назвать какое-либо существо человеком, мы должны знать значение слова *человек*, которое, в свою очередь, предполагает знание сущности человека, т.е. его сущностных, существенных характеристик, а именно, что человек – это, по определению Аристотеля, двуногое животное. Тем самым для категории "человек" и для значения соответствующего слова Аристотель выделял два определяющих признака: "двуногое" и "животное". Каждый из этих двух признаков является обязательным, а их единство – достаточным, для определения категории. Если какое-либо существо не обнаруживает хотя бы одного из этих признаков, то оно не является членом данной категории и, напротив, признается фактом, что любое существо, обнаруживающее оба эти признака, является элементом данной категории.

Таким образом, Аристотель более явно и в целостном виде формулирует то учение о категориях и их существенных свойствах, которое было намечено Платоном. Именно это учение и получило название классического, или традиционного, подхода к формированию категорий, поскольку оно доминировало в психологии, философии и лингвистике на протяжении почти всего XX столетия. В фонологии это учение получило дальнейшее развитие в виде теории оппозиций и дифференциальных признаков фонем (Н.С. Трубецкой). Затем оно было перенесено в область грамматики (Р. Якобсон, Н. Хомский) и семантики и нашло свое отражение в трансформационной грамматике и генеративной семантике (Дж. Кац, П. Постал, Дж. Фодор, М. Бирвиш), в компонентном анализе и в учении о семантических признаках, компонентах, множителях, семах (Ю. Найда, В. Скаличка, Дж. Кац и др.), которые призваны разграничивать значения слов в минимальных парах и устанавливать различные типы семантических отношений между ними: часть – целое, гипоним – гипероним (Дж. Лайонз) и т.д.

В то же время исследования в области когнитивной психологии последних лет и полученные экспериментальным путем данные заставили обратить внимание ученых на тот факт, что основные принципы

категоризации, постулируемые классическим подходом, не "срабатывают" и что необходима иная теория, основанная на других принципах. Многие из этих несоответствий между основными положениями классического подхода и реальными процессами познания были изложены еще Л. Витгенштейном в его работе "Философские исследования" (см.: [Витгенштейн 1994: 75-319]), что позволяет представить его размышления как **вторую, альтернативную точку зрения на природу и структуру категорий**.

Анализируя слово *Spiel* ("игра"), Л. Витгенштейн, отмечал, что данная категория не имеет четких границ, поскольку невозможно определить те существенные признаки, по которым игры можно было бы отделить от не-игр. В отличие от того, что утверждает классический подход, данная категория строится не на основе общих существенных признаков, а скорее на некотором подобии тех или иных характеристик, на их пересечении. Действительно, можно попытаться выделить определенные характеристики, типичные для этой категории. Однако только часть элементов категории будут обнаруживать какие-либо из этих признаков. Другим элементам будут свойственны другие признаки, и в то же время нельзя выделить признаки, общие для всех членов категории и при этом общие только для них. Вполне вероятно, что отдельные элементы категории вообще не будут иметь никаких общих черт. Забегая вперед, следует сразу же добавить, что аналогичную структуру, как показывают современные исследования, обнаруживают и многие другие категории, называемые другими словами, с другими значениями.

В качестве примера Л. Витгенштейн предлагает сравнить настольные игры, карточные игры, игры с мячом, Олимпийские игры и т.д. Не всем играм свойственна, например соревновательность, наличие выигрыша или проигрыша (ср. пасьянс или когда ребенок бьет мячом о стену и ловит его сам), хотя многим другим играм они присущи (настольным, карточным, с мячом). С другой стороны, не все игры связаны с получением удовольствия или зависят от определенных умений и навыков или везения (умение играть в шахматы и в теннис – это разные умения). По мере сравнения разных игр можно убедиться в том, что сходства между ними то появляются и множатся, то, напротив, исчезают. В результате вырисовывается система пересекающихся и перекрещивающихся сходств и подобий: общих сходств и сходств в деталях. Подобный принцип формирования категорий Л. Витгенштейн назвал "семейным сходством", по аналогии с тем, как

в одной семье черты сходства: телосложение, внешние черты, цвет глаз, походка, темперамент и т.д., – могут встречаться в разном сочетании у разных членов семьи, которые могут быть не похожи друг на друга, и в то же время они являются одной семьей. Игры тоже формируют семью, делает вывод Л. Витгенштейн.

Отвечая на вопрос о том, как человек получает знание такой категории, Л. Витгенштейн отмечает – на основе образцов, т.е. объясняя разные игры, мы подчеркиваем, что подобные вещи называются играми. В то же время, говоря об образцах, он ничего не пишет о выборе самих образцов – о центральных, наиболее ярких, прототипических представителях категории.

Взгляды Л. Витгенштейна на природу и строение категории привлекли внимание многих психологов и **получили дальнейшую возможность развиваться в двух основных направлениях**. Первое направление связано с развитием самой идеи "семейного сходства", а второе – с поиском центрального, наиболее типичного образца категории, который обладает наибольшим количеством характерных свойств и в силу этого воспринимается как ее наиболее яркий представитель.

Дальнейшее развитие идеи "семейного сходства" как основного принципа построения категорий позволило говорить, с одной стороны, о том, что между разными элементами одной категории могут обнаруживаться существенные различия, и, с другой стороны, о том, что возможно объединение любых понятий в одну категорию при условии, что они имеют психологическую значимость для человека, т.е. соответствуют определенному фрагменту его индивидуального опыта и в силу этого приобретают для него смысл. Это в значительной мере поколебало незыблемость основных принципов классического подхода и послужило достаточным обоснованием для утверждения того, что существуют такие категории, у которых нет ярко выраженных, идеальных образцов, типа: "то, что я люблю", "плохие приметы", "наиболее ценные предметы". Этот список при желании можно продолжить: "вещи, которые мы берем с собой в дорогу", "люди, которым принято уступать место в общественном транспорте", "любимые писатели, поэты, исполнители, произведения" и т.д. Данный подход иногда встречается и в более крайних его проявлениях, когда его сторонники утверждают, что абсолютно все категории строятся по данному принципу и что многие категории не хранятся в нашей памяти, а создаются по мере надобности и могут исчезать, когда эта надобность отпадает.

Идея наиболее яркого образца категории в явном виде была сформулирована уже в рамках другого, альтернативного классическому, подхода, который получил соответствующее название теории прототипов, или прототипического подхода, о чем речь подробнее пойдет ниже.

2. Прототипический подход к формированию категорий. Понятие прототипа

Возникновение данного подхода обычно связывают с работами американского психолога Э. Рош, поскольку именно она в начале 70-х гг. сформулировала его основные принципы. Между тем отдельные идеи этого подхода, как и сам термин прототип, первоначально возникли под влиянием результатов психологических экспериментов, которые проводили американские антропологи Б. Берлин и П. Кэй в конце 60-х гг., анализируя принципы категоризации цветового пространства. Истоки этого подхода можно проследить и в более ранних работах других ученых, пытавшихся обнаружить универсальные принципы категоризации окружающего мира в том, как мы опознаем и классифицируем различные по природе объекты и присваиваем им имена категорий (см., например, работы Р. Брауна: [Brown 1958] и др.).

Действительно, с одной стороны, мы, не задумываясь, опознаем такие объекты, как тетради, ручки, книги, столы, стулья, дома и т.д., и обозначаем их соответствующими словами, поскольку эти предметы имеют достаточно четкие границы (хотя эти границы тоже имеют относительный характер, иначе мы бы не различали дополнительно книги, буклеты и брошюры и т.д.). С другой стороны, не так просто указать и дать точное название, например всем частям туловища или лица, различным цветам, природным объектам и явлениям. Кто может, к примеру, точно сказать, в каком месте то, что мы называем висками, переходит в скулы, а скулы переходят в щеки, или где граница между вершиной дерева и стволом, дождем и ливнем, мелким дождем и изморосью, а где заканчивается один цвет и начинается другой.

Границы таких объектов четко не определены, хотя у нас есть ощущение, что они существуют в реальном мире (щека не может быть частью скулы, а вершина холма не входит в склон и т.д.). Следовательно, может возникнуть впечатление, что данная классификация диктуется нам самой действительностью. В то же время этого нельзя

сказать о физических параметрах длины, высоты, ширины, цветовых и температурных характеристиках, поскольку мы не в состоянии провести четкую грань между холодным, теплым и горячим или распределить все возможные цветовые оттенки (которых мы можем различать, по данным Р. Брауна и Э. Леннеберга [Brown, Lenneberg 1954: 457], более 7500000) между известными нам словами, обозначающими цвет.

Следовательно, ***классификация физических объектов и их параметров является скорее мыслительным процессом, чем проявлением свойств самой природы***. **Этот мыслительный процесс классификации и называют категоризацией, а его результаты – когнитивными категориями**, например когнитивные категории цвета: красный, желтый, зеленый, синий [Ungerer, Schmid 1997: 2]. Поэтому неудивительно, что именно физические параметры объектов, и цветовые в особенности, послужили отправной точкой для начала исследования языковых значений в психологическом и концептуальном аспектах – центральной проблемы когнитивной лингвистики, составляющей ее суть.

Вышеназванные проблемы заставляли философов, психологов, лингвистов постоянно задумываться о том, насколько неопределенна граница между языковыми значениями и неязыковой реальностью (С. Ульман, В. Квайн и др.), а также какие принципы управляют мыслительными процессами категоризации, и в частности категоризацией цвета. Единственно правильным ответом на последний вопрос – о категоризации цвета – долгое время считалось то, что категории цвета носят абсолютно условный характер, и в качестве доказательства приводились данные разных языков, в которых цветовые обозначения значительно различались. Это также расценивалось как подтверждение теории лингвистической относительности Сэпира-Уорфа о том, что разные языки разными способами делят окружающий мир на категории.

Второе, более современное объяснение заключается в том, что цветовое пространство, вероятно, разделяется на отдельные фрагменты с помощью системы определенных ориентиров – так называемых точек референции (или опорных точек). Наличие этих точек в виде фокусных цветов, на которые мы ориентируемся при категоризации цвета, и смогли экспериментально доказать Б. Берлин и П. Кэй, проанализировав 98 языков, в том числе 20 – на основе устных тестов и остальные – на основе грамматик и письменных материалов. Суть их эксперимента состояла в том, что используя таблицу из 329 цвет-

ных фишек (40 цветовых оттенков 8 степеней яркости, белый, черный и 7 разновидностей серого), они просили носителей разных языков называть слова, обозначающие тот или иной цвет. При этом данные названия должны были отвечать следующим условиям: это должны были быть простые слова родного (не иностранного) происхождения, которые не замыкаются на ограниченном классе объектов (как например, *русый*), быстро приходят на память и известны всем или почти всем носителям данного языка. Слова, удовлетворяющие этим критериям, и были названы **basic colour terms** (основными терминами цветообозначения).

На втором этапе эксперимента носители языка должны были показать те фишки, которые они при любых условиях назвали бы соответствующим цветом, а также наилучшие, наиболее типичные образцы определенного цвета. Второе задание, по существу, предвосхищало выявление того, что позже и было названо прототипом. Эти фишки (зоны цветового пространства), которые были признаны лучшими образцами, Б. Берлин и П. Кэй назвали фокусами. Оказалось, что если границы цветовых категорий могут быть разными у носителей разных языков и даже у носителей одного языка, то цветовые фокусы у всех совпадают. Это позволило сделать вывод о том, что, **категоризуя цвета, человек выбирает определенные точки цветового пространства для ориентации**.

Данное открытие в области категоризации естественных явлений ставило под сомнение бесспорность основных положений классического подхода, из которых следовало: 1) что все члены категории обладают одинаковыми свойствами, и ни один из них не может соответствовать представлению об этой категории в большей степени, чем другие, и 2) что сами категории независимы от особенностей строения тех существ, которые осуществляют категоризацию, т.е. они должны быть свободны от нейрофизиологии человека, динамики его движений и специфики его способностей к восприятию, к созданию ментальных образов, к обучению и запоминанию, к организации и хранению усвоенных фактов, к эффективной коммуникации. Естественно, это потребовало психологического обоснования. Прежде всего, необходимо было ответить на вопрос, какова природа выделения фокусных точек в цветовом пространстве с психологической точки зрения и характерно ли выделение аналогичных фокусов для других сфер или это только связано с цветом. Ответить на эти вопросы и попыталась Э. Рош (Хайдер).

В ходе различных экспериментов Э. Рош [Heider 1971; 1972] удалось доказать, что **фокусные цвета относятся к области неязыковых знаний и связаны с мышлением, а не с языком**, т.е. имеют не языковой, а когнитивный статус, поскольку они выполняют важную роль в **мыслительных процессах категоризации**. К числу этих процессов, в частности, относятся: **выбор объекта** (из всего многообразия объектов и их характеристик только некоторые из них привлекают обычно наше внимание), **узнавание и классификация** (в основе которых лежит сравнение объекта с хранящимися в памяти знаниями) и **называние** (в то время как большинство когнитивных категорий обозначаются отдельными словами, некоторые из них остаются без названий, например: "вещи, которые должны быть упакованы в чемодан") [Barsalou 1987: 102].

Чтобы избежать влияния языковой категоризации, основанной на знании слов и их значений, Э. Рош привлекала в качестве испытуемых детей дошкольного возраста и жителей Папуа Новой Гвинеи, в языке которых было всего два основных термина цветообозначения, т.е. тех, у кого были минимальные знания соответствующих слов и связанных с ними категорий. Анализируя то, как испытуемые выбирают цвета из предлагаемого многообразия, сравнивают их, запоминают, выучивают их названия, она сделала вывод, что фокусные цвета в сравнении с нефокусными цветами привлекают большее внимание, т.е. обладают большей психологической выделенностью, точнее запоминаются в кратковременной памяти и легче сохраняются в долговременной памяти, названия фокусных цветов быстрее воспроизводятся и раньше усваиваются детьми. Следовательно, **фокусные цвета обладают особой когнитивно-перцептивной выделенностью, которая, вероятнее всего, не зависит от языка и отражает определенные психологические аспекты восприятия мира человеком**.

Установив далее, что статус цветовых фокусов не зависит от их положения (центрального или пограничного) в рамках тех или иных цветовых наборов, в том числе искусственно создаваемых (она меняла местами цветные фишки, располагая их в разной последовательности, но участники эксперимента каждый раз легко выделяли фокусные цветообразцы среди других фишек), Э. Рош смогла доказать, что данные **фокусы служат ядром соответствующей категории цвета**, т.е. фокусный, например зеленый, цвет всегда будет служить опорной точкой для всех оттенков зеленого цвета. Это дало основание говорить о существовании **естественных прототипов**, вокруг которых

и формируются категории цвета. Аналогичные эксперименты были проведены и с фигурами различной формы, что позволило утверждать, что все сказанное выше относится не только к категоризации цветового пространства, но и к другим категориям естественных объектов [Rosch 1973].

Существование естественных прототипов подтвердили также данные других экспериментов с категориями естественных объектов и организмов [Rosch 1975]. Большинство американских студентов, участвовавших в эксперименте, в частности, в качестве наиболее типичных образцов категорий "птица", "фрукт", "транспортное средство", "мебель", "оружие" указали соответственно следующие объекты: малиновка (robin) и воробей (sparrow), апельсин (orange) и яблоко (apple), автомобиль (automobile) и пикап (station wagon), стул (chair) и диван (sofa), ружье (gun) и пистолет (pistol). Наименее типичными птицами оказались пингвин (penguin) и летучая мышь (bat), наименее типичными фруктами – маслины (olive), наименее типичным транспортным средством – лифт (elevator), мебелью – вентилятор (fan) и телефон (telephone), оружием – туфли (shoes).

Эти данные, многократно подтвержденные позже другими исследователями на материале категорий естественных и искусственных объектов, в том числе на материале языковых категорий, легли в основу теории прототипов. Эта теория, в свою очередь, послужила базой для опровержения главных принципов классического подхода и для формирования так называемой прототипической точки зрения на природу и строение категорий. Исходные **положения и основные принципы прототипического подхода** можно суммировать в виде следующих моментов:

- Объекты реального мира обнаруживают некоторые сходства и различия, т.е. реальный мир не хаотичен, а определенным образом структурирован. Это позволяет нашему сознанию группировать объекты реального мира и других возможных миров в определенные мыслительные структуры – категории. При этом чувственно воспринимаемые объекты образуют естественные, или природные категории, а когнитивные, концептуально обусловленные объекты – семантические категории. Соответственно **онтология мира отражена в нашем сознании в виде определенной категоризации как системы категорий**.
- **Элементы этих категорий неравнозначны между собой**: некоторые элементы являются психологически более выделенными, чем другие. Это определяет внутреннюю структуру категорий, в которых

обнаруживаются центральные, более типичные для данной категории элементы – прототипы (прототипическое ядро) – и менее типичные элементы. Степень приближения разных элементов категории к ядру определяется также степенью их общего сходства с прототипом.

- Вокруг прототипов группируются (в сознании человека) все другие входящие в данную категорию элементы. Соответственно **категории формируются вокруг прототипов**, которые выступают в качестве когнитивных точек референции (опорных точек). В них воплощены все наиболее характерные признаки категории, что позволяет по прототипу опознавать категорию в целом.
- **Принадлежность объекта к той или иной категории, прежде всего, определяется его сходством с прототипом**, т.е. наличием у него общих с прототипом характеристик (прототипических характеристик).
- Градация прототипических характеристик по их общему количеству и значимости для данной категории обусловливает градацию (степень типичности) элементов категории, которые могут образовывать непрерывный континуум. Соответственно **границы между категориями могут носить неопределенный характер** или характер переходной зоны, а сами категории могут не иметь четко очерченных границ.
- **Внутренняя структура категории определяется** не жестким списком обязательных, наиболее существенных признаков (как этого требовал классический подход), а **разнообразием характеристик, организованных по принципу "семейного сходства"**, из которых наиболее значимыми оказываются те, что свойственны прототипу и являются общими для всех членов данной категории. Например, для категории птиц это: 1) откладывание яиц, наличие 2) клюва, 3) двух крыльев и двух ног и 4) наличие оперения. Категориальная принадлежность не совсем типичных и нетипичных элементов и их место в структуре категории определяется также наличием признаков, общих с другими, непрототипическими членами категории. В частности, то, что страус однозначно относится к категории птиц и занимает в ней периферийное положение обусловлено не только тем, что он обнаруживает определенные черты сходства и отличия с прототипом: откладывает яйца, имеет два крыла, две ноги и оперение, но не умеет летать, петь и т.д., — но также и тем, что у него длинная шея и большие крылья, как у лебедя и цапли, красивое оперение, как у павлина

и попугая и т.д., т.е. признаками "семейного сходства" (примечательно, что в словарях часто фиксируются именно эти, отличительные от прототипа, признаки).

• **Прототипические элементы когнитивных категорий обладают наибольшим количеством характеристик, общих с другими членами данной категории, и наименьшим количеством признаков, характерных для членов других категорий**. Соответственно прототипические элементы категорий максимально отличаются от прототипических элементов других категорий. Непрототипические (или промежуточные между категориями) элементы имеют лишь некоторое число характеристик, общих с другими элементами данной категории, и обнаруживают целый ряд признаков, свойственных и другим категориям. Это также говорит о том, что категориальные границы носят неопределенный характер.

Положение о неопределенности границ категорий содержит в себе одно из самых главных принципиальных отличий прототипического подхода от классической точки зрения и поэтому требует специального разъяснения. С одной стороны, исследования Э. Рош, основной целью которых было доказать, что категории формируются вокруг прототипов, создают впечатление, что границы категорий в каком-то неопределенном месте на большом удалении от прототипического ядра размываются, и категории как бы исчезают в никуда. С другой стороны, наше обыденное сознание обычно рисует нам категорию как определенное вместилище, имеющее границы. Последнее представляется особенно справедливым в отношении таких "конкретных" категорий, как: стул, стол, собака, кошка, птица.

Однако это второе представление легко разрушается, если внимательно проанализировать пример, который приводит философ М. Блэк [Black 1949: 32]. Он предлагает вообразить некий музей стульев, в котором выставлено огромное количество экспонатов, минимально отличающихся один от другого по качеству. С одного конца этого длинного ряда может стоять стул в стиле Чиппендейл, а с другого – небольшой, неопределенного вида кусок дерева. Любому посетителю, осматривающему данную коллекцию, чрезвычайно трудно провести границу между теми объектами, которые действительно можно назвать стульями, и теми, которые стульями назвать нельзя. Следовательно, коллекция стульев, несмотря на то, что каждый из них имеет строго очерченные границы, может рассматриваться как континуум, в котором имеется некая переходная зона между стульями и не-стульями.

Таким образом, с когнитивной точки зрения классификация объектов по степени определенности их очертаний не столь важна, как не важны и реальные различия между объектами, имеющими четкие очертания (типа стол, стул), объектами, не имеющими четких границ (типа склон, вершина) и различными шкалами (типа цвет, размер). Гораздо важнее то, что **все типы конкретных предметов и явлений концептуализируются в нашем сознании как прототипические категории, границы которых не являются строго очерченными**.

Экспериментально это подтвердил В. Лабов [Labov 1973] на примере категорий "чашка" (cup) и "чаше-подобные сосуды" (cup-like vessels). Участники эксперимента должны были дать названия рисункам различных сосудов, среди которых один был размером с типичную чашку, а остальные отличались от него в той или иной степени по высоте и ширине. По мере увеличения расхождений с прототипом испытуемые все реже использовали слово *чашка* и чаще – другие слова: *чаша, кубок, кружка, бокал, ваза (bowl, mug, vase)* и т.п. Частотность появления других названий, т.е. смещения категориальных границ увеличивалась также, если вводились дополнительно контексты употребления этих сосудов, например: для кофе, для еды, для цветов.

Исследования В. Лабова, таким образом, показали, что категоризация не столько связана с определением границ одной категории или между двумя абсолютно разными категориями (по принципу "эта – не эта" категория), сколько с выбором одного слова из целого ряда возможных, близких по значению названий и, следовательно, с выбором одной из целого ряда однотипных (соседних) категорий. Это означает, что неопределенность категориальных границ предполагает не постепенное исчезновение (растворение) их в концептуальном пространстве, а наличие как бы переходных зон между соседними, граничащими друг с другом категориями.

Все это свидетельствует о том, что **категоризация обусловлена различными когнитивными способностями человеческого разума, а не условным характером границ между предметами и явлениями окружающего мира**. Когнитивные категории как бы привязаны к концептуально выделенным прототипам, которые имеют решающее значение для формирования категорий. Границы соседних категорий сливаются, и поэтому когнитивные категории не имеют четко выраженных границ. Внутренняя структура категории отличается значительной сложностью, которая связана с тем, что между прототипами и пограничными явлениями находится большое количество других

элементов, обнаруживающих разную степень проявления типичных признаков.

Сами **прототипы могут иметь различную природу**. В качестве прототипов могут выступать типичные примеры, социальные стереотипы, идеалы, образцы, метонимические и частные модели (подкатегории), наиболее характерные примеры. **Типичные примеры** (яблоки и апельсины – типичные фрукты) обычно не осознаются, их использование носит автоматический характер. Они принимаются в качестве таковых всеми носителями языка и имеют в большинстве случаев стабильный характер. **Социальные стереотипы** (например: типичная мать – домохозяйка) обычно осознаются и могут вызывать разногласия. Они также могут изменяться со временем и чаще всего используются для быстрых суждений о людях, особенно в рекламе, в газетных статьях и т.п. Многие категории воспринимаются через **идеалы**, т.е. абстрактные идеальные образцы, например: идеальный муж хорошо зарабатывает, верен жене, внушает уважение, привлекателен. При этом данные образцы могут не быть ни типичными представителями данной категории, ни стереотипами (сравните стереотипное представление о муже: бездельник, скучный, толстый, все время лежит на диване и смотрит телевизор).

Некоторые категории мы можем также представлять себе в целом на основе знания отдельных их членов, которые являются **образцом** той или иной категории. Например: первая ракетка мира, образцовый футбольный вратарь или нападающий, Плюшкин – образец скупости, Робин Гуд – образец храбрости и благородства и т.д. Это проявляется в таких языковых выражениях, как: *типичный Плюшкин, настоящий Робин Гуд, еще один Пеле*. Иногда категория воспринимается как целое через меньшую подкатегорию, которая является ее **метонимической моделью**, или прототипом, например: категория "глагол" воспринимается через подкатегорию "акциональный глагол", или "глагол действия", категория "естественное число" – через подкатегорию "одноразрядные числа".

Чтобы представить себе относительную величину чисел, мы используем **частную модель** чисел в определенной степени от десяти, например: *тысяча возможностей, один шанс из миллиона* и т.п. Некоторые частные модели имеют биологическую основу: основные цвета, основные эмоции. Многие частные модели обусловлены соответствующей культурой, например: Оксфорд, Гарвард, Сорбонна, МГУ, – как модели престижного образования. Представить себе всю категорию в целом можно также с помощью хорошо известных или **наибо-**

лее характерных примеров. Так, зная, что кто-то является пацифистом, можно на основе характера и взглядов данного конкретного человека составить себе представление о пацифистах в целом.

Уточняя само **понятие прототипа**, необходимо отметить, что оно **допускает двоякое понимание**: психологическое и собственно когнитивное. Определение прототипа **с психологической точки зрения** связано с выделением в ходе различных экспериментов по категоризации тех элементов категории, которые первыми приходят на ум и быстрее всех узнаются. Если признать эти элементы прототипическими, то прототип можно определить как "лучший образец категории", "наиболее явный член категории", "выделяющийся образец", "наилучший представитель категории", "центральный или типичный элемент категории" [Лакофф 1988; Rosch 1978; Brown 1990; Tversky 1990]. **С собственно когнитивной точки зрения**, прототип – это ментальная репрезентация, или когнитивный ориентир категории: какой-либо образ, схема, идеал, стереотип, набор общих характеристик, гештальт [Лакофф 1988; Rosch, Mervis 1975; Coleman, Kay 1981 и др.]. Не трудно заметить, что во втором случае указывается не что иное, как разные типы концептов (см. выше). Следовательно, данное определение с когнитивной точки зрения можно представить и следующим образом: **прототип – это концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание**, концепт категории или наиболее яркого ее представителя, элемента.

Необходимо также подчеркнуть, что прототипы непосредственно зависят и могут меняться от когнитивного и культурного контекстов. Например, прототипы чашек для кофе, чая, молока будут различаться так же, как и прототипы ваз для фруктов, варенья, салата, мороженого и цветов. С другой стороны, прототипическое лицо человека для европейца и для корейца или японца или жителя Африки – это разные типы лица, типичный завтрак для англичанина – это не то же самое, что типичный завтрак для француза, типичная зима для жителей северных и южных стран также будет различаться по своим характеристикам и т.д. В качестве примера можно привести известный, ставший анекдотичным ответ жителя Эфиопии на вопрос журналиста о том, как ему нравится русская зима: "*Зеленая*", *которая с травой, – еще ничего. А вот* "*белая*", *со снегом ...*".

Преимущества описанного подхода вовсе не означают, что в мире не существует категорий, построенных по Аристотелевскому принципу, или что описанный принцип универсален, т.е. применим к любой

области категоризации. Так, многие научные категории стремятся по своему определению к идеалу классических категорий, например: предложение – предикативная единица синтаксиса, которая характеризуется интонационной и коммуникативной завершенностью. В то же время реальные языковые факты дают множество примеров не совсем типичных, с точки зрения данного определения, явлений, которые тоже относятся к предложениям. В целом, число возможных точек зрения на процессы категоризации теоретически не лимитировано. Важнее помнить то, что прототипические категории, в отличие от Аристотелевских, логических категорий, более эффективно обеспечивают и объясняют мыслительные процессы и процессы использования языка. Их эффективность заключается в большей гибкости и способности быстро аккумулировать новые данные.

Вновь познаваемые сущности легко могут быть ассоциированы с той или иной прототипической категорией, пусть даже в качестве ее периферийных элементов, не вызывая при этом фундаментальных изменений во всей системе категорий. Категоризация новых данных в системе классических категорий потребовала бы создания новых или пересмотра содержания существующих категорий. Законы же мышления требуют определенной стабильности категориальной системы, которая не может всякий раз коренным образом меняться с появлением новых данных и в то же время должна быть достаточно гибкой, чтобы адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

С этой точки зрения прототипический подход, можно сказать, содержит в себе все лучшее, что есть во всех рассмотренных выше подходах. Центральные элементы прототипических категорий, обладая наибольшим количеством характерных признаков, с одной стороны, приближаются к идеалу классической, логической категории, которая, конечно же, более удобна и понятна, поскольку строится на основе четкого соответствия всех членов категории заданному списку признаков. С другой стороны, прототипические категории обладают той гибкостью, которая необходима для эффективной работы человеческого мышления и диктуется постоянно меняющимися знаниями о мире и ситуациями общения, так как они могут включать в свой состав новые элементы, даже если эти элементы имеют лишь один или несколько общих с прототипом признаков. Напротив, строгость и логичность классических категорий делает их в этом плане малоэффективными, поскольку практический опыт показывает, что в реальном мире почти нет элементов с идеальным сочетанием обязательных признаков.

3. Уровни категоризации

Отличительной чертой прототипического подхода является также признание двух аспектов категоризации: вертикального и горизонтального. **Горизонтальный аспект категоризации** предполагает, что тот или иной объект в обязательном порядке должен быть отнесен к определенной категории одного и того же уровня обобщения, например, к категории "книга", "газета" или "журнал". В то же время этот объект может быть соотнесен с разными по степени обобщенности категориями, например: художественная книга, книга, издание, артефакт, предмет. Существование категорий различной степени абстракции свидетельствует о том, что категоризация предметов и явлений окружающего мира может происходить на разных уровнях, т.е. заставляет говорить о **наличии разных уровней категоризации в ее вертикальном аспекте**, об определенной иерархической упорядоченности этих уровней.

В частности, вышеназванные категории представляют, как минимум, пять уровней категоризации, и каждая из них отличается большей обобщенностью в сравнении с категорией нижестоящего уровня. Категория "книга" включается в вышестоящую категорию "издание", "издание" – в категорию "артефакт", которая, в свою очередь, включается в еще более абстрактную категорию "предмет", а категория "художественная книга" будет входить в категорию "книга". При этом разные категории одного уровня (например: "книга", "газета", "журнал", "бюллетень" и т.д.) включаются в одну категорию следующего уровня иерархии, например "издание".

В когнитивной психологии считается доказанным, что человек в своей познавательной деятельности оперирует **тремя основными уровнями категоризации**: ***базовым*** (или срединным), ***суперординатным*** (superordinate, в терминологии Э. Рош, т.е. уровнем высшего порядка, или вышестоящим уровнем) и ***субординатным*** (subordinate, в терминологии Э. Рош, т.е. уровнем низшего порядка, или нижестоящим уровнем). Схематически разные уровни категоризации можно представить в следующем виде, используя те же вышеназванные категории (см. схема 3).

Схема 3

Базовому уровню, в качестве которого выступает срединный уровень категориальной иерархии, придается особенно важное значение. Именно **базовый уровень**, по мнению Э. Рош и ее коллег, **является психологически наиболее значимым и выполняет ведущую роль в понимании и осуществлении процессов категоризации**. Эта идея заложена в самой концепции прототипического подхода. Традиционный, классический подход к формированию категорий не придавал специального значения срединному уровню иерархии, и в этом также заключается важное отличие этих двух подходов. Следует отметить, что более полное и точное название концепции, разработанной Э. Рош, и звучит как "теория прототипов и категорий базового уровня".

Дело в том, что обыденное сознание, по мнению психологов, оперирует именно базовым уровнем, не требующим специальных, теоретических знаний об объектах. На этом уровне восприятие и категоризация объектов осуществляется гештальтно, т.е. нерасчлененно: мы воспринимаем объекты и оперируем их концептами неосознанно, не задумываясь об их основных характеристиках и составляющих компонентах, целое в нашем восприятии проще, чем его части, и потому доминирует над его составными частями.

Мы говорим, что поставили цветы на окно или поменяли воду в цветах, хотя цветы или вода находятся в вазе. Мы просим дать нам сок или вино и получаем стакан или бокал с соком или вином. Мы сетуем, что чайник долго не закипает, хотя закипает в действительности вода в чайнике, или что лампа плохо светит, а не лампочка или, точнее, спираль и газ в ней. И ломается не весь телевизор, как это обычно произносится, а какая-то конкретная его деталь перестает выполнять свою функцию и т.д.

Постоянно сталкиваясь с одними и теми же объектами, человек перестает вычленять отдельные детали и характеристики для их иден-

тификации. В его сознании все эти детали складываются в единую, гештальтную характеристику, например, "птичности" (наличие клюва, оперения, двух крыльев и т.д.), "автомобильности" (наличие кузова, двигателя, руля и т.д.), "комнатности" (наличие потолка, стен, окна, входа и пр.). На основе этой единой, интегрированной характеристики и происходит гештальтное, целостное восприятие объекта и его категоризация на базовом уровне как птицы, автомобиля или комнаты.

В функции такого целого, доминирующего в процессе восприятия объекта или события над другими его составными частями или характеристиками, могут выступать:

– **целостная форма** предмета (*включить лампу*, *позвонить по телефону*, *побелить дом*, *застелить кровать*),

– **его основная функция** (*телевизор не показывает*, *автомобиль сломался*),

– **часть целого** (*съесть банан*, *красный арбуз*, *зеленое яблоко)*,

– **цель или результат** (*зажечь свет*, *открыть дверь – дверь не открывается*, *закрыть окно*, *вызвать лифт*),

– **пространственная характеристика** для процессов перемещения и обозначающих их глаголов (*встать*, *сесть*, *лечь*, *приехать*),

– **создание, изменение**, **разрушение объектов** (*писать*, *строить*, *ломать*, *придумывать*),

– **изменение состояния** (*таять*, *плавиться*, *замерзать*, *сохнуть*),

– **эмоциональное состояние** (*любить*, *радоваться*, *жалеть*, *переживать*),

– **общее впечатление** (*красивый*, *безобразный*, *молодой*, *пожилой*),

– **общее ощущение** (*вкусный*, *приятный*, *противный*, *безвкусный*) и т.д.

Гештальтность восприятия, например, событий и их соответствующая глагольная категоризация на базовом уровне, проявляется, в частности, следующим образом. Именно глаголы базового уровня используются в словарях для описания семантики глаголов субординатного уровня. В этом случае к целостно представленному базовым глаголом общему действию добавляется частная, отличительная характеристика: степень, способ и т.д. осуществления этого действия. Сравним для примера словарные дефиниции некоторых глаголов: ***рыдать*** – *громко, судорожно* ***плакать***; ***причитать*** – ***плакать***, *приговаривая*; ***бредить*** – ***говорить*** *в бреду*; ***кричать*** – ***говорить*** *слишком громко*; ***шептать*** – ***говорить*** *шепотом* и т.д. [Ожегов, Шведо-

ва 1993: 57, 315, 622, 713, 927]. В то же время семантика самих глаголов базового уровня передается описательно – через характеристики соответствующего концепта, например: ***говорить*** – *владеть устной речью*; *словесно выражать мысли*; ***плакать*** – *проливать слезы*, *обычно издавая жалобные*, *нечленораздельные*, *голосовые звуки* [Ожегов, Шведова 1993: 136, 536].

К базовому уровню относятся концепты, обозначаемые такими словами, как: *стол*, *кресло*, *книга*, *ручка*, *собака* и т.п. Они требуют наименьших когнитивных затрат при их восприятии и обработке и поэтому легче и быстрее усваиваются, запоминаются в первую очередь. На этом уровне человек, сталкиваясь с недискретностью естественного окружения, действует наиболее эффективно. Именно на этом уровне, опираясь на опыт материального взаимодействия с окружающим миром, мы четко проводим различия между кошкой и собакой, креслом и столом, книгами и тетрадями. Однако стоит мысленно опуститься на уровень ниже или подняться на уровень выше, и вещи становятся значительно сложнее. Гораздо труднее отличить один вид собаки или кошки от другого, чем просто кошку от собаки, или выделить общие характеристики этих видов.

Первым, как считается, начал говорить о категориях базового уровня Р. Браун [Brown 1958]. Он, в частности, отмечал, что предметы имеют много названий. Например: *dime* – десятицентовая монета, *money* – деньги, *metal object* – металлический предмет, *thing* – вещь, а также, если двигаться в сторону конкретизации: *a 1952 dime* – десятицентовая монета 1952 года выпуска или: *a particular 1952 dime with a unique pattern of scratches and smooth places* – конкретная десятицентовая монета 1952 года выпуска с определенными царапинами или стертыми местами. Однако, несмотря на это, только одно название – *dime*, связанное с определенным уровнем категоризации, представляется реальным, т.е. имеет преимущественный статус. Все остальные названия, связанные с другими уровнями категоризации, кажутся результатами воображения. Такие "реальные названия", по его мнению, кажутся более короткими и более частотными, и именно они чаще соотносятся с неязыковыми действиями.

По определению Э. Рош и ее коллег, **базовый уровень категоризации** – это максимально достаточный уровень обобщения, необходимый для того, чтобы члены категории легко воспринимались по сходным общим очертаниям, а одиночный ментальный образ мог отражать всю категорию в целом. Это уровень, на котором члены кате-

гории легко и быстрее всего опознаются, для взаимодействия с ними применяется однородная система действий, и для них используются естественные и общепринятые названия. Это уровень, который в первую очередь осваивается детьми и включает наиболее короткие базовые слова, образующие основу словарного запаса языка и использующиеся в наиболее нейтральных контекстах.

Д.А. Круз [Cruse 1977], в частности, приводит следующий пример. Предложение *There's a dog on the porch* (*На веранде сидит собака*) звучит вполне нейтрально и понятно практически любому говорящему на английском языке. В то же время предложения *There's a mammal on the porch* или *There's a wire-haired terrier on the porch* (*На веранде сидит животное / жесткошерстный терьер*) требуют уже привлечения специальных знаний.

Наконец, **базовый уровень** – это уровень, на котором содержится наибольшая часть нашего знания. Это устанавливается с помощью эксперимента, результаты которого каждый желающий может проверить на собственном опыте. Испытуемых просят перечислить свойства тех или иных категорий разного уровня обобщения. Больше всего свойств обычно называют в отношении категорий базового уровня (собака, стул, телевизор) и меньше всего – в отношении категорий вышестоящего уровня (млекопитающие, мебель, аппарат). Количество информации о категориях нижестоящего уровня (охотничья собака, кресло-качалка, плазменный телевизор) по сравнению с базовым уровнем у обычного человека, не владеющего специальными знаниями, практически не увеличивается.

Систематизируя все перечисленные отличительные характеристики базового уровня категоризации, Дж. Лакофф [Lakoff 1990: 47] отмечает, что **категории базового уровня** считаются базовыми с точки зрения: 1) **восприятия** (целостное восприятие формы, одиночный ментальный образ, быстрая идентификация), 2) **функции** (общая моторная программа, т.е. единая система действий с объектами категорий этого уровня), 3) **коммуникации** (обозначаются наиболее короткими, наиболее частотными и контекстуально нейтральными словами, которые в первую очередь выучиваются детьми и первыми входят в лексикон) и 4) **организации знания** (наибольшее количество характеристик членов категории хранится на этом уровне).

То, что большинство информации хранится на одном концептуальном уровне и что именно этот срединный уровень является в этом отношении базовым, по мнению Дж. Лакоффа (а он ссылается на исследования, которые проводили Б. Тверски и К. Хеминуэй, см. [Там же]),

объясняется именно его фундаментальной психологической функцией – функцией гештального восприятия, т.е. восприятия целого в единстве его частей. Принципиальное отличие базового уровня от других уровней категоризации заключается в характере свойств, которые человек ассоциирует с категорией этого уровня. **На базовом уровне свойства категории связаны с характеристикой частей целого**, т.е. с тем, как объект делится на составляющие его части, что, в свою очередь, является определяющим в наших знаниях об объектах.

Во-первых, составные части объекта обычно соотносятся с его функциями, и поэтому наше знание функций объекта обычно ассоциируется со знанием его составных частей. **Во-вторых**, части определяют внешнюю форму объекта и, следовательно, то, как он будет воспринят и концептуализирован. **В-третьих**, в своей практической деятельности мы чаще всего взаимодействуем с объектами через посредство тех или иных его частей (сидим на сиденье стула и облокачиваемся на его спинку, кладем вещи на крышку стола). Это определяет те моторные программы (систему действий), которые могут быть использованы в отношении данного объекта. Аналогично структура "часть-целое" накладывается и на события, и наше знание событийных категорий во многом структурируется так же, как и знание категорий физических объектов.

На субординатном уровне категоризация осуществляется на основе концептов и характеристик, передающих конкретную специфику объектов именно с точки зрения их составных частей: *компьютерный стол* (имеющий определенную форму и состоящий из определенных частей), *кресло-качалка* (выполняет специфическую функцию благодаря особой форме своих составных частей), *художественная книга* (характеристика содержания), *сенбернар* (характерные для данной породы признаки, повадки), *антоновка* (яблоко определенного вкуса, цвета) и т.д.

Категории более высокого порядка, **суперординатного уровня**, строятся на основе концептов логического плана, обобщающих постоянные характеристики, которые свойственны целым классам объектов: "мебель", "письменные принадлежности", "животные", "движение", "цвет", "вкус", "форма" и т.д.

Для отнесения соответствующих объектов к категориям суперординатного и субординатного уровней необходимо уже наличие специальных знаний, т.е. знание их общих с другими объектами характеристик (для категорий более высокого уровня абстракции) и отличительных признаков (для категорий субординатного уровня). К приме-

ру, не каждый взрослый человек знает, чем отличается брошюра от буклета или сенбернар от ньюфаундленда (категории субординатного уровня) и что такое артефакт или даже каких животных называют млекопитающими (категория суперординатного уровня). Наша природная способность к целостному восприятию, т.е. к восприятию с помощью гештальтов, ориентированная на базовый уровень, не позволяет с легкостью проводить разграничения или делать обобщения на более низких или более высоких уровнях соответственно. Для этого требуются дополнительные, логические усилия.

Доминирующими в восприятии объектов и событий являются, как правило, их постоянные характеристики: функция – для телевизора или других артефактов, форма – для арбуза, цвет и запах – для травы, пространственная характеристика – для событий перемещения, наличие объекта – для событий созидания или разрушения и т.д. Если выделение частей целостных предметов представляется не столь сложным и в большинстве случаев очевидным, то определение частей целого события в качестве его постоянных, доминирующих и переменных характеристик может вызывать определенные трудности. Это составляет особую проблему и в лингвистической таксономии, на что следует обратить отдельное внимание (см. ниже концептуально-таксономический анализ). Например, пространственная характеристика является доминирующей, как отмечалось выше, для процессов перемещения и не является таковой для процессов созидания, разрушения или эмоциональных состояний, если не принимать во внимание различные случаи метафоризации.

Важно подчеркнуть, что выделение трех основных уровней категоризации носит достаточно условный характер. Наше мышление многомерно, многомерны и системы концептуализации и категоризации. Внутри каждого уровня возможно выделение различных подуровней и переходных зон, обусловленных той или иной степенью обобщения. При этом каждый подуровень в языке может быть представлен в виде отдельной таксономической системы, связанной с определенной концептуальной областью (предметы – артефакты – мебель – мебель для дома – мягкая мебель – офисная мебель – столы – письменные столы – компьютерные столы и т.д.). Естественно, каждая область концептуализации задает свои доминирующие характеристики, и только часть из них отражает гештальтность восприятия и, следовательно, принадлежность категории и обозначающей ее языковой единицы к базовому уровню, который также не линеен и включает единицы с разной степенью проявления базовых характеристик.

Таким образом, категоризация как познавательный процесс представляет собой не простое членение мира на категории разного уровня абстракции и соотнесение с ними определенных объектов и явлений, но и специальное выделение срединного, базового уровня как психологически более значимого. Она предполагает, что категории не просто организованы в иерархические структуры от более общих к более частным. Они организованы таким образом, что **когнитивно более значимые, базовые категории сосредоточены в середине иерархии, и обобщение происходит вверх по отношению к базовому уровню, а детализация – вниз по отношению к базовым категориям**. Категории базового уровня приоритетны с познавательной и функциональной точек зрения, т.е. с точки зрения гештальтного восприятия, формирования образов, моторики, организации знаний, легкости осуществления когнитивных процессов (обучения, распознавания, запоминания и т.д.) и легкости словесного выражения.

Прототипический подход кардинально меняет существовавшие ранее представления о фундаментальной человеческой способности – способности к категоризации – и тем самым представления о человеческом мышлении в целом, поскольку любая теория мышления опирается на соответствующую теорию категоризации. В частности, в отличие от классического подхода, рассматривавшего мышление как манипулирование абстрактными символами, которое в принципе не зависит от самого человека, его природы, культуры, специфики восприятия и т.д., теория прототипов утверждает обратное. Она основывается на предположении, что категоризация опирается, как на человеческий опыт, так и на воображение, т.е., с одной стороны, на особенности восприятия, двигательной активности и культуры и, с другой стороны, на свойства метафоры, метонимии и ментальной образности. Более того, при концептуализации категоризации параметров объектов и абстрактных сущностей человек опирается на свой телесный опыт, опыт категоризации своего телесного пространства (верхняя часть – голова и т.д.).

Для описания лексических таксономий, основанных на уровневой концептуализации и категоризации объектов и соответствующей концептуальной иерархии, а также для исследования любых лексических категорий с инвариантно-вариантной структурой нами был специально разработан новый метод, который мы назвали "концептуально-таксономический анализ". Остановимся на характеристике этого метода и его иллюстрации несколько подробнее.

4. Концептуально-таксономический анализ

Термин "концептуально-таксономический анализ" обозначает особый **принцип исследования концептуальной основы языковых единиц и их различных систем и подсистем**, который предполагает их классификацию с опорой на уровневую иерархию репрезентируемых ими концептов. Введение и разработка данного метода вызваны необходимостью обобщения и систематизации единичных приемов когнитивного анализа, используемых фрагментарно в некоторых лингвистических исследованиях для классификации отдельных групп лексики с учетом их концептуальных различий.

В языкознании **таксономия** понимается как определенного рода классификация, представленная в виде иерархически организованной системы лингвистических объектов. Главный, иерархический принцип данной классификации в структуре таксономии выражается в иерархии таксономических рангов (категорий) и соответствующих классов объектов (таксонов), которые характеризуются определенной степенью обобщенности и связаны отношением последовательного включения от низшего ранга к высшему (см.: [ЛЭС 1990: 504]). Специфика концептуально-таксономического анализа, в отличие от приведенного определения, заключается в использовании рассмотренных выше положений прототипической теории об уровнях категоризации и направленности классификационных процессов, а также об особой роли категорий срединного, базового уровня.

Теоретической базой для разработки метода концептуально-таксономического анализа послужили также современные представления о процессах концептуализации и категоризации, в частности, о том, что языковые единицы передают определенное концептуальное содержание, иерархически организованные структуры знания. Развивая далее эти идеи, можно предположить, что иерархия концептов получает свое отражение в семантике репрезентирующих их языковых единиц и обусловливает их закрепление за определенными уровнями языковой категоризации. Соответственно она должна учитываться в таксономических системах лингвистических объектов. Изучение этой иерархии и является целью предлагаемого метода. Таким образом, **концептуально-таксономический анализ** – это ***система приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов с учетом концептуальной иерархии***, *т.е. иерархии концептов, передаваемых этими лингвистическими объектами.*

Рассматриваемый метод, в частности, объединяет в единой системе следующие приемы когнитивного и лингвистического анализа: 1) разграничение концептов базового, суперординатного и субординатного уровней категориальной иерархии определенной тематической области, 2) выявление основных характеристик концептов каждого уровня, 3) анализ семантики языковых единиц и их поуровневое распределение в зависимости от содержания репрезентируемых концептов, 4) таксономическое моделирование лексической подсистемы языковых единиц, репрезентирующих данную концептуальную область (**концептуально-таксономическое моделирование**), 5) верификация языковой таксономической модели на функциональном уровне. Так, например, концептуально-таксономический анализ глаголов интеллектуальной деятельности или существительных, обозначающих транспортные средства, предусматривает моделирование их иерархической организации согласно иерархии передаваемых ими концептов: базовый уровень – *автомобиль*, *самолет*, *поезд* и т.д.; суперординатный уровень – *транспорт*; субординатный – *автобус*, *грузовик*, *аэробус*, *электровоз* и т.д.

Уровневое представление лексических единиц, основанное на концептуальной иерархии, с одной стороны, решает традиционную для лингвистики задачу показать место этих единиц в структуре соответствующей категории, их системные различия и функциональные возможности. С другой стороны, оно открывает новые возможности, позволяя определить роль тех или иных лексических единиц в структуре языкового сознания как базовых или обобщающих или конкретизирующих элементов, которые репрезентируют разные уровни концептуализации предметов и явлений и их постоянных и переменных характеристик. Языковые таксономии, учитывающие иерархию соответствующих концептов, дают возможность эксплицировать многообразие межконцептуальных связей в сознании человека, интерпретирующий потенциал лексических категорий, а также деривационный (в том числе, словообразовательный, терминологический и т.д.), метафорический, метонимический потенциал единиц разных таксономических уровней в репрезентации знаний о мире и формировании и передаче различных смыслов.

Необходимость разграничения концептов различных уровней иерархии, передаваемых соответствующими лексическими единицами, вызвана, прежде всего, тем, что каждый уровень категоризации объектов и явлений (а в основе формирования каждой категории лежит оп-

ределенный концепт – см. выше) обнаруживает собственную специфику, которая получает обязательное отражение в семантике языковых единиц. Этот факт означает, что в качестве **методологической основы концептуально-таксономического анализа выступают** ***базовые положения и исходные установки теории категоризации***.

Современная теория категоризации, как показано выше, разрабатывается в рамках прототипического подхода в психологии и лингвистике (работы Э. Рош, Дж. Лакоффа и др.). Основные постулаты этой теории связаны с принципами формирования категорий, их структурой и содержанием. Концептуально-таксономический анализ, в частности, имеет непосредственное отношение к уровням категоризации и специфике концептов и категорий разного уровня обобщения.

Необходимо отметить, что лексические категории принципиально отличаются от естественной категоризации объектов и прежде всего по направлению классификационных процессов (см. подробнее ниже, в разделе о языковых категориях). Лексическая категоризация имеет однонаправленный характер. Она следует логическому принципу, направляя эти процессы от высшего (суперординатного) к низшему (субординатному) уровню или в обратную сторону, т.е. от общего к частному или от частного к общему. В процессах естественной категоризации исходным считается срединный, базовый уровень – уровень прототипов. При этом одновременно допускаются два разных направления классификационных процессов: вверх – в сторону обобщения, т.е. в направлении суперординатного уровня, и вниз – в сторону конкретизации, т.е. субординатного уровня. Тем не менее, принципиальные характеристики и специфика каждого уровня, как представляется, сохраняются в обоих случаях и должны учитываться независимо от принимаемого подхода. Это дает полное основание применять положения прототипической теории и в рамках концептуально-таксономического анализа лексических подсистем языка.

Главным основанием отнесения лексических единиц к тому или иному уровню категоризации является их семантика. Слова широкой, абстрактной семантики преимущественно относятся к суперординатному уровню, а слова конкретной семантики – к базовому или субординатному уровню. ***Соотнесение лексических единиц с базовым уровнем категоризации происходит по двум ключевым критериям***: 1) использование данных единиц в словарных дефинициях слов нижестоящего подуровня или уровня в качестве гештальтного обозначения объекта или события; 2) описательное представление

объекта или события в собственной дефиниции без использования гештальтов (*воробей – птица ...*; *страус – птица ...*; *кричать – говорить громко...*; *шептать – говорить шепотом...* и т.п., см. также примеры выше). В качестве ***дополнительных критериев*** могут выступать: 1) морфологическая непроизводность, 2) стилистическая нейтральность, 3) контекстуальная независимость, 4) историческая принадлежность к основному лексическому фонду данного языка, 5) широкая сочетаемость и частотность употребления в современном языке.

Концептуально-таксономический анализ языковых систем, в отличие от уровневой категоризации неязыковых объектов, сопряжен с целым рядом специфических трудностей, вызванных самой природой языка и его основными функциями. Так, отнесение того или иного глагола к средствам категоризации события на базовом, суперординатном или субординатном уровне оказывается весьма не простой задачей. Проблема заключается в том, что каждый глагол по своей семантике обобщает целый ряд выполняемых человеком операций. Например, *открыть дверь* означает, по меньшей мере, подойти к ней, взяться за ручку, нажать на нее и потянуть дверь на себя или толкнуть от себя (возможно, еще придется проделать целую серию операций с ключами, замком или задвижкой в зависимости от конкретной ситуации). Возникает естественный вопрос, следует ли рассматривать данные операции в качестве составных частей названного действия, отдельная характеристика которых может быть отражена в семантике глаголов субординатного уровня. Если да, то глаголы *подойти*, *взяться*, *нажать*, *потянуть* и т.д. должны быть отнесены к субординатному уровню и входить в категорию "открывать" как вышестоящую. Однако это противоречит здравому смыслу.

Все эти операции, в действительности, обеспечивают достижение результата, что и является доминирующей характеристикой данного события (и именно поэтому, в том числе, она является доминирующей), определяющей его целостное, гештальтное восприятие: если не поднять руку или слабо потянуть за ручку или не открыть замок, дверь не откроется. В то же время напрямую они не характеризуют результат, а следовательно, и само действие. Ни один из вышеназванных глаголов не выражает той одной операции, которая непосредственно ведет к достижению этого результата, напрямую связана с ним: недостаточно только повернуть ключ или ручку, чтобы дверь открылась. Исключение составляют лишь случаи метонимического использования обозначений отдельных операций вместо всего действия в оп-

ределенных коммуникативных ситуациях: *посильнее потяните*, *нажмите на ручку* и т.д. вместо (и с целью) *откройте*.

Из сказанного следует **важный вывод** о том, что концептуализация и категоризация события в языке не связаны с осмыслением отдельных операций, из которых состоит это событие. Они обусловлены осмыслением роли тех или иных участников события, их важнейших характеристик и характеристик самого действия, процесса, состояния или отношения, раскрывающего суть события. Данный вывод означает, что **концептуализация и категоризация события в языке определяются пропозициональной функцией**, т.е. пропозиционализацией события, представлением этого события в виде пропозиции (о пропозиционализации как одном из этапов структурирования опыта и его категоризации в языке см. подробнее: [Чейф 1975]). Только пропозиция фиксирует важнейшие составные части события именно так, как их "рисует" себе языковое сознание.

В первую очередь, **пропозиция включает постоянные, обязательные элементы любого события**: **субъект** и само **действие** (предикат), плюс дополнительные, факультативные его элементы: **объект, адресат, инструмент, средство** и т.д., а также основные характеристики субъекта, объекта и действия, включая характеристики других элементов события и условия его протекания. Каждая из этих характеристик может быть специально выделена в семантике того или иного глагола субординатного уровня или стать базовой, доминирующей у глаголов базового уровня. В этом и заключается основная **проблема определения уровня категоризации** отдельного события: установить, какая из перечисленных характеристик является постоянной и, следовательно, определяет, как было показано выше, соотнесенность события с соответствующей категорией базового уровня и репрезентирующей ее языковой единицей, а какие характеристики являются переменными и соотносят событие с категорией субординатного уровня, имеющей другое обозначение.

Названная проблема раскрывает очевидную **связь** двух основных познавательных процессов, осуществляемых с помощью языка – **концептуализации** и **категоризации**. То или иное решение проблемы уровня категоризации события в языке непосредственно связано с определением уровня и области языковой концептуализации этого события, а именно: относительно субъекта и его конкретной характеристики (глаголы активного действия или глаголы состояния), относительно отдельной характеристики действия (перемещение в пространстве),

относительно объекта или цели (воздействие на объект или направленное перемещение) и т.д. При этом первостепенную важность в лексической таксономии событийных концептов имеют именно актантные характеристики глагола, которые являются его постоянными характеристиками. В частности, именно субъектно-ориентированные и объектно-ориентированные характеристики глаголов в первую очередь учитываются в их лексико-грамматической категоризации и передаются в языке на уровне скрытой грамматики (см. подробнее ниже на материале английского языка, а также в русском языке: [Шарандин 2001; 2009]). Например, в высказывании с целевым объектом, обстоятельством или придаточным предложением может быть употреблен только агентивный субъект. Сравните: *Он присел на стул, чтобы передохнуть – *Самовар быстро закипел, чтобы обрадовать собравшихся гостей.*

В этом отношении отдельную проблему составляет **выделение единиц суперординатного уровня в лексической таксономии** и особенно глаголов. Дело в том, что суперординатный уровень обобщает несколько категорий базового уровня определенной концептуальной области. Он, как правило, задает область категоризации объектов: мебель, цвет, форма, самостоятельное или направленное движение и т.д. Название категории суперординатного уровня служит обозначением этой области или, что чаще всего, целого ряда областей: *предмет, артефакт, движение*. Данную функцию выполняют обычно слова широкой или абстрактной семантики. В то же время конкретный язык может не располагать такими словами для обозначения конкретной концептуальной области или группы областей. В большей степени это относится к глаголам, которые по своей природе всегда обозначают определенные, конкретные (а не обобщенные) события физической или духовной сферы и поэтому соотносятся с базовым или субординатным уровнем их категоризации. Как следствие, в глагольных таксономиях суперординатный уровень может не выделяться, или функцию единиц этого уровня могут выполнять гносеологические номинации (термины): *глаголы движения, глаголы звучания* и т.д., – или отглагольные существительные, которые отвечают критериям категориальных имен.

Ниже приводится пример таксономического моделирования концепта ДВИЖЕНИЕ в русском языке (см. табл.) как результата концептуально-таксономического анализа соответствующей концептуальной области. Особое внимание при этом следует обратить на приведенные

дефиниции глаголов субординатного уровня, раскрывающие их связь с глаголами базового уровня и подтверждающие уровневый статус последних. Эти дефиниции также предполагают, что часть глаголов могут рассматриваться как принадлежащие переходному или нижнему базовому уровню (например, *ехать*, *бежать*), поскольку они сами используются в дефинициях других глаголов субординатного уровня еще более конкретной семантики (например, *мчаться*). Данное обстоятельство и анализ лежащих в основе их семантики концептуальных характеристик позволяют также дифференцировать сами эти характеристики по их значимости для того или иного уровня категоризации.

Таблица

Таксономическая модель концепта ДВИЖЕНИЕ

Уровень	Характеристики	Средства репрезентации
Суперординатный	Обобщенное представление безотносительно к.-л. характеристик	*Движение*
Базовый	Гештальтность; Широкая сочетаемость; Морфологическая простота; Стилистическая нейтральность.	*Двигаться*, *ходить*, *гулять*, *вставать и др.*
Субординатный	Тип субъекта; Манера; Способ; Среда; Средство; Интенсивность; Мотив и др.	*Ехать* (двигаться при помощи к.-л. средств), *бежать* (быстро двигаться), *вскакивать* (быстро вставать, подниматься быстрым движением), *мчаться* (очень быстро ехать, бежать), *ползти* (передвигаться по поверхности всем телом), *скользить* (плавно двигаться по скользкой поверхности), *ретироваться* (уходить незаметно или скрытно) *и др.*

Существенным дополнением к концептуально-таксономическому анализу и соответствующей языковой модели определенной концептуальной области может служить дискурсивный анализ рассматри-

ваемых языковых единиц. Выявление функциональных характеристик слов дает возможность полнее представить таксономическую модель за счет тех лексических единиц, которые способны репрезентировать тот или иной концепт в определенных контекстах, а также показать ее концептуальную гибкость в плане передачи дополнительных характеристик этого концепта и его связей с другими концептами. Именно дискурсивный анализ позволяет использовать такие вышеназванные дополнительные критерии, как стилистическая нейтральность, широкая сочетаемость и частотность употребления в речи, которые необходимо учитывать при концептуально-таксономическом анализе лексической системы языка.

5. Когнитивные модели категоризации. Типы категорий

Развивая далее основные идеи теории прототипов и пытаясь найти ответ на вопрос, почему человек осуществляет категоризацию именно таким, а не каким-либо другим способом, Дж. Лакофф [Лакофф 1988: 31-32] утверждает, что в **основе категоризации лежит действие общих для всех людей когнитивных механизмов, которые проявляются в виде определенных когнитивных моделей**. Он, в частности, считает, что для описания процесса категоризации могут быть использованы **когнитивные модели** следующих четырех типов: ***пропозициональные модели***, ***схематические модели образов***, ***метафорические и метонимические модели***.

Пропозициональные модели вычленяют элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними. Большая часть структуры нашего знания, по мнению Дж. Лакоффа, имеет форму пропозициональных моделей. Так, модель определенной области опыта, например битвы в языке дьирбал австралийских аборигенов, включает предметы, которые встречаются в этой области (например, боевые копья). При этом **под пропозициональной моделью понимается такая когнитивная модель, в которой не используются механизмы воображения, т.е. метафора, метонимия или ментальная образность**. Примером пропозициональной модели может служить простая пропозиция, которая состоит из элементов (аргументов) и базового предиката, связывающего эти аргументы. Аргументам могут быть приписаны определенные семантические функции: агенс, пациенс, экспериенцер, инструмент, место и т.д.

Схематические модели образов – это специфические схематические представления образов, таких как траектории, длинные тонкие формы или вместилища. Например, наше знание о свечах включает схематическое представление о длинных тонких предметах. К числу наиболее известных типов образных схем относятся: вместилище, источник – путь – цель, траектория, связь, часть – целое, центр – периферия, вверх – вниз, передняя сторона – задняя сторона, линейная упорядоченность и другие. В частности, время в языке может быть представлено как точка (*в 5 часов*), отрезок (*с 5 до 7 часов*), как вместилище (*Он переделал все дела за два часа*), см. подробнее: [Болдырев, Маховикова 2012].

Метафорические модели – это модели перехода от пропозициональных или образно-схематических моделей одной области к соответствующей структуре другой области. Метафорический перенос предполагает наличие области источника (source) и области цели (target). Например, метафора "канал" позволяет перейти от знания о перемещении предметов в контейнерах к пониманию коммуникации как перемещения идей в словах. В данном случае в процессе переноса структура модели области источника переносится на соответствующую структуру области цели (структурная метафора). Переноситься могут также способ восприятия объекта: абстрактный через конкретный (онтологическая метафора: *сладкий вкус победы*), способ ориентации: верх – низ, передняя часть – задняя часть (ориентационная метафора: *радость до небес*, см. также выше о когнитивных механизмах структурирования концептуального содержания и формирования смысла и типах концептуальных метафор).

Метонимические модели – это модели одного или нескольких вышеописанных типов, дополненные указанием функций, выполняемых одним элементом по отношению к другому. Так, в модели, которая представляет структуру "часть – целое" указывается функция части по отношению к целому, и согласно этой функции часть может замещать целое, т.е. категория как целое может восприниматься через меньшую подкатегорию. Например, носители языка дьирбал знают, что волосатый червь обжигает, подобно солнечным лучам. Это приводит к тому, что название ожога может замещать обозначение самого червя, и тем самым червь относится к той же категории, что и солнце. Точно так же одноразрядные числа в совокупности с операциями сложения, таблицами умножения и правилами арифметики образуют метонимическую модель категории "естественное число". Метонимиче-

ский перенос осуществляется в пределах одной-единственной концептуальной области.

Имея концепты базового уровня и образно-схематические концепты, можно строить сложные когнитивные модели, структура которых также будет иметь вид образных схем. Эти схемы структурируют как сами концепты, так и абстрактные категории. Любую абстрактную структуру человек пытается представить в виде образной схемы. Так, категории в большинстве случаев понимаются в терминах схемы "вместилище", иерархические структуры – в терминах схем "часть – целое" и "вверх – вниз", радиальные структуры с различными типами отношений между центральными и нецентральными элементами – в терминах схемы "центр – периферия" и т.д.

Использование той или иной схемы определяет структуру и тип категории. К числу основных типов категорий, выделяемых на этом основании, относятся: **категории базового уровня**, **классические**, **порождаемые**, **радиальные**, **градуированные**, **кластерные** и некоторые другие типы категорий. **Базовые категории** первичны и отражают естественную форму категоризации мира в процессе обыденного познания. В основе их формирования лежат концепты базового уровня, имеющие структуру гештальтов, в которых целое доминирует над частью (гештальты общего внешнего вида, например стола, стула, собаки и т.д.), т.е. любой объект психологически воспринимается как нечто целое, а не как состоящее из отдельных частей. При этом необходимость знания частей обусловлена только необходимостью знания их функций относительно целого. Другими словами, базовые категории соответствуют естественному восприятию и категоризации объектов окружающего мира без выделения характерных для них признаков (подробнее о свойствах категорий базового уровня см. выше).

Классические категории имеют структуру набора, или перечня признаков. Эти признаки представляют собой множество свойств, характерных для элементов данных категорий и выделяемых в процессе теоретического, научного познания. Классические категории порождаются человеческим мышлением и лежат в основе многих научных классификаций (таксономий), которые стремятся к наиболее полному описанию исследуемой области в терминах классов или категорий, например классификация биологических видов, выделение четных и нечетных, простых и составных чисел.

Каждая классическая классификация имеет вид иерархической структуры классических категорий. Структура категории представля-

ется схемой "вместилище", а структура иерархии – схемами "часть – целое" и "вверх – вниз". Каждая вышестоящая категория рассматривается как целое, а нижестоящие категории составляют ее части. Пересечение категорий на одном уровне не допускается (тот или иной элемент принадлежит либо одной, либо другой категории). При этом любая классическая категория определяется перечнем, или пучком признаков, и каждый член категории в обязательном порядке обладает всеми теми характеристиками, которые входят в этот перечень. Перечень признаков, задающий нижестоящие категории, включает все признаки вышестоящих категорий. Наивысшая категория в классической таксономии охватывает всю исследуемую область. Классические категории вторичны по отношению к категориям базового уровня и представляют собой структуры специального, теоретического знания.

Порождаемые категории определяются или порождаются ее центральными членами, к которым применяются какие-либо общие правила. Например, категория "звук" определяется через категорию "фонема" (плюс позиционные и комбинаторные правила), категория чисел – через категорию натуральных чисел от нуля до девяти (плюс арифметические правила).

Радиальная категория структурируется схемой "центр – периферия". Одна подкатегория образует центр, другие подкатегории связаны с центром различными типами отношений и в то же время сами могут быть подцентрами. Например, категория "мать", в которой помимо центральной подкатегории, отвечающей всем необходимым характеристикам матери, выделяются также другие, нецентральные подкатегории: мачеха, приемная мать, мать-кормилица, мать-одиночка (незамужняя мать), биологическая мать (родила ребенка, но не растит его) и другие, – которые воспринимаются как определенные отклонения от центральной подкатегории.

Градуированные категории отличаются расплывчатостью границ. В основе их формирования лежат параметрические (градуируемые) концепты, которые соотносятся с определенной шкалой и выражаются словами типа: *высокий*, *богатый*, *близкий*, *глубокий*, *средних лет* и т.п. Например, никто не сможет с полной уверенностью сказать, в каком точно возрасте человек переходит в категорию или выходит из категории людей средних лет, хотя очевидно, что сорокалетний мужчина больше соответствует этой категории, чем тридцатилетний или семидесятилетний.

Градуированные категории могут также возникать и на основе неградуируемых концептов, в результате возникающих несоответствий между идеализированной и реальной моделью мира. Так, идеализированная модель предполагает, что холостяк – это неженатый мужчина (пример Ч. Филлмора), и не учитывает существование священников, монахов, двоеженцев, евнухов и людей, состоящих в разводе или в гражданском браке. Когда эта модель помещается в контекст всех знаний о мире, границы данной категории становятся расплывчатыми, о чем свидетельствует невозможность дать ясный, недвусмысленный ответ на вопрос, является ли холостяком папа римский, или священник, сложивший с себя сан в преклонном возрасте, или мусульманин, имеющий трех жен и собирающийся жениться на четвертой.

Кластерные категории представляют собой сложное пересечение нескольких подкатегорий, которое психологически является более центральным, чем сами подкатегории. Например, к категории "настоящий отец" в зависимости от того или иного контекста может быть отнесен и генетический отец и тот, кто усыновил или воспитывает ребенка, или тот, кто его поддерживает материально и т.д. Кластерной категорией в языке можно считать категорию фазовости глагольного действия, которая объединяет такие подкатегории, как фаза начала, фаза продолжения и фаза прекращения действия, – ни одна из которых не может рассматриваться как центральная.

Таким образом, **категории могут отличаться по своей структуре, характеру границ, по своим прототипам, что определяет выделение различных типов категорий – их типологию**. Одни категории (например, умный человек) градуированы и не имеют четких границ. Степень членства в этих категориях определяется шкалой от нуля до единицы. В них также выделяются центральные элементы, степень членства которых приравнивается к единице. Другие категории (например, птица) имеют четкие границы. Однако внутри категории обнаруживаются прототипические эффекты, т.е. асимметрия членов категории по степени их центральности и большей репрезентативности. Одни члены категории выделяются как центральные и характеризуются большей репрезентативностью, чем другие.

Категории, занимающие срединное положение в иерархии, считаются базовыми, поскольку они являются приоритетными и наиболее значимыми для осуществления познавательных процессов. Именно базовый уровень категоризации содержит наибольшую часть знания о мире, полученного в результате обыденного познания, и именно на

основе знаний этого уровня развиваются научные, теоретические формы познания, ведущие к выделению общих (вышестоящие уровни) и специфических (нижестоящие уровни) характеристик. Базовые категории непосредственно зависят от человеческого восприятия, способности к воображению, его двигательной активности.

Наконец, многие категории, выделяемые человеком, объективно не существуют в мире, внешнем по отношению к человеку. Скорее они обусловлены одновременно и материальным миром, и особенностями биологии человека, и его мышлением, и культурными факторами. Все это лишний раз подчеркивает, что способность к категоризации является одной из центральных функций человеческого сознания, которая во многом определяет процессы и результаты познания мира и то или иное его понимание.

Завершая обсуждение проблемы категорий и категоризации, необходимо коснуться вопроса о порой **чрезмерной идеализации прототипического принципа**, приписывании ему универсального характера в организации категорий в отдельных исследованиях. В частности, данный принцип не всегда обоснованно переносится на категории вышестоящего (суперординатного) и нижестоящего (субординатного) уровней. Эти категории не входят в число базовых категорий естественных объектов, в отношении которых первоначально и был сформулирован этот принцип, поскольку их формирование в большей степени связано с классификационными или оценочными характеристиками субъективного плана. Следовательно, для них не характерны прототипические эффекты. Действительно, можно легко представить себе прототип базовых категорий "кошка" или "собака" и гораздо труднее, если вообще возможно, выделить наиболее яркие образцы животного, сенбернара или персидского кота как категорий соответственно вышестоящего и нижестоящего уровней.

Однако в этом случае обнаруживается и вторая сторона проблемы, о которой авторы прототипического подхода не писали, но которая косвенно проявлялась уже в самой дискуссии, имевшей место среди психологов об истинности утверждения о том, что базовые категории являются врожденными или усваиваются в первую очередь. Сомнению подвергалась и правомерность выделения базового уровня категоризации как такового. Решение этой проблемы видится в осознании того факта, что **между категориями базового и небазовых уровней нет и не может быть жесткой границы** (что, кстати, полностью согласуется с логикой прототипического подхода). Более того,

конкретное содержание и перечень базовых категорий постоянно меняется, что связано с регулярностью и необратимым характером познавательного процесса, который распространяется и на главные характеристики, свойственные категориям базового уровня.

Те или иные категории в нашем сознании могут приобретать данные характеристики, становясь базовыми, в результате более глубокого изучения предметов и явлений окружающего мира и внутреннего мира человека, т.е. в процессе теоретического и обыденного познания, равно как и утрачивать характеристики "базовости" в ходе естественного процесса забывания. Например, такие характеристики базовых категорий, как гештальтность восприятия и более легкая воспроизводимость, которые отмечает Дж. Лакофф [Lakoff 1990: 47], могут быть обусловлены глубоким знанием предмета, а не только его утилитарностью или характером его природы. Это, в частности, происходит со многими заимствованными из других культур, а также научными понятиями и категориями, которые становятся базовыми для той или иной области знания и не являются таковыми для обыденного сознания, ср. в лингвистике: фонема, морфема, предикация, концепт, репрезентация и т.д., или в экономике: маржа, фьючерс, различного рода индексы и т.п. В то же время это не обязательно влечет за собой появление прототипических эффектов.

Из сказанного следует предположение о том, что **параметры и**, соответственно, **статус базовых категорий могут меняться** и поэтому должны рассматриваться не как раз и навсегда данные, а функционально и, в том числе, субъективно, т.е. индивидуально для каждого человека, поскольку индивидуален и сам процесс познания. Все, что связано с компьютерами и мобильными телефонами, в недавнем прошлом мы бы без сомнения отнесли к понятиям и категориям специального (субординатного) уровня знаний, а сегодня настолько же уверенно часть из них отнесем к базовому уровню. Данное движение категорий по направлению к базовому уровню (чем более образован человек, тем шире у него границы базового уровня) обусловливает размытость межкатегориальных и межуровневых границ, что не может не находить своего отражения в языке и, в частности, в структуре его категорий и принципах их организации.

Так, язык дает нам свидетельства того, что названия категорий нижестоящего уровня и, следовательно, обозначаемые ими объекты, как и прототипы, могут служить когнитивными точками референции при категоризации объектов. Сравните следующие высказывания:

Эта собака больше/мало похожа на кавказскую овчарку; *Это скорее ньюфаундленд*; *Прямо чеширский кот*; *По повадкам это персидский кот*; *Индоут* (гибрид индейки и утки), – которые однозначно указывают на то, что и среди элементов этих категорий есть более и менее типичные образцы, а также элементы, формирующие категории переходных пространств.

С другой стороны, такие категории, как "оружие" и "транспортное средство", которые объединяют в своих границах базовые категории типа "ружье" и "пистолет" или "автомобиль" и "самолет", т.е. обнаруживают более высокий уровень обобщения, мы, вероятнее всего, отнесли бы к категориям суперординатного уровня. Тем не менее, как показали экспериментальные исследования Э. Рош, они также обнаруживают прототипические эффекты (в качестве наиболее типичного оружия, как уже отмечалось, испытуемые назвали ружье, транспортного средства – автомобиль, а в качестве наименее типичных – женские туфли и лифт соответственно). То же самое можно заметить и в отношении категорий "домашняя птица", "домашнее животное" и т.п.

Из этих фактов следует **несколько важных выводов**. ***Во-первых***, **между выделяемыми уровнями категоризации отсутствуют жесткие границы**, что позволяет говорить о плавном переходе и существовании переходных зон между базовыми и небазовыми категориями. ***Во-вторых***, **принципы организации категорий, их основные параметры и статус могут меняться**, как меняется с ходом времени и вся система коллективных и индивидуальных знаний человека. ***В-третьих***, существование межкатегориального и межуровневого пространств обусловливает **необходимость выделения категорий переходных зон**, уровней, или пространств. Примером последних могут служить языковые категории функционально-связочных глаголов, которые обнаруживают характеристики двух разных категорий: полнозначных и служебных слов, выполняя одновременно служебную и смысловую функции в высказывании: *звучит разумно*, *выглядит красиво*, *сидит бледный*, *ушел довольный*, *вернулся просветленный*, *felt silent*, *turned cold*, *broke hot*, *grew fat and heavy*, *stood empty* и т.п. (см. подробнее: [Меркулова 2004]).

ТЕМА 5.
КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

1. Лексическая и грамматическая, системная и функциональная категоризация

Как уже отмечалось в предыдущих разделах, **все знания человека о мире условно делятся на языковые и неязыковые**, т.е. знания предметов и явлений окружающего мира и их характеристик (общие, энциклопедические знания) и знания языковых единиц и их значений (собственно языковые знания). Так же, как и знания о мире, знания языковых единиц, которые тоже являются частью этого мира, хранятся в нашей памяти в категориальной форме. Соответственно язык – это категориальное образование. В нем выделяются категории-классы слов и категории-параметры (грамматические категории). Поскольку основной единицей языка является слово, то, говоря о категоризации языковых единиц, прежде всего имеют в виду объединение слов в различные категории, или классы. При этом предполагается, что грамматические формы объединяются в грамматические категории.

Напомним, что **категория – это концептуальное объединение каких-либо объектов**, т.е. их объединение на основе общего концепта. **Языковые категории – это концептуальное объединение лингвистических объектов**, языковых единиц. Объединение слов в те или иные группы или классы происходит по их лексическим и грамматическим характеристикам, т.е. по их лексическим и грамматическим значениям. Группировку слов по их лексическим значениям будем называть **лексической категоризацией** языка или языковых единиц. Под **грамматической категоризацией** будем понимать объединение слов и грамматических форм в различные категории по лексико-грамматическим и грамматическим значениям.

В основе лексической категоризации лежит тематический принцип группировки лексики в синонимические ряды, лексико-семантические группы, семантические классы и т.п., например: прилагательные, выражающие цвет или объем, лексико-семантическая группа глаголов движения, географические названия, названия транспортных средств, видов одежды, оружия или военной техники и т.д.

Поскольку лексические значения отражают наши знания о предметах и явлениях окружающего мира и их свойствах, а не наши знания о языке, то и **лексическая категоризация отражает систему категорий предметов и явлений**, т.е. категории естественных объектов. Соответственно лексические группы разного типа собственно языковыми категориями не являются. Они передают не столько наши знания о законах организации и функционирования языка, сколько знания естественных категорий. Другими словами, они представляют собой **аналоговые** (по отношению к окружающему миру) категории, объединяя названия элементов категорий окружающего мира. Соответственно они имеют аналоговую, логическую по своей природе, структуру.

Грамматические категории, напротив, отражают онтологию языка, законы и принципы его функционирования и поэтому являются для него естественными категориями, т.е. категориями естественных объектов. Это во многом объясняет различия в структуре и принципах формирования лексических и грамматических категорий. Для грамматических категорий как категорий естественных для языка объектов в большей степени характерна прототипическая структура. Лексическим категориям (тематическим группам, синонимическим рядам и т.п.) как объединениям слов на логической основе свойственна логическая (инвариантно-вариантная) структура без прототипических эффектов.

В то же время именно **за счет лексической категоризации язык выполняет одну из своих важнейших функций – функцию получения, хранения и передачи знаний, т.е. когнитивную функцию**. Иначе говоря, в основе формирования лексических групп лежат те или иные структуры знания о мире: разные типы концептов, фреймы, когнитивные модели. В частности, как уже отмечалось выше, группировка глаголов движения по лексическому принципу предполагает знание различных типов движения и их характеристик (интенсивность движения, его самостоятельность или несамостоятельность, использование собственной энергии или транспортных средств, характер движения, фазы движения и т.д.), знание разных источников движения, цели движения, его траектории (направленное или ненаправленное движение, движение по кругу и т.д.). Все эти характеристики являются составляющими общего знания о движении (фрейма ДВИЖЕНИЕ), которые так или иначе акцентируются в лексических значениях разных глаголов. Именно эти характеристики обычно фиксируются в системе языка, т.е. в системном значении глагола, как конкретные содержательные характеристики соответствующего концепта, который репре-

зентирован этим глаголом. Это дает основание говорить о **системной лексической категоризации** глаголов.

Вместе с тем, в системе языка **глагол** фиксирует и определенные структурные характеристики соответствующего концепта, т.е. **концептуализирует** выражаемое им движение как **определенный тип события**: ***как активное действие какого-либо субъекта*** (*run, throw / бежать, бросать*), ***как процесс*** (*fall, flow / падать, течь*), ***как свойство*** (*He travels a lot / Он много путешествует*), ***как состояние*** (*It comes to me that... / Мне пришло в голову...*) или ***как отношение*** (*The results lead to the conclusion that... / Эти результаты ведут к заключению, что...*). Эти характеристики адаптируют полученные знания под законы и принципы языкового общения, так как эти знания могут быть переданы с помощью языка в процессе коммуникации, т.е. ориентированы на коммуникативную функцию. Это получает свое отражение в грамматических характеристиках глагола: глаголы действия, например, в английском языке употребляются во всех видовременных формах, а глаголы состояния не употребляются в формах прогрессива (Continuous) и т.д., – и определяет **системную грамматическую или лексико-грамматическую категоризацию** глаголов.

В процессе использования языковых единиц в речи мы передаем собеседнику не общие знания, а конкретные смыслы, т.е. общение состоит в передаче определенных смыслов друг другу, или в активизации (как это все чаще принято считать в настоящее время) соответствующих смыслов в сознании собеседника. Системное значение используемого слова при этом активизирует соответствующий концепт, обеспечивая понимание и формирование необходимого смысла. Формирование смысла обеспечивается взаимодействием лексического и грамматического значений. Грамматическое значение структурирует активизированный концепт тем или иным способом (например, как действие), а лексическое значение выделяет в нем конкретную содержательную часть (например, направленное движение активного субъекта).

При этом в основе формирования передаваемого смысла могут лежать концептуальные характеристики, не фиксированные или представленные иначе в системном значении слова, или характеристики, отражающие иной способ концептуализации данного события, например, не как действия, а как свойства или процесса: *He came in the morning – The morning came / Он пришел утром – утро пришло*. В результате, за счет разной сочетаемости и использования разных типов синтаксических конструкций данное слово может быть соотнесено не

с прототипом закрепленной за данным словом категории (в данном случае – глаголами действия, к которым глагол *come/приходить* относится по своим системным характеристикам), а с периферийным элементом этой или совсем другой категории. В данном случае – с процессуальными глаголами, поскольку для глаголов действия не характерно сочетание с субъектами типа *morning/утро*. Категоризацию слова, его соотнесение с определенной категорией в момент его использования в речи, т.е. в момент формирования смысла высказывания будем называть **функциональной категоризацией** слова.

Таким образом, формирование конкретного смысла, передаваемого тем или иным словом, непосредственно связано с функциональной категоризацией этого слова в высказывании, а формирование смысла всего высказывания – с функциональной категоризацией глагола как центрального элемента высказывания. При этом понятие функциональной категоризации основывается на признании интегративного принципа формирования смысла высказывания – как результата взаимодействия лексических и грамматических значений всех слов, используемых в высказывании, а также синтаксической структуры самого высказывания. Соответственно то или иное **функциональное осмысление слова обусловлено его функциональной категоризацией**. Оно представляет собой многофакторный процесс и обеспечивается использованием необходимых слов в определенной грамматической форме и в определенном сочетании друг с другом в рамках конкретной грамматической структуры высказывания.

Функциональная категоризация слова в высказывании базируется на нескольких основных принципах взаимодействия системного значения слова и его функционального осмысления. Это: **актуализация** – реализация системного, исходного значения слова в неизменном или модифицированном виде (в основе формирования смысла лежат те же характеристики, что и фиксированы в словаре: *He came at 8 o'clock in the vorning / Он пришел в 8 часов утра*), **перекатегоризация** – переосмысление слова в результате его соотнесения с другой категорией за счет реализации признаков другой категории, или другого концепта, например не действия, а процесса: *Eight o'clock came and went / Восемь часов пришло и ушло*, **поликатегоризация** – одновременная реализация нескольких концептуальных характеристик или признаков разных концептов, т.е. соотнесение слова с двумя разными категориями: *They walked in silence – They walked + They were silent / Они гуляли молча – Они гуляли + Они молчали.*

Таким образом, **общие представления о мире, его структуре находят свое отражение в лексической (конкретно-предметной)**

и грамматической (абстрактно-системной) категоризации языковых единиц. Формирование и передача смыслов в процессе общения основывается на взаимодействии лексической и грамматической категоризации слов, их системных и функциональных значений, т.е. на функциональной категоризации слов в высказывании (см. также о функционально-семиологическом подходе к исследованию процессов формирования смысла высказывания, основанном на функциональной категоризации языковых единиц, в последнем разделе данной темы).

Обсуждая проблему языковых категорий, нельзя забывать о том, что естественный язык не только обеспечивает реализацию основных познавательных процессов и репрезентацию результатов познания, их передачу вовне, т.е. реализует свои основные функции (когнитивную и коммуникативную), используя для этого системы лексической и грамматической категоризации. Он также служит средством вторичной обработки полученных знаний в индивидуальном сознании каждого отдельного человека, в рамках его индивидуальной концептуальной системы, т.е. является средством их интерпретации. Другими словами, язык обнаруживают еще одну функцию, которую тоже можно отнести к числу основных – **интерпретирующую функцию**.

Выделение еще одной основной функции языка предполагает существование отдельной системы языковой категоризации, которая должна обеспечивать ее реализацию. Назовем ее **системой модусной категоризации**. Эта система, очевидно, охватывает **модусные, интерпретирующие или оценочные** (в широком смысле этого слова) **категории**, т.е. категории **модусного типа**, которые обеспечивают возможность различной интерпретации говорящим субъектом того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных, новых смыслов. Поскольку этот тип языковых категорий наименее изучен, рассмотрим его подробнее в следующем разделе данной темы.

2. Модусные, или интерпретирующие, концепты и категории

2.1. Общая характеристика

К числу модусных категорий можно отнести: отрицание, аксиологические (собственно оценочные), диалектные, стилистические, этнокультурные категории, категории апроксимации, эвиденциальности, экспрессивности, тональности и т.п., – в основе формирования кото-

рых лежат соответствующие модусные концепты. Особый термин "модусные концепты и категории" используется нами в данном случае специально, чтобы подчеркнуть различия между грамматической категорией модальности (наклонения), грамматической или лексической (в зависимости от конкретного языка) категорией модальных глаголов и аксиологическими, или собственно оценочными (в узком смысле этого слова) категориями.

Специфика формирования и организации модусных категорий заключается в том, что **они объединяют определенные языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции**. Интерпретирующий характер модусных категорий подчеркивает их особую природу и место в общей системе языковой категоризации, а именно: как форм отражения онтологии человеческого сознания, его интерпретирующей функции, как форм проявления индивидуального опыта, знания, оценок.

Интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, в частности. В онтологической триаде "система мира – система языка – концептуальная система человека" она связана именно с человеком, его восприятием и оценкой мира и системы языка. Следовательно, модусные категории, если учесть их языковую, прежде всего, реализацию, обнаруживают концептуально-языковую, или логико-языковую природу. При этом необходимо специально оговорить, что речь идет о категориях, которые являются продуктом интерпретирующей функции сознания, поскольку концептуальную основу имеют, в принципе, все категории. Отличие заключается в том, что **модусный концепт**, лежащий в основе соответствующей модусной категории, как правило, и **формируется вербально**.

Оставляя без детального обсуждения вопрос о взаимопроникновении всех трех вышеназванных систем, лишь подчеркнем, что понятие окружающего мира включает в себя и человека и его язык, являясь, в свою очередь, объектом отражения и интерпретации человеческого сознания и языка, а язык отражает онтологию и мира и человеческого сознания, частью которого он является. Образно и схематически это можно представить как взаимную направленность лучей, исходящих из трех вершин онтологического треугольника "мир – человек – язык" (см. схема 4). В этом взаимопроникновении также проявляется взаимосвязь и некоторый дуализм категорий бытия и познания.

Отмеченная особенность модусных категорий, их логико-языковая природа сближает их, с одной стороны, с полевыми структурами, организованными по инвариантно-вариантному принципу. С другой стороны, в них могут выделяться прототипы и прототипические средства реализации интерпретирующей функции в языке вследствие их неразрывной связи с категориями естественных объектов. Так, **категория аппроксимации** включает преимущественно лексические средства, объединенные инвариантной функцией выражения значения приблизительности или приблизительной оценки качества или количества в языке, например: *около*, *приблизительно*, *почти*; *about*, *near*(*ly*), *approximately* и т.д.

Схема 4

Семантика самих этих слов ориентирована не на отражение реалий окружающего мира, а на их оценку или интерпретацию говорящим субъектом в языке. Их появление обусловлено необходимостью вербального общения. Поэтому их нельзя отнести к собственно лексическим, лексико-грамматическим или грамматическим категориям. В то же время они создаются именно языком с целью соответствующей интерпретации или оценки знаний в процессе их передачи языковыми средствами. С помощью этих средств человек выражает индивидуальный опыт концептуализации и категоризации мира, пытаясь найти наиболее точные названия для предметов мысли, которым нет соответствующих конвенциональных обозначений в данном языке (см. подробнее: [Болдырев, Дубовицкая 2006]).

Вышеназванные лексические средства передачи концепта приблизительности могут рассматриваться в качестве прототипических наряду с другими средствами, реализующими данную инвариантную функцию в своих вторичных значениях и потому занимающими периферийное положение в структуре этой категории. К числу последних относятся: лексические средства, выражающие сопряженные значения уверенности/неуверенности, точности/неопределенности (*как бы*, *вроде бы*, *якобы*, *типа*, *наподобие*), синтаксические структуры,

выражающие сравнение (*ярче солнечного дня*, *темнее ночи*), словообразовательные суффиксы (*зеленоватый*, *трудноватый*, *простоватый*, *грубоватый*, *молодцеватый*).

Сравните недопустимость использования подобных словообразовательных моделей для выражения положительных качеств человека: **умноватый*, **вежливатый*, **доброватый*, – где аппроксимация, очевидно, невозможна из-за ассоциации положительных качеств с нормой, которая не подвержена градации, и, напротив, их допустимость для смягчения отрицательной оценки соответствующих качеств: *страшноватый*, *грубоватый*, *странноватый*, *скуповатый* и других. Актуализация и идентификация вторичной функции выражения приблизительности у данных языковых единиц определяет их место в структуре категории и осуществляется, в том числе, по сходству с семантикой прототипических лексических средств, что и дает основание считать последние когнитивной точкой референции в соответствующем концептуальном пространстве, т.е. прототипическим ядром категории аппроксимации.

Аналогичную природу и структуру в русском языке имеет **категория определенности/неопределенности**, которая в других языках (например, английском, французском, немецком) приобретает категориально-грамматический статус, реализуемый соответствующими формами – определенным и неопределенным артиклями. Реализация инвариантной функции объединяет и различные (грамматические, лексические, интонационные) средства выражения **отрицания** в языке в единую категорию, напоминающую по своей структуре функционально-семантическое поле. В то же время данная категория обнаруживает явный прототип в виде грамматических средств реализации данной функции: отрицательные формы с частицей *не*, например, в русском языке и аналогично с частицей *not* или *nicht* – соответственно в английском и немецком языках. Иначе говоря, в структурной организации этой категории с достаточной очевидностью просматривается использование двух разных принципов: инвариантно-вариантного, с одной стороны, и прототипического, с другой.

Совершенно особый тип модусной категоризации представляют собой **языковые диалектные категории**, в основе формирования которых лежат определенные территориальные, или локальные концепты. Локальные концепты содержат знания о специфике диалектных форм в сравнении с литературным языком или с формами другого диалекта и оценивают те или иные языковые единицы как принадле-

жащие определенному диалекту. В этом проявляется специфически релятивный, в определенном смысле метаязыковый, характер диалектных категорий.

Диалектная категоризация интерпретирует сами языковые формы и их содержание, оценивая и распределяя эти формы в соответствии с их диалектной принадлежностью. При этом в состав диалектных категорий (и в этом состоит их особая специфика) включаются и общепринятые и диалектные формы, противопоставление которых и создает основу для передачи знания о диалектах. Как следствие, структура данных категорий обнаруживает несколько центров, или фокусов, в качестве которых выступают прототипические формы литературного языка и прототипы языковых единиц конкретных диалектов. Например, в русском языке лексическая категория "дом" включает в себя различные названия этого объекта, используемые в литературном языке. Диалектные категории "изба" и "хата" соотносят общепринятую литературную форму *дом* с языковыми единицами *изба* и *хата*, характерными для северного и южного диалектов соответственно. При этом собственно диалектное значение данные слова приобретают именно в сопоставлении с языковыми единицами других диалектов. Только в отношении подобных категорий, вероятно, и можно говорить об оппозициях как основе их формирования, что в структурной лингвистике нередко считалось универсальным принципом построения всех грамматических категорий, а сами категории определялись как система оппозиций грамматических форм.

В этом контексте можно также говорить о **страноведческих**, **культурологических**, **этнических** и т.п. **категориях**, в основе формирования которых лежат специфические знания страноведческого, культурного, этнического и другого характера. К этому же типу можно отнести и **стилистические категории**, которые содержат знания о ситуации употребления соответствующей лексики и языковых форм и возможной реакции окружающих на неадекватное речевое поведение. Человек, не обладающий специальными лингвистическими знаниями, с легкостью распознает, когда ему, например, грубят в магазине, государственном учреждении или любом другом месте, предполагающем совершенно иной стиль общения. Вспомним уже звучавший выше пример: ***Здесь вам не тут*** (М. Зощенко), – в котором стилистически противопоставлены два местоименных наречия, из которых второе больше ассоциируется с разговорным стилем, а не литературным, как первое.

Необходимо также отметить особую роль, которую выполняют **фонологические средства** в рамках диалектных категорий. Те или иные диалектные варианты произнесения разных слов выполняют уже не только смыслоразличительную, но и диалектно-различительную функцию, передавая специфическое знание о диалектах и диалектной принадлежности звуковой формы данных слов, например, "оканье", "аканье", "[г] фрикативное" в современном русском языке. Это ставит под сомнение бытующее мнение о том, что фонология не может быть когнитивной. Фонологические категории, как и этимологические, страноведческие, этнические категории и т.п., также могут выступать в качестве средства концептуализации и категоризации мира, самого языка и говорящих на данном языке.

Категория отрицания является наиболее иллюстративной в плане обсуждаемой проблемы модусных, или интерпретирующих, категорий. Из самого названия данной категории и соответствующего концепта со всей очевидностью следует, что они является продуктом человеческого сознания, результатом концептуализации определенной коммуникативной функции. В реальном мире "отсутствия существования или наличия" как такового нет, и только человек постулирует его, выражая свое восприятие определенной ситуации в процессе общения и опираясь на собственный опыт осмысления аналогичных ситуаций, на свою собственную систему ценностей, мнений, оценок, ожиданий.

Эта особенность рассматриваемого концепта и категории дает основание предполагать, что ОТРИЦАНИЕ по своей природе является коммуникативно-обусловленным, модусным концептом, ориентированным на говорящего субъекта и на систему языка. Он выступает как определенный способ языкового представления действительности, поскольку связан с отражением знаний из мира идеального, созданного человеческим сознанием, а не знаний реального мира. Пояснить сказанное можно, используя такие рассмотренные выше понятия когнитивной семантики, как: фрейм, ментальное пространство, когнитивный контекст, профилирование и некоторые другие.

Проблема заключается в том, что, представляя ту или иную ситуацию с помощью языка, человек привлекает весь спектр знаний об этой ситуации, т.е. необходимый фрейм, и акцентирует внимание на том или ином ее аспекте или элементе, соответствующим образом профилируя эти знания, придавая им конкретную конфигурацию и добиваясь тем самым передачи нужного смысла. С помощью отрицания, в частности, часто профилируется отсутствие ожидаемого элемента события или одной из его планируемых характеристик или их

несоответствие. Мы как бы специально создаем посредством языковых средств определенный когнитивный контекст, или ментальное пространство, чтобы показать это отсутствие или несоответствие.

В качестве такого контекста может рассматриваться тот или иной фрейм как пакет знаний о стереотипной ситуации и как определенная модель или схема осмысления событий, т.е. связанная структура знания, в которой нашим опытом познания мира запрограммировано наличие определенных элементов или событий и их соответствующая интерпретация или оценка. Например, в предложении: *Автобуса не было, все стояли на остановке и ждали*, – выражено отсутствие объекта в определенном пространстве вопреки ожиданиям говорящего, в предложении: *Автобус так и не пришел*, – отсутствие самого события, т.е. созданного ментального пространства, а в предложении: *В указанное время автобус не пришел*, – несоответствие предполагаемой временной схеме события.

Таким образом, отрицание профилирует отсутствие чего-либо на фоне определенного стереотипного знания. С точки зрения окружающего мира в конкретной ситуации много чего может не происходить. В указанное время может, например, не появиться поезд, сантехник или учитель. То, что на автобусной остановке не было автобуса, звучит вполне логично в сравнении, например, с тем фактом, что на остановку не пришел сантехник, хотя последний тоже может быть элементом, но уже другого фрейма, включающего знания о сантехнике и автобусной остановке, от которой он ездит на работу.

Сказанное подтверждает, что модусный концепт ОТРИЦАНИЕ не обладает собственной информацией о реальном мире, но приобретает определенное содержание, будучи соотнесен с другим концептом или концептуальной структурой. Подобно критике, не существующей без своего объекта, отрицание имеет относительный характер и требует наличия определенной структуры знания как области своего определения. Аналогично в разговоре, например, при ответе на вопрос: *Что Вы имеете в виду?* или *Что Вы собираетесь этим сказать?* часто звучит ответ: *Ничего*, который, вероятно, означает 'ничего из того, что предполагает тот, кто задает вопрос'.

Оставляя в стороне проблему лингвистического статуса категории отрицания и ее возможные взаимосвязи с другими языковыми категориями (например, категорией модальности)*, сосредоточим свое вни-

* Подробный анализ основных концепций категории отрицания в лингвистике и смежных науках см. в: [Бондаренко 1983].

мание на роли и сущности интерпретации, и отрицательной интерпретации в том числе, как отдельном способе вторичной репрезентации знаний в языке. Актуальность данной проблемы подчеркивала Е.С. Кубрякова еще много лет назад, говоря об эволюции лингвистической науки в прошлом столетии и возрастающей роли человека как субъекта и объекта познания (см.: [Кубрякова 1995]).

Используя ранее сформулированное **определение категории** как концептуального объединения объектов (см. выше, а также в работах: [Болдырев 2006; 2009]), логичнее всего предположить, что категория отрицания представляет собой некое объединение языковых единиц на общем концептуальном основании. Дальнейшая логика подсказывает, что в качестве такого основания, очевидно, выступает одноименный концепт – ОТРИЦАНИЕ. Это, в свою очередь, требует уточнения содержания самого этого концепта как структуры знания, от которой зависит строение, состав и функциональный потенциал рассматриваемой категории.

Проблема, однако, заключается в том, что в отличие от концептов конкретных объектов и событий, структура и содержание которых задаются строением соответствующих референтов и могут быть описаны набором характеристик или составляющих элементов, концепт ОТРИЦАНИЕ не имеет реальных соответствий в окружающем мире. Как и все модусные концепты, он относится к числу абстрактных ментальных образований, имеющих логико-языковую природу. В то же время структурирование подобных концептов должно следовать **общему правилу структурирования, или схематизации опыта** с тем, чтобы этот опыт мог служить основой речемыслительной деятельности. В качестве такого правила, видимо, выступает, как и в других случаях, **использование определенной когнитивной схемы**.

Если учесть, что набор элементарных характеристик или составляющих элементов есть тоже не что иное, как определенная схематизация опыта (любая типовая пропозиция, например, представляет событие в виде определенной когнитивной схемы), то суть выше обозначенной проблемы видится в поиске той когнитивной схемы, которая может быть использована для структурирования концепта ОТРИЦАНИЕ. В поисках ее решения, вероятно, следует обратиться к общей специфике модусных концептов и категорий, которую обнаруживает и категория отрицания (подробнее о категории отрицания см. также в: [Болдырев 2010]).

2.2. Специфика модусных концептов и категорий в реализации интерпретирующей функции языка

Специфика концептов и категорий модусного типа определяется самой интерпретирующей функцией языка, содержание которой (оценка, отрицание, приближение к ориентиру, экспрессивность и т.д.) и выступает в качестве общего концептуального основания для объединения разноуровневых языковых единиц в ту или иную модусную категорию. Другими словами, формированию категории в этом случае предшествует концептуализация функции языковых объектов, а не, например, их системных характеристик. Из этого следует, что **главная особенность модусных категорий** заключается в особом, **функциональном характере их концептуальной основы**, т.е. того концепта, на базе которого они формируются. Иначе говоря, ***в качестве модусного концепта***, очевидно, ***используется конкретная языковая функция***, определенным образом осмысленная. Соответственно, уточнение структуры и содержания категориального концепта в этом случае непосредственно зависит от уточнения самой этой функции, ее дискретизации. Можно предположить, что именно **структура конкретной функции выступает в роли той когнитивной схемы, которая структурирует модусный концепт и соответствующую категорию**.

Так, **категория отрицания**, как и другие модусные категории, призвана передавать с помощью языка то, как говорящий интерпретирует свои отношения с миром вещей, событий и другими представителями живой природы, различные взаимосвязи между событиями и/или объектами и/или их характеристиками, а также свое личное отношение к ним. Все эти интерпретации, связанные с различными типами объектов и их взаимосвязей и охватывающие многообразие передаваемых смыслов, естественно, не могут быть одноплановыми. Следовательно, и функция отрицания конкретизируется в каждом отдельном случае в зависимости от типов интерпретируемых объектов, событий и отношений между ними.

Само название данной функции, ее ориентация на имеющиеся схемы знаний, которые типизируют объекты мира и их взаимосвязи, т.е. общее устройство мира, задают и характер интерпретации: наличие или отсутствие объектов, событий, признаков, их соответствие или несоответствие имеющимся представлениям, интерпретация речевых действий (отказ, несогласие, опровержение, запрет и т.д.). От-

сутствие того или иного признака также может интерпретироваться как отрицательная характеристика, или оценка.

Структурированность функции отрицания определяет характер ее концептуализации и, как предполагалось выше, выступает в качестве когнитивной схемы, структурирующей содержание рассматриваемого концепта ОТРИЦАНИЕ. Можно предположить, что с точки зрения интерпретации основных результатов познания мира и его общего устройства концепт ОТРИЦАНИЕ включает такие **основные характеристики**, как: ***отсутствие***, ***несоответствие***, ***отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция***.

Концептуальная характеристика **"отсутствие"** репрезентирует такой вид интерпретации, который предполагает отрицание события или наличия объекта в физическом или ментальном пространстве, а также отрицание связи (в целом или ее определенного типа) между объектами или событиями и их признаками. Отрицательная интерпретация принадлежности события, объекта или признака конкретной категории, их тождественности друг другу или определенному образцу концептуализируется как **несоответствие**. **Отрицательная коммуникативная реакция** концептуализирует несовпадение целей или речевых намерений коммуникантов. Субъективная интерпретация объекта или события на основе отсутствия у него определенного признака концептуализируется как **отрицательная оценка**.

В разных языках данная дискретность функции отрицания представлена разными языковыми средствами, но подчиняется общему правилу концептуализации мира в языке (см.: [Talmy 1988]). В соответствии с данным правилом грамматические средства в их первичных значениях выполняют функцию общего структурирования концептуального содержания, а лексические (а также, добавим, грамматические в их вторичных значениях) – его конкретной репрезентации. Применительно к интерпретации в целом и отрицанию, в частности, структурированность функции проявляется именно на уровне содержания, т.е. осуществляется преимущественно на уровне лексики и вторично-грамматических смыслов. Иначе говоря, грамматические средства в своих первичных значениях концептуализируют и репрезентируют рассматриваемые функции в общем виде, а все другие средства — передают их содержание в виде конкретных смыслов, т.е. структурированно.

В качестве универсального средства общей концептуализации и репрезентации функции отрицания разные языки используют, на-

пример, отрицательные частицы типа рус. *не* (англ. *no*, нем. *nicht* и т.д.). Наличие других возможностей передачи отрицательных смыслов и их разнообразие дают основание говорить об асимметричности языковых средств выражения отрицания и, следовательно, о прототипическом принципе организации данной категории. Ее прототипическое ядро образуют вышеназванные частицы вместе с примыкающими к прототипическому ядру другими отрицательными словами, для которых данная функция является главной, например: предикативные слова (рус. *нет*), отрицательные местоимения и наречия (рус. *никто*, *никогда*, *нигде*), парные отрицательные союзы (рус. *ни ... ни*), отрицательные префиксы (рус. *не-*) и т.п.

Все другие используемые средства, для которых передача отрицательных смыслов является вторичной функцией, создают ближнюю и дальнюю периферию категории. Например, концептуальная **характеристика отсутствия** передается ***лексической семантикой*** различных частей речи и их грамматических форм (*сирота* – 'отсутствие родителей', *дилетант* – 'отсутствие профессиональных навыков', *лысый* – 'отсутствие волос', *грубый* – 'отсутствие обработки', *бедный* – 'отсутствие средств', *потерять*, *пропасть*, *забыть*, *сломать*, *исчезнуть*, *требоваться*, *молчать* – 'отсутствие чего-либо', *провалиться на экзамене*, *сорвалось что-либо* – 'отсутствие результата'), ***значением словообразовательных форм*** (*разъединить*, *разлюбить*, *отговорить*, *проиграть*, *просчитаться*) и ***синтаксических конструкций*** (*Приди он пораньше ...*; *Если бы встал рано ...*; *Говоришь, объясняешь, а все – одно и то же*; *Нам бы ...*), ***с помощью фразеологии*** (*остаться у разбитого корыта; носить воду в решете*; *ходить вокруг да около*; *когда рак на горе свистнет*).

Аналогично: **несоответствие** (*исключение*, *ошибка*, *бракованный*, *дефектный* – 'несоответствие правилу, стандарту', *чужой*, *другой*, *иной*, *чужак* – 'несоответствие к.-л. категории', *ошибаться*, *опаздывать*, *подводить* – 'несоответствие ожидаемому результату или цели', *странноватый*, *толстоватый*, *угловатый* – 'несоответствие норме, идеалу'; *Будь я на твоем месте...*; *"Уехал в Петербург, а приехал в Ленинград"*, *"Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича ..."* (Н.В. Гоголь); ('несоответствие реальному положению, ожидаемому результату или цели, идеалу'), **различные**

Подобные примеры свидетельствуют также о возможной градации в репрезентации той или иной концептуальной характеристики.

отрицательные коммуникативные реакции (*возражаю, запрещаю, отказываюсь*; *Мне бы такую уверенность*; *Он и работает*; *Какой там врач*; *Сейчас все брошу и начну...*; *Да уж, конечно*; *Да, ладно*; *Сейчас, только вот галстук поглажу...*; *Сиди уж*; *Занимайся своим делом*; *Своих забот хватает*), **оценка** (*умник, грубиян, зеленый, ветхий, молодой, уставиться, раскормить, объедать*; *Какой из него писатель*; *Тоже мне летчик*; *И еще умным себя считает*; *Еще один Макаренко нашелся*; *Уверенность дилетантов – предмет зависти профессионалов*).

Из главной специфики модусных категорий – **функционального характера их концептуальной основы** – следуют, как минимум, еще три их основные взаимосвязанные особенности: ***внутриязыковая природа***, ***вторичный статус и инферентность***. Каждая из этих особенностей заслуживает, на наш взгляд, хотя бы краткого отдельного комментария.

Внутриязыковая природа модусных концептов и категорий непосредственно связана с теми семиотическими процессами, которые лежат в основе их формирования. В мире, как уже говорилось, нет хороших или плохих вещей, отсутствия или отрицания чего-либо. Это человек с помощью языка и на его основе формирует данные концепты и категории. Описывая эти процессы, Р.И. Павилёнис обращал внимание на то, что концептуальная система человека представляет собой непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний) о действительном или возможном мире. Естественный язык дает возможность человеку, манипулируя вербальными символами, манипулировать концептами как элементами концептуальной системы и строить и создавать на основе этого новые концепты и концептуальные структуры, обусловленные уже самой этой системой, а не только познаваемой действительностью [Павилёнис 1983: 103, 106, 113-114]. В качестве подтверждения этому служит и сам факт отсутствия референции у языковых средств интерпретации, мотивированность их значений, например, отрицания, исключительно процессом языкового общения, ср.: *не*, *нет*, *нигде*, *никакой* (*ая*, *ое*), *никак*, *никто*, *ничто*, *ничего*, *ничем*, *никуда*, *ниоткуда*, *никогда* и т.п.

Отмеченная специфика модусных концептов и категорий, их интерпретирующий характер также предполагает **вторичность их статуса** и, следовательно, определенную зависимость от первичного знания, которое подвергается интерпретации. Эту особенность, в частности категории отрицания, лингвисты подмечали давно. Например,

Г. Пауль подчеркивал, что отрицательное предложение вторично по отношению к утвердительному, поскольку отрицательное суждение возникает там, где пытаются связать два одновременно столкнувшихся в сознании представления [Пауль 1960: 157].

Вторичный, зависимый характер модусных категорий может проявляться двояко – в структурном и содержательном аспектах. **Структурная зависимость**, или точнее соотнесенность, наблюдается на уровне организации самих категорий и, в свою очередь, может быть двух видов: ***денотативно обусловленная*** и ***лингвистически обусловленная***. В первом случае модусная категория наследует полностью или частично структуру (инвариантно-вариантную, прототипическую, "семейного сходства" и т.д.) той категории объектов, знание которой она тем или иным образом интерпретирует. Например, оценочная категория "хороший автомобиль" повторяет прототипический принцип организации оцениваемой категории "автомобиль" и, более того, их прототипы совпадают. При этом прототип категории "плохой автомобиль" совпадает, скорее, с периферией категории "автомобиль". Последнее служит примером отсутствия соотнесенности на уровне отдельных элементов категорий и одновременно того, что в основе формирования оценочных категорий лежит принцип концептуальной интеграции, а не простого суммирования значений: "категория + оценка".

Второй вид структурной соотнесенности обнаруживается, когда модусная категория дублирует структуру грамматической (лексико-грамматической) категории, ориентированной на определенную грамматическую функцию, или структуру лексической категории, на базе которой развивается та или иная интерпретирующая функция (см. подробнее: [Болдырев 2011; 2011а; Болдырев, Чистякова 2012; Болдырев, Панасенко 2013]). Например, категория оценочных слов по аналогии с большинством лексико-грамматических категорий может включать прототипическое ядро, состоящее из наиболее типичных элементов, в системной семантике которых заложена соответствующая оценка, и периферию из менее типичных элементов, реализующих оценку во вторичных функциях.

Содержательная соотнесенность модусных категорий проявляется как на собственно категориальном уровне, так и на уровне отдельных элементов категории. Она связана с содержательной неопределенностью самого модусного концепта, который лежит в основе формирования категории. Безотносительно той или иной области определения трудно сказать, что означает, например, "хороший" или

"плохой". Используя оценочные выражения типа: *хороший человек*, *хороший отец*, *хороший преподаватель* или *хороший друг*, – говорящий, вероятно, подразумевает разные качества, которые могут оцениваться положительно или отрицательно. Ср. также: *рыба или мясо без костей* (= 'хорошо'), *голова без мозгов или язык без костей* (= 'плохо'), *говорить или есть без остановки* (= 'много'), *писать без вдохновения* (= 'скучно'), *влюбиться без ума* (= 'очень сильно'). Аналогично отрицательные суждения в отношении разных объектов также предполагают разное их осмысление, например: *нет работы*, *нет света*, *нет денег*, *нет времени*, *нет ума*, *нет будущего*, *нет проблем*, *нет никакого желания* и т.д.

На уровне отдельных элементов категории эта зависимость от первичного знания аргументирована и в семиотическом отношении. Модусные категории широко используют средства лексической и грамматической категоризации, но в их вторичных значениях и функциях. Например, для оценки: *свежая мысль*, *новый аргумент*, *устаревшая идея*, *глубокий взгляд*, *молодое вино* и т.п. Аналогично в отношении отрицания: *упустить возможность* ('не использовать'); *сорваться* ('не состояться'); *распылять средства или силы* ('не экономить'); *испорченный* ('бесполезный'); *безжизненный* ('неподвижный'); *Думал, он все осознает, да где тут* (= не осознал); *Кричащего плохо слышно* (≈ 'не слышно'); *А воз и ныне там* (= 'не сдвинулся с места'); *Вызвали врача – пришел фельдшер*; *вызывали сантехника – пришел дизайнер* (= 'врач/сантехник не пришел' или 'пришел не тот специалист, которого вызывали').

Структурная и содержательная соотнесенность модусных концептов и категорий с первичным знанием предопределяет очередную их **отличительную характеристику – инферентность**, т.е. потребность в выводном знании для формирования необходимого смысла. Зачастую элементы данных категорий имплицируют целый ряд мыслительных операций, связанных с интерпретацией, и не раскрывают конкретное содержание предмета мысли, которое определяется многими условиями реальной коммуникации: *хороший чем*, *в чем или для чего*, *для кого*, *в каких обстоятельствах*; *отрицание чего* и т.д., см. также приведенный выше пример: *Автобус так и не пришел*. Степень абстрактности или конкретности передаваемого содержания отражается в выборе слов общей или частной оценки, общего или частного, прямого или косвенного и т.д. отрицания соответственно, а также обу-

словлена областью их определения в виде когнитивного и языкового контекстов.

Реализация модусных смыслов в речи тоже обнаруживает описанную для модусных категорий в целом специфику. Эта специфика заключается в том, что **на функциональном уровне репрезентация модусного концепта**, например оценочных концептов или концепта отрицания, **в чистом виде не приводит к формированию конкретного смысла**. Отсюда неопределенность семантики таких слов, как *хорошо*, *плохо*, *нет* и т.п. В частности, отрицательные формы в высказывании репрезентируют не отдельный концепт, а целую концептуальную структуру, представляющую собой единство отрицательного смысла как определенной характеристики соответствующего концепта (отсутствие, несоответствие и т.д.) и интерпретируемого концепта или концептуальной структуры (объектов, событий, характеристик), т.е. **матричный концепт**: ОТРИЦАНИЕ + ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ КОНЦЕПТ.

Интерпретируемые концепты, как правило, типизируются в виде определенных предметных областей, или областей определения модусных концептов. В их качестве, в частности, могут выступать такие концептуальные области, как: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ, АРТЕФАКТЫ, СОБЫТИЯ (в том числе внутреннего мира человека), ПРИЗНАКИ и т.п. Конкретный набор подобных областей в единстве с соответствующим модусным концептом и представляет собой, по существу, концептуальную структуру в виде матрицы, или когнитивную матрицу (о когнитивной матрице и концептах матричного типа подробнее см. выше, а также: [Болдырев 2009]). По существу, выделение областей определения модусного концепта также основывается на схематизации опыта, о которой речь шла выше, а сам набор этих областей в составе когнитивной матрицы, которые служат когнитивными контекстами осмысления тех или иных единиц, представляет собой конкретную когнитивную схему.

Другими словами, модусные концепты не существуют отдельно от концептуальных областей их определения, представляя вместе с ними единое знание. Это обусловливает структуру и содержание соответствующей категории, которая сама предстает как особый, **категориально-матричный формат знания** и может обнаруживать многофокусный принцип организации, объединяя разноуровневые средства репрезентации матричного концепта.

Матричный характер передаваемого концепта подтверждает высказанную выше мысль о вторичности модусных концептов и категорий и их зависимости от области определения. Область определения может определять формирование и передачу разных смыслов, например: *безвкусная еда* ('не имеет вкуса'), *безвкусная картина* ('не отвечает требованиям хорошего вкуса'), *?безвкусный человек* ('лишен хорошего вкуса'), – или требовать дифференцированного использования разных языковых средств для передачи разных смыслов: *Ему/У него не хватает власти*, но только: *У него не хватает двух зубов* (**Ему не хватает/недостает двух зубов*). Сравните также, с одной стороны: *В комнате нет телевизора* (**У комнаты нет телевизора*; *?Комната не имеет телевизора*, но: *Комната не имеет отдельного выхода*) и, с другой стороны: *У него* (*во рту*) *нет двух зубов* (*?Во рту нет двух зубов; *Рот не имеет двух зубов*).

Как иллюстрируют приведенные примеры, используемые языковые средства отличаются определенной избирательностью в отношении передачи отрицательных смыслов, связанных с той или иной предметной областью. Так, во всех случаях репрезентируется одна и та же концептуальная характеристика – 'отсутствие'. Однако в разных синтаксических конструкциях она связана с интерпретацией разных типов объектов. Разнородность объектов, в свою очередь, предполагает наличие разных типов связей между ними (разные типы принадлежности), которые и подвергаются интерпретации.

Следовательно, тип этих связей тоже служит неотъемлемой частью получаемого единого, в данном случае отрицательного, смысла, что и подтверждается наличием отдельной синтаксической конструкции для передачи каждого из этих смыслов в языке. Интересно, что для передачи актуального для момента речи отрицания непостоянной связи или признака (отчуждаемой принадлежности) также используется отдельный вид рассматриваемых конструкций: *У него нет с собой денег*. Ср. необычность выражения: **У него* (*во рту*) *нет с собой двух зубов*, – в котором отрицание связано с интерпретацией постоянного в норме признака; или: *Он не взял/принес с собой зачетку*; **Он не взял/принес с собой брови*. Аналогично, например, в английском языке для передачи тех же смысловых различий используются разные конструкции: *There is no TV set in the room*; *He has two teeth missing* (*in his mouth*); *He hasn't got money with him*; *He hasn't brought money with him*; Но: **There are no two teeth in his mouth*; *?The room has no TV set*; **The mouth hasn't got two teeth*; **He hasn't brought eyebrows with him.*

Зависимый от области определения характер, в частности, концепта отрицания наглядно проявляется также в сравнении его с другими, "обычными" концептами. Так, например, информация о несоответствии определенной временной схеме может быть представлена в виде концепта, репрезентируемого в языке глаголом *опаздывать*, и выражена формально утвердительным высказыванием, ср.: *Он, как всегда, вовремя не пришел – Он, как всегда, опоздал*. Если для передачи аналогичной информации во втором высказывании глагольная форма *опоздал* является концептуально самодостаточной, то в первом высказывании отрицательная частица *не* требует дополнительного уточнения области определения в виде наречия *вовремя* и глагольной формы *пришел*.

Об этом же свидетельствует и характер сращения элементов отрицательных по форме фразеологических сочетаний, в которых отрицание неотделимо от смысла всего фразеологизма, например: *не видеть как своих ушей* (ср.: **видеть как своих ушей*); *не помнить себя*; *не лезть за словом в карман*; *не сводить глаз*; *не чувствовать под собой ног*; *не успеть и глазом моргнуть*; *не покладая рук*; *ни к селу ни к городу*; *ни рыба ни мясо*; *мухи не обидит и т.п.* Ср. с теми случаями, когда отрицание не входит в состав фразеологической единицы: *кривить душой – не кривить душой*; *находить общий язык – не находить общий язык*; *ходить вокруг да около – не ходить вокруг да около* и т.д. Подобное сращение, вероятно, имеет место и в большинстве фамилий на *Не-* в современном русском языке. В них достаточно легко читается мотивирующая основа, которая, однако, практически не приводит к образованию соответствующих "положительных" фамилий по типу: *Немиров – Миров*, ср.: *Ненашев* (**Нашев*), *Невзоров* (**Взоров*), *Неустроев* (**Устроев*), *Негодин* (**Годин*), *Нелюбин* (**Любин*), *Нехорошев* (**Хорошев*) и т.д.

Область определения для отрицания может задаваться контекстом самого высказывания, в котором оно используется (*У меня не было времени Вас ждать*), речевым контекстом в диалоге (*У вас есть время? – Нет*), отдельным словом (*Ничего существенного*; *без льгот*), частью производного слова (*неправда*; *недостаточно*) или словосочетанием (*без права на жительство*; *не от большого ума* и т.д.).

Областью определения для отрицания служит и конкретная культурная среда. В рамках той или иной языковой культуры отрицание может приобретать дополнительный смысл или своеобразные функции, что также свидетельствует о матричном характере реализуемого

концепта. Помимо хорошо известных особенностей использования отрицания в том или ином языке (например, отсутствие двойного отрицания или использование отрицания только при сказуемом главного предложения в английском языке, ср.: *Я никогда не был в Париже – I have never been to Paris*; *Я думаю, он не придет – I don't think he will come*), культурная специфика отрицания проявляется также в различном частеречном статусе употребляемых слов с отрицательным значением.

В русскоязычной культуре разные функции отрицания, в частности, реализуются также в различных категориальных статусах отрицательных местоимений: *никто*, *ничего*, *никакой*, *никуда* и т.п. Для передачи отсутствия или несоответствия они преимущественно выступают как неопределенные местоимения: *Мне это ничего не говорит*; *Это не имеет ко мне никакого отношения.* В модусно-оценочной функции или собственно коммуникативной функции (которая тоже может предполагать определенную оценку со стороны говорящего, чаще всего, эмоциональную) – как наречия или прилагательные: *Он сегодня на работе был никакой*; *Преподаватель она никакая*; *Он для меня никто и звать его никак*; *Родом она из ниоткуда*; *Куда идешь – Никуда* и т.д. В коммуникативной функции наречие *ничего* в ответ на извинение за какое-либо действие или на вопрос: *Как Ваши дела?* или *Как Ваше здоровье? Как Вы себя сегодня чувствуете?* – как правило, означает 'нормально' или 'все в порядке', и не случайно, заметим, за этим ответом часто следует шутливое уточнение области определения: *Ничего хорошего или ничего плохого?*

В английском языке к названным категориальным статусам также добавляется статус существительного, индицируемый с помощью форм множественного числа, например: *...these loafers, these worthless nothings, who sit here chattering like old fishwives* [COLLINS COBUILD 1990], – который в русском языке обычно передается существительными отрицательной семантики типа "ничтожество", так же способными употребляться в форме единственного и множественного числа. Интересным представляется и тот факт, что в английском языке практически не встречаются фамилии с отрицательными частицами, как в русском языке (см. выше).

Существенно также отметить, что и в русском, и в английском языке *ничего/nothing* может означать в разговоре 'малую или несущественную стоимость, усилие': *Это мне ничего не стоило – It cost me nothing.* Но только в английском языке можно сказать: *He sold his*

house for nothing, тогда как в русском языке в этом случае употребляется существительное отрицательной семантики *бесценок*, что, вероятно, нельзя назвать случайным. Как показывает сравнительный анализ фактического материала, русский язык в большей степени привлекает разнообразные существительные отрицательной семантики, т.е. использует различные лексические средства в тех случаях, когда английский язык ограничивается неопределенным или отрицательным местоимением для выражения отрицательного значения.

Нельзя не отметить попутно, что сказанное выше дает основание предполагать, что отрицание в английском языке носит более формализованный характер, чем в русском языке, что также проявляется во взаимозависимом характере употребления глагольных форм отрицания и отрицательных местоимений или частиц (невозможность двойного отрицания в рамках одного высказывания в английском языке и его допустимость в русском языке): *I will not go anywhere – I will go nowhere*; *I have not written any letters – I have written no letters – I have never written any letters – I do not think, I have ever written any letters*. Ср. в русском языке: *Я никуда не пойду*; *Я никогда не писал никаких писем*, – где каждое из использованных средств выражения отрицания выполняет свою функцию самостоятельно, т.е. независимо друг от друга, не погашая, а усиливая общий отрицательный смысл высказывания. Только лексически выраженное двойное отрицание, выполняющее специальную функцию погашения отрицательного значения, в принципе допустимо и в английском языке, например: *nothing unusual*; *no one unknown*; *not unpleasant* и т.п.

2.3. Оценочные концепты и категории

Продолжая тему модусных категорий, необходимо подробнее остановиться на проблеме аксиологических, или собственно оценочных категорий, которые обнаруживают сложную структуру. Их сложность обусловлена комплексным участием различных типов знания, принципов и факторов в процессе их формирования. В частности, многие современные исследования языковых категорий преимущественно ориентированы на коллективное, а не индивидуальное знание, и соответственно – на изучение общих процессов концептуализации и категоризации и, прежде всего, процессов естественной категоризации, т.е. категоризации естественных, чувственно воспринимаемых объектов. Индивидуальные способы концептуализации и категоризации

в их взаимодействии с коллективным знанием как определенный способ его интерпретации остаются при этом малоизученными. В отличие от естественной категоризации объектов этот тип познавательного процесса обозначен нами как **оценочная категоризация**. Остановимся подробнее на некоторых его специфических особенностях.

Вернемся для начала к одному из основных постулатов современной когнитивной лингвистики, который уже приводился выше. Он гласит, что мир вокруг нас не хаотичен, а определенным образом структурирован за счет тех черт сходства и различия, которые обнаруживают составляющие его предметы и события. Это позволяет нашему сознанию классифицировать и представлять знания о мире в виде системы категорий – категорий предметов и событий, а также категорий соответствующих слов, их обозначающих. Иначе говоря, естественная категоризация предметов и событий окружающего мира основывается на сходстве или различии их физических и функциональных характеристик, которые находят свое отражение и в семантике используемых для их обозначения слов.

Между тем, человек не является пассивным созерцателем окружающих его вещей и явлений. Он постоянно взаимодействует с ними, вовлекает их в разнообразные физические и умственные операции, выступает активным участником описываемых в языке событий, тем или иным образом влияет на них. Отсюда различные объекты, их многочисленные характеристики, как и происходящие в мире события, также могут различаться по их воздействию на человека. В результате создается индивидуальная, субъективная оценка каждого их них, и в зависимости от этой оценки человек также группирует предметы и события в определенные категории.

В этом случае и возникает необходимость говорить об оценочной категоризации, которая часто носит индивидуальный характер и базируется на сходстве воздействия объектов и их характеристик на человека, на сходстве и подобии, приписываемом объектам посредством метафорического или метонимического сравнения. Исходя из этого, можно определить оценочную категоризацию как **мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией, или группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории**. В статическом плане оценочная категоризация – это система оценочных категорий.

В данном контексте особенно важным представляется проблема формирования оценочных категорий, их структура и содержание.

Специфика оценочных категорий позволяет говорить об особом формате языкового знания, возникающем в пространстве языка и вне этого пространства не существующем. В этом заключается **главная отличительная особенность оценки** – ее внутриязыковая природа и, как следствие, связь с конкретным индивидом или языковым сообществом, т.е. ее антропоцентричность. Напомним еще раз, что в окружающем нас мире нет хороших или плохих вещей в абсолютном смысле. Они выделяются как таковые только в сознании человека, с точки зрения человека и только с помощью и на основе языка. Это, в свою очередь, с необходимостью предполагает, что в сознании человека существует отдельная система оценочных концептов и категорий, обеспечивающая оценочную интерпретацию полученных знаний о естественных предметах и явлениях.

Воспользуемся известным определением когнитивной деятельности в формулировке У. Найссера как активности, связанной с приобретением, организацией и использованием знания [Найссер 1981]. С этой точки зрения оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию следует понимать как познавательную активность особого рода, в которой в полной мере проявляется то, что Е.С. Кубрякова назвала способностью человека "видеть мир и осмыслять его в различных ипостасях и проявлениях" [Кубрякова 2004: 17].

Специфика этих познавательных процессов оценочного характера заключается в том, что они направлены на поиск и выделение определенных (дополнительных, утилитарных, с точки зрения человека) характеристик в уже познанном объекте. Это – **интерпретация полученных знаний, вторичная концептуализация и вторичная категоризация в рамках другой системы координат: системы мнений, оценок, ценностей, стереотипов**. Эту интерпретацию осуществляет человек как отдельный индивидуум (личная оценка) или как член конкретного сообщества (общепринятая, коллективная оценка), оперируя уже существующими, вербализованными концептами.

Данное утверждение порождает закономерный вопрос о принципах организации данных категорий: насколько они повторяют или отличаются по структуре от категорий естественных объектов и других модусных категорий. Свойственна ли им та же прототипическая структура, которая обнаруживается у естественных категорий, и если да, то какова природа оценочных прототипов и какие элементы образуют периферию оценочных категорий.

Вероятно, природа и структура оценочных категорий в большей степени определяется системой коллективных и индивидуальных ценностей человека, его восприятием мира, что становится особенно очевидным в процессе использования языка в естественной коммуникации. Это также дает основание говорить о двух типах категоризации – в системе языка и в речи, о которых речь шла выше. Напомним, первый тип – **системная категоризация** – отражает наши знания о мире так, как они зафиксированы в значениях языковых единиц, включая коллективную оценку предметов и событий. Второй тип – **функциональная категоризация** – предполагает различного рода шкалирование и оценку, необходимые для формирования суждений и высказываний в процессе обработки поступающей информации. Именно в этом случае в большей степени и возникает необходимость говорить об **оценочной категоризации**. Соответственно и категории, которые мы формируем или с которыми мы соотносим конкретные предметы и события в речи, равно как и их возможные прототипы, не могут не отличаться по своей структуре и содержанию от тех категорий, которые формируются в нашем сознании на основании принципов естественной категоризации мира.

Активная роль человека в познании проявляется в частности в том, что в основе динамического процесса категоризации как мысленного соотнесения объекта с конкретной категорией и присвоения этому объекту имени данной категории лежит сравнение объектов с определенным эталоном – наилучшим образцом категории или с содержанием соответствующего концепта. При этом между объектами сравнения всегда стоит человек как отдельный индивид, социальная группа или целое языковое сообщество. Вхождение того или иного объекта или события в мир жизни человека и порождает их сравнение и оценку. Параметры сравнения могут быть связаны с физическими свойствами, присущими самим объектам, и потому иметь преимущественно объективный, логический характер или могут быть основаны на субъективном, личном опыте, знании, мнении или отношении человека. Во втором случае имеет место субъективная, личностная оценка качеств рассматриваемого объекта и соответственно – субъективно-оценочная категоризация.

Специфика оценочной категоризации и ее основные отличия от естественной категоризации заключаются в том, что в основе этих

двух процессов лежат разные способы восприятия и осмысления окружающего мира: естественная и ценностная картины мира соответственно, физический мир и его идеализированная модель, а также дифференциация коллективного, универсального и личного, индивидуального опыта и знаний человека. Оценочная категоризация, по существу, представляет собой результат пересечения или наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия окружающего мира – буквальную, физическую и ценностную, идеальную, т.е. результат переосмысления окружающего мира с позиций ценностных концептов и категорий. Другими словами, тот или иной объект не причисляется к какой-либо естественной категории в результате соответствующей оценочной номинации, его онтологический категориальный статус при этом не анализируется: назвав конкретного человека медведем, мы не причисляем его к разряду животных. Ему лишь приписывается соответствующее положительное или отрицательное качество или характеристика, свойственные названной категории.

Это определяет внутреннюю структуру и специфику формирования оценочных категорий, в которые могут объединяться случайные по отношению друг к другу, но сходные по воздействию на человека элементы. В осуществлении естественной категоризации первичны сами объекты окружающего мира, и одни из них – лучшие образцы – выступают в качестве опорных точек, или прототипов. Они отличаются, прежде всего, психологической выделенностью, а их концепты (чаще – предметно-чувственные образы) определяют состав и содержание соответствующей категории естественных объектов. ***При оценочной категоризации точкой отсчета является человек и его шкала ценностей***. Первичны в этом случае сами оценочные концепты (ХОРОШИЙ – ПЛОХОЙ, НРАВИТСЯ – НЕ НРАВИТСЯ и т.п.), которые и задают состав и структуру оценочной категории.

Из всего вышесказанного следует, что оценочная категоризация в большей степени носит интерпретирующий, антропоцентрический характер. Она ориентирована на систему ценностей, общих и частных оценок, мнений, установок, стандартов, которые служат базой для формирования аксиологических категорий и соответствующей классификации объектов в языке. Например, прилагательные *молодой* и *старый*, помимо собственно констатации возраста, в сочетании с другими словами, в семантике которых имеется указание на определенную

функцию или качество, могут приобретать ярко выраженный оценочный характер. Ср.: *молодой парень / человек / сосед / попутчик / студент*, но: *молодой врач – молодой учитель – молодой ученый – молодой спортсмен – молодой директор – молодое вино – молодой для чего-либо – еще молодой* и т.д., и: *старый человек / врач / учитель*, но: *старый попутчик – старый товарищ – старый спортсмен – еще не старый – старое вино* и т.д. При этом, как следует из примеров, исходная семантическая оппозиция между этими словами при оценочной категоризации обычно не сохраняется: *молодой сосед, старый учитель* (констатация возраста) – *молодой учитель, старый сосед* (оценка качества).

Часто формирование особого, оценочного смысла базируется на принципе концептуальной интеграции (см. подробнее выше), что подтверждает факт существования в нашем сознании отдельно оценочных категорий. Появление этого особого смысла диагностируется невозможностью его сохранения в результате предикативных преобразований типа: *иностранное слово – слово иностранное*, ср.: *живое слово – *слово живое*, *старый друг ≠ друг старый*, т.е. невозможностью образования категорий пропозиционального типа (в соответствии с классификацией Дж. Лакоффа [Lakoff 1990]).

То, что эти категории обнаруживают собственную структуру, содержание и принципы организации, следует из тех ограничений, которые они устанавливают в отношении членства и, соответственно, в отношении использования категориальных названий. Ср.: *старый дом*, *старые стены*, *старая книга*, но: *?молодой дом*, *?молодые стены*, *?молодая книга* и т.д. Слово *молодой* (и репрезентируемая им оценочная категория), вероятно, предполагает наличие определенной перспективы или стадий развития, роста или созревания. Отсюда: *молодая газета*, *молодой город*, *молодой завод*, *молодой лес*, *молодая луна* и т.п. Поэтому оно не сочетается со словами, обозначающими неизменный в своем состоянии объект, конечный продукт или результат: **молодая дверь*, **молодой забор*, **молодое масло* и т.д.

Говоря об оценочных категориях, необходимо различать два существенно разных понятия и **два типа** категорий, репрезентирующих разные типы знания и объекты интерпретации: оценочное знание о неязыковых объектах внешнего мира – **собственно оценочные категории**, и знание о единицах языка, выполняющих определенную

оценочную функцию – **категории оценочных слов***. Собственно оценочные категории формируются в сознании человека на основе языка (задаются семантикой конкретного слова, которое служит названием данной категории) и объединяют любые объекты окружающего мира по типу и характеру их оценки. Категории оценочных слов объединяют языковые единицы по сходству их оценочной (интерпретирующей) функции, заложенной в их семантике и/или реализующейся в определенном контексте.

В первом случае мы, например, говорим о хороших или плохих вещах, о полезных или бесполезных предметах, о том, что нам нравится или не нравится в окружающем нас мире: *хорошие/плохие книги*; *приличные/неприличные люди*; *приятные/неприятные поступки*; *полезные/бесполезные вещи* и т.п. Во втором – речь идет о всей совокупности языковых единиц, используемых для оценки предметов и явлений соответствующей тематической области, например, слова, характеризующие положительно или отрицательно внешний вид, характер, способности или поступки человека: *хороший/плохой*, *добрый/жадный*, *приятный/противный*, *красивый/безобразный*, *умный/глупый*, *опрятный/неряшливый*, *разумный/легкомысленный* и т.д.

Формирование оценочных категорий происходит на основе соответствующей интерпретации характеристик объекта, задаваемой названием категории. Категории оценочных слов формируются в результате интерпретации семантических и функциональных характеристик слов. В этом заключается **принципиальное отличие двух типов категорий**, которое проявляется в их структуре и содержании, а также в самих принципах их образования.

В основе данного отличия лежат **разные процессы категоризации**, разные по своей направленности и, соответственно, по объектам, целям и основаниям категоризации, а также по составу самих катего-

---

* Типичной ошибкой многих исследователей является объединение в одну категорию и самих объектов или их характеристик и слов, их обозначающих, что проявляется в смешении онтологии и гносеологии, семантического (языкового) и когнитивного уровней анализа. В частности, например, у слова *воробей* нет ни клюва, ни крыльев, ни оперения, и оно не откладывает яйца (признаки обозначаемых реалий), а есть семантические и функциональные характеристики, свойственные языковым единицам (значение, сочетаемость, грамматические формы и т.д.), которые могут быть похожими или отличаться от аналогичных характеристик других слов того же языка, но не реалий.

рий. Объектами оценочной категоризации, направленной на окружающий мир, и членами собственно оценочных категорий становятся неязыковые объекты. Они могут объединяться по разным критериям и, как следствие, одновременно оказываться членами разных, в том числе противоположных, категорий (см. рис. 1).

Рис. 1

Например: *красивое и дорогое пальто*; *красивое, но дорогое пальто*; *привлекательный на вид плод, но неприятный на вкус или запах*; *хороший снаружи, но порченый внутри*; *хороший человек, но плохой актер*; *умный, но дурак* и т.п. Об этом свидетельствует и сам способ языкового представления разных характеристик одного и того же объекта – сочинительный или разделительный (противительный) союз соответственно. Именно в этом случае имеет место собственно оценочная категоризация как познавательный процесс (см., например, исследование оценочной категоризации интеллектуальных способностей человека на материале современного английского языка в диссертации: [Кравцова 2008]).

Категории и категоризация оценочных слов, имеющие внутриязыковую направленность, напротив, ничем практически не отличаются от категорий и процессов категоризации любых других лексических единиц и в строгом смысле оценочными категориями не являются. Оценочные слова, как и другие лексические единицы (а оценка, как правило, выражается лексически), связаны преимущественно с определенной интерпретацией знаний о мире, его онтологии, а не языка. Поэтому одно и то же слово по своей исходной семантике и номинативной функции не может быть членом разных по характеру оценки категорий: категорий слов положительной (*хороший*, *краси-*

вый, *удобный*, *привлекательный*, *умный*) или отрицательной (*плохой*, *неудобный*, *неприятный*, *порченый*, *глупый*) оценки. В то же время в конкретном, строго заданном контексте такое слово способно выполнять противоположную функцию или функцию усиления противоположного признака, размывая границы категорий и создавая всевозможные переходные, периферийные зоны: *талантливый мошенник*; *удобный своими взглядами человек*; *самодовольный красавец*; *милый лжец*; *приятная усталость*; *радость со слезами на глазах* и т.п. (см. рис. 2).

Рис. 2

По своей сути, **оценочные слова являются средством оценочной концептуализации и оценочной категоризации мира в языке**, поскольку в их семантике отражены дополнительные знания интерпретирующего характера, т.е. отражена вторичная, а не первичная реальность. В силу этого они могут объединяться в модусные по своему статусу языковые категории. Более того, каждое оценочное слово, передавая определенный оценочный концепт, может служить языковой основой (и обозначением) соответствующей оценочной категории (см. подробнее об именах категорий как прототипах в языковой репрезентации знаний в: [Болдырев 2007; 2007а]). При этом группировка самих этих слов к формированию собственно оценочных категорий не приводит. Это означает, что оценочные категории и категории оценочных слов относятся к двум принципиально разным типам категорий внутри общей системы модусной категоризации.

Все сказанное позволяет заключить, что оценочные категории и категории оценочных слов имеют **разное концептуальное** основание. Другими словами, в основе формирования данных категорий лежат разные по содержанию концепты. Концепты оценочных категорий включают определенные характеристики и свойства неязыковых

объектов, в то время как концепты категорий оценочных слов, как и другие лексические категории, включают характеристики слов определенной оценочной семантики, выполняющих сходную номинативную и интерпретирующую функции. Это обусловливает и главное **структурное отличие** между двумя типами категорий, которое проявляется в принципах их формирования и организации.

Структурная специфика категорий оценочных слов проявляется в их **многофокусной организации**. В качестве основного фокуса данных категорий выступают их ядерные элементы как прототипические средства реализации соответствующей интерпретирующей функции. Роль других фокусов категории выполняют элементы, выражающие соответствующие полюса оценки: крайне положительный или крайне отрицательный. Это обусловливает группировку элементов категории в отношении одновременно двух фокусов: реализуемой функции и степени выражения положительной или отрицательной оценки. Например, в категории слов, связанных с оценкой погоды, прототипическими средствами выражения являются прилагательные *плохая* и *хорошая* соответственно, а крайние полюса оценки представлены прилагательными *мерзкая*, *отвратительная* и *прекрасная*, *чудесная*, *великолепная* (см. также рис. 3, иллюстрирующий структуру категории слов, используемых для оценки книг в английском языке).

Рис. 3

Категории оценочных единиц, как и лексические категории, как правило, имеют инвариантно-вариантный принцип организации, когда название категории (например, *положительная оценка человека*) служит главным критерием категориальной принадлежности и повторяется в качестве инварианта в семантике каждого элемента категории (варианта) (см. подробнее: [Болдырев 2006]). В структуре данных категорий с учетом дискурсивного фактора могут также выделяться прототипические (ядерные) и непрототипические (периферийные) средства выражения оценки в рамках определенных тематических областей. Это также означает, что категории оценочных слов демонстрируют определенную тематическую закрытость, или фиксированную денотативную соотнесенность в зависимости от уровней категоризации (см. ниже).

В роли прототипических средств категорий оценочных слов выступают лексические единицы, которые выполняют данную функцию в своем первичном значении. В роли непрототипических – единицы, реализующие оценочную функцию в своих вторичных значениях (контекстуально), а также различные грамматические средства (аффиксы, сложные слова, синтаксические, например сравнительные, конструкции). При этом прототипические средства могут служить основой для формирования соответствующих собственно оценочных категорий ("красивые люди", "умные люди", "добрые люди" и т.д.). Непрототипические средства, как правило, таких категорий не образуют, ср.: *?"красивые как Апполон люди", *?"якобы умные люди", *"Какие умные!", *?"как будто вредные вещества", что и подчеркивает их вторичный, периферийный статус.

Оценочные категории обнаруживают сложную структуру, обусловленную комплексным участием различных принципов и факторов в процессах их формирования. В основе данных категорий лежат всевозможные оценочные концепты разного уровня абстракции, которые определяют их структуру и содержание, например: ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, ПОЛЕЗНЫЙ, НЕНУЖНЫЙ, УМНЫЙ, СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ, УТОНЧЕННЫЙ и т.д. Специфика оценочных, как и всех модусных, концептов заключается в их содержательной неопределенности, обусловленной зависимостью от других, конкретных концептов и концептуальных структур, которые подвергаются оценке, т.е. в их

содержательной релятивности*. Не обладая собственной информацией о мире, они приобретают определенное содержание, только будучи соотнесены с другими концептами или концептуальными структурами, которые выполняют роль области их определения. Только в единстве с этими структурами они приобретают конкретную интерпретацию: *хорошая дорога* – 'ровная, с прочным покрытием, удобная для поездок'; *хороший автомобиль* может означать 'большой, дорогой, надежный, престижной марки, мощный', а *хороший гараж* – 'большой, вместительный, теплый, дорогой, расположенный в удобном месте' и т.д.

Зависимость от других концептуальных структур, их **релятивность** является общей характерной особенностью всех модусных концептов и категорий: не существует отрицания, плохой или хорошей оценки, эвиденциальности, экспрессивности, определенности или неопределенности и т.д. безотносительно к чему-либо, т.е. самих по себе. Они приобретают конкретную значимость только на фоне или в контексте того или иного концептуального содержания, и в этом проявляется их модусный, рамочный характер. Отражая способы интерпретации знаний человеком, **модусные концепты и категории закрепляют механизмы этой интерпретации в системе языка в виде определенного формата знания**.

Соответственно общие оценочные категории типа "хороший", "плохой" в плане их структурной организации подобны мозаике (см. рис. 4, на котором в качестве иллюстрации мозаично представлена оценочная категория "Good" в современном английском языке). Основным принципом их построения является "семейное сходство", при котором невозможно выделить инвариант или прототип всей категории, в которую попадают и *хороший* (или *плохой*) *автомобиль*, и *хороший/плохой чемодан*, и *хорошая/плохая погода*, и *хороший/плохой поступок* на основе общего инвариантного отношения к ним человека. Причем это отношение может быть конкретизировано в виде опре-

---

* Содержательная релятивность элементов категорий оценочных слов, напротив, всегда задана той тематической областью, для оценки которой используются соответствующие слова (см. ниже). Поэтому они в большей степени семантически самодостаточны и в меньшей степени отличаются содержательной неопределенностью, т.е. в меньшей степени требуют дополнительных уточнений, сравните: *интересная книга*, *дешевый автомобиль*, *веселый праздник* и т.д.

деленной качественной (*прочный/непрочный*), количественной (*маленький/большой*) или функциональной (*удобный/неудобный*) характеристики или в виде эмоциональной реакции человека: *приятный/неприятный* (см. также об оценочных категориях Good и Bad в современном английском языке в диссертации: [Гаврилова 2005]).

Рис. 4

В то же время каждая из субкатегорий, входящая в общие категории "хороший" или "плохой": *хорошие или плохие вещи*, *хорошие или плохие люди*, *хорошие или плохие поступки*, *хорошие или плохие транспортные средства* и т.д., – может строиться по инвариантно-вариантному, прототипическому или другому типу в зависимости от природы оцениваемой сущности. В этом проявляется **структурная зависимость оценочных категорий**, строение которых во многом повторяет принцип организации исходной, оцениваемой категории.

Если оценка направлена, например, на естественную категорию или базовые концепты, то и соответствующая оценочная категория, как и объект оценки, будет предположительно иметь прототипическую структуру. При этом прототипы естественной и положительной оценочной категорий, как отмечалось выше, могут частично или полностью совпадать по своим основным параметрам, особенно в тех случаях, когда в виде прототипа выступает некий стереотип или иде-

ал: прототип чемодана – он же хороший (идеальный) чемодан. Напротив, прототип категории отрицательной оценки ("плохой чемодан") в этом случае будет ассоциироваться с периферией соотносимой категории естественных объектов.

Данное положение меняется относительно одушевленных объектов. Если в прототипическом представлении о человеке акцент делается на его внешних, анатомических характеристиках, то представления о прототипическом хорошем или плохом человеке, скорее, фокусируют его внутренние, душевные качества, идеализируемые в том или ином обществе или общественной группе. Сравните сомнительность выделения категории *?хорошая птица*, – где само сочетание может быть использовано, скорее, в дискурсе для оценки конкретного элемента категории, как и *хороший соловей, воробей, пингвин*. При этом единичные объекты, не образующие естественных категорий, не образуют и оценочных категорий: **хороший Саша*, **хорошая Таня* и т.д., но могут входить в категории более высокого порядка: *Ваня – хороший* (*человек*), что также подтверждает зависимый характер оценочных категорий.

Ситуация еще более усложняется, когда речь заходит об абстрактных и событийных сущностях или природных явлениях, среди которых могут быть и инварианты, и прототипы, и объединения по принципу семейного сходства. Так, трудно говорить об инвариантах или прототипах категорий "поступок", "погода", "культура" или "наука". Однако можно выделить инвариантную характеристику, например, хорошего или плохого поступка – 'приносящий пользу или наносящий вред окружающим', установить центральные характеристики прототипа хорошей или плохой погоды в зависимости от времени года: 'наличие солнца, ветра, дождя или снега, высокая или низкая температура' и т.д. В то же время оценка культуры или науки по этому принципу представляется мало вероятной даже в специфическом контексте. Последнее подтверждается необходимостью конкретизации области референции для слова *культура* (например: *хорошая культура общения*), а также переосмыслением самого слова *наука* в сочетании с прилагательными общей оценки: *Это будет для нее хорошей наукой*. В основе этого переосмысления лежит рассмотренный выше когнитивный механизм концептуальной интеграции, который приводит к формированию нового смысла, не сводимого к сумме значений интегрируемых единиц.

В основе формирования оценочных категорий, как и всех модусных категорий в целом, также лежит определенное взаимодействие коллективного и индивидуального знания. Так, наличие прототипов и инвариантов в оценочных категориях основано на коллективном знании центральных, субстанциональных характеристик оцениваемых объектов и явлений, на существовании определенных идеалов, норм, стереотипов в обществе. При совпадении предмета мысли с коллективной или общественной оценкой в виде оценочного прототипа, инварианта, нормы или стереотипа сами оцениваемые характеристики обычно не называются, т.е. оцениваются гештальтно: *хороший автомобиль*. Если говорящий вкладывает в содержание оценочного концепта индивидуальную (и потому периферийную) характеристику, то она, как правило, получает отдельное обозначение: *хороший, надежный автомобиль*. В этом также раскрывается интегративная специфика формирования оценочных категорий, которые не равны по своему содержанию исходной категории плюс соответствующая оценка.

Мозаичный характер оценочных категорий, как и сам процесс их формирования на уровне обыденного сознания, достаточно иллюстративно представлен в известном стихотворении В. Маяковского "Что такое хорошо и что такое плохо?". Как утверждает поэт, **ПЛОХО**: *если ветер крыши рвет, если град загрохал, если сын чернее ночи, если бьет дрянной драчун слабого мальчишку, если ты порвал подряд книжицу и мячик* и т.д., а **ХОРОШО**: *если солнце в целом свете, если мальчик любит мыло и зубной порошок, защищает тех, кто меньше ростом, любит труд, моет сам галоши* и т.д. В результате, в одну оценочную категорию объединяются и природные явления, и поступки, и черты характера, получающие соответствующую интерпретацию. Специально подчеркивается и относительный характер оценочной категоризации: *для прогулок плохо, очень хорошо и большим и детям*.

Множество принципов организации оценочных категорий, их структурные различия связаны во многом с уровнями оценочной категоризации. Как отмечалось в соответствующем разделе курса, в настоящий момент в лингвистике (вслед за психологами) принято различать три основных уровня категоризации (см.: [Lakoff 1990; Rosch 1973]), которые, на наш взгляд, свойственны и процессам оценочной категоризации. Это: **базовый, суперординатный (вышестоящий) и субординатный (нижестоящий) уровни** (см. рис. 5). При этом ведущим и исходным уровнем считается базовый. При выборе названия

для какой-либо вещи люди из целого ряда возможных имен выбирают то, которое помещает эту вещь в категорию именно базового уровня (см.: [Кубрякова и др. 1996: 14]).

Рис. 5

Применительно к оценочной категоризации выделение категорий базового уровня связано с оценкой постоянных, конститутивных характеристик объектов, основанных на коллективном знании. В отношении человека это, например, оценка его внешности, моральных качеств, умственных способностей: выделение категорий красивых, добрых, умных людей.

Оценочные категории суперординатного уровня формируются на основе общей оценки объектов безотносительно конкретной оценки их постоянных или переменных характеристик: "хорошо" – "плохо", "нравится – не нравится" и т.п. Это определяет их открытость в плане включения различных типов объектов, т.е. денотативную открытость и, как следствие, мозаичность построения. Не случайно, в качестве названий данных категорий чаще всего используются наречия и глаголы, которые отличаются наиболее широкой сочетаемостью в предикативной функции, поскольку сами оценочные категории этого уровня обобщения представляют собой, скорее, категории пропозиционального типа (в соответствии с классификацией Дж. Лакоффа [Lakoff 1990]).

На субординатном уровне оцениваются переменные характеристики объекта и их конкретные проявления: категории, например, изысканных или щедрых или проницательных людей. Это, напротив,

обусловливает определенную денотативную ограниченность оценочных категорий этого уровня, закрытость и фиксированность их границ, связанные с более конкретным характером семантики обозначающих их слов (ср.: *?изысканный дуб, *проницательный стол).

Денотативная ограниченность и, как следствие, тематическая закрытость оценочных категорий субординатного уровня в отличие от категорий базового и суперординатного уровней объясняет тот факт, что классы слов (категории оценочных слов), используемых для оценки тех или иных тематических областей, сближаются по своей структуре с фиксированными таксономиями (см. рис. 6, на котором представлены слова с широкой и наиболее ограниченной референцией).

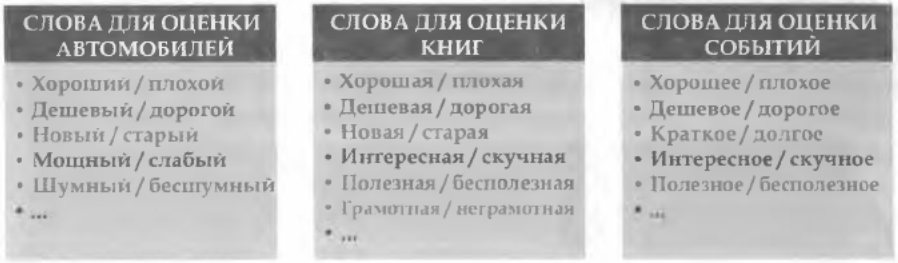

Рис. 6

Прототипические эффекты, и это полностью соответствует ключевым положениям теории прототипов, обнаруживают, в основном, **оценочные категории базового уровня**. Категории других уровней могут преимущественно строиться по принципу "семейного сходства" (суперординатный уровень) или инвариантно-вариантному, прототипическому или другому принципу (субординатный уровень) в зависимости от природы оцениваемых объектов. Сами процессы категоризации носят разнонаправленный характер (см. рис. 7): от базового уровня постоянных, конститутивных характеристик в сторону обобщения, отвлечения от этих признаков (суперординатный уровень) или – в сторону их конкретизации, индивидуализации посредством переменных характеристик (субординатный уровень).

Рис. 7

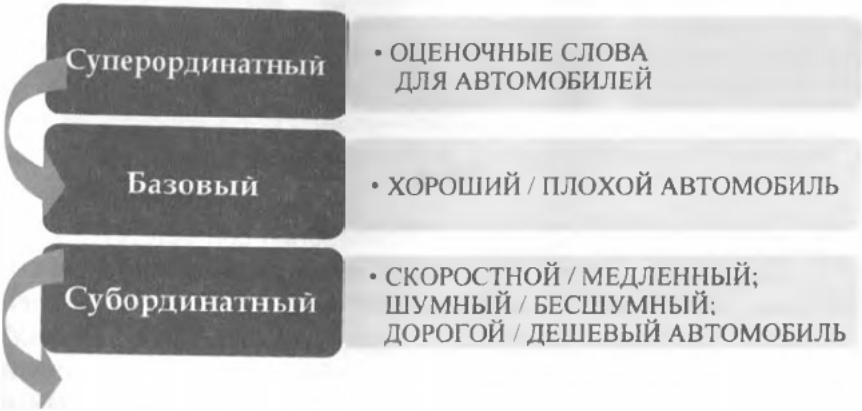

Рис. 8

Категории оценочных слов, как правило, обнаруживают инвариантно-вариантную, полевую (ядерно-периферийную) структуру на всех уровнях категоризации. При этом процессы категоризации имеют однонаправленный характер (см. рис. 8): от инварианта (суперординатный и базовый уровни) – к вариантам (базовый и субординатный уровни соответственно). Это проявляется в том, что в дефинициях слов каждого нижестоящего уровня повторяются инварианты выше-

стоящих уровней как обозначения категорий и соответствующих иерархических зависимостей между ними.

Таким образом, активная роль человека в познании окружающего мира находит свое отражение, в том числе, в существовании в нашем сознании и в языке статической системы оценочных категорий, а также в осуществлении динамических процессов оценочной категоризации в речи, обеспечивающих формирование соответствующих оценочных значений и смыслов. Оценочные категории, передавая вторичные знания как результат определенного способа интерпретации человеком первичных знаний о мире, закрепляют механизмы этой интерпретации в системе языка в виде определенного формата знания.

Как формат знания **оценочные категории характеризуются**: 1) **внеязыковой направленностью**, объединяя различные объекты окружающего мира по характеру их оценки, 2) **структурной и содержательной релятивностью**, т.е. проявляют зависимость от области своего определения (оцениваемых концептуальных структур), 3) **концептуальной интегративностью формирования** (концептуально-языковая природа, взаимодействие интерпретируемого концептуального содержания с содержанием оценочных языковых единиц по принципу концептуальной интеграции), 4) **многообразием принципов организации**, которое связано с 5) **определенной уровневой принадлежностью**.

Названная специфика дает основание дифференцировать оценочные категории от **категорий оценочных слов**, которые обнаруживают следующие отличительные **характеристики**: 1) **внутриязыковая направленность**, охватывают языковые единицы оценочной семантики **с единой интерпретирующей функцией**, 2) **определенная закрытость границ**, обусловленная **ограниченной референтной соотнесенностью**, 3) **инвариантно-вариантный принцип организации**, 4) **многофокусность структуры**, языковые единицы группируются не только по принципу "центральности – периферийности", но и в отношении разных полюсов оценки, 5) **единство категориальной принадлежности**, объединяют оценочные слова всех уровней обобщения в единую категорию.

Существование модусных категорий в целом также подтверждает один из главных постулатов прототипического подхода о градации выделяемых характеристик по степени их значимости для той или иной категории. Причем эта градация в отношении модусных категорий определяется не только признаками центральности (субстанцио-

нальности, обязательности) или периферийности (факультативности), но и признаками объективности (коллективности) и субъективности (индивидуальности).

Суммируя все вышесказанное о процессах категоризации, необходимо отметить, что сообразно онтологическому треугольнику "мир – человек – язык" все многообразие языковых категорий как форм репрезентации знаний можно свести к трем основным типам, представляющим собой три модели категориального видения мира, **три системы языковой категоризации**: лексическая, грамматическая и модусная. **Лексическая система** передает знание о мире как таковое. **Грамматическая система** репрезентирует знания о мире в соответствии с законами вербальной коммуникации, т.е. адаптирует их к грамматическому строю того или иного языка. **Модусная (интерпретирующая) система** интерпретирует знания о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы человека.

Лексические категории воспроизводят в языке знание категорий естественных объектов, т.е. онтологическую модель категоризации мира и потому могут считаться аналоговыми, или логическими. Соответственно лексические категории, передающие знания о мире, а не о языке, в строгом смысле собственно языковыми категориями не являются и строятся преимущественно по инвариантно-вариантному принципу. В них реализуется когнитивная, гносеологическая функция языка и мышления.

Грамматические и лексико-грамматические (явная и скрытая грамматика) **категории** раскрывают онтологическую модель языка, категориальный принцип его организации, т.е. категоризацию языковых единиц как естественных для языка объектов, и потому организованы на основе прототипического принципа. Данные категории обеспечивают реализацию главной для языка функции – коммуникативной.

Модусные категории по своей природе связаны с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией и отражают интерпретативную модель мира. Они объективируют способы интерпретации знаний человеком и закрепляют механизмы этой интерпретации в системе языка, обеспечивая реализацию его интерпретирующей функции. Модусные категории имеют зависимый от других концептуальных сущностей, релятивный характер и в своей структуре обнаруживают сочетание разных принципов организации.

3. Функционально-семиологический подход. Прототипическая семантика глагола

Необходимость исследования процессов функциональной категоризации слова в высказывании, обеспечивающих формирование и передачу необходимых смыслов, о чем речь шла выше, потребовало разработки специального подхода, учитывающего специфику формирования значения знака (семиозиса) в момент выполнения им своей функции, т.е. в момент построения высказывания. Соответственно данный подход был назван нами функционально-семиологическим (см. подробнее: [Болдырев 1994; 1995]). Использование определенного научного подхода в исследовании какого-либо объекта предполагает выбор конкретной системы взглядов на этот объект, его природу и основные свойства, что создает исходную теоретическую и методологическую базу исследования, служит отправным моментом и главным ориентиром при его изучении. Применительно к языку это та или иная трактовка центральных проблем языкознания: о природе языка, о значении слова, о взаимодействии лексики и грамматики, семантики и синтаксиса, языковых и неязыковых знаний, о структуре и принципах формирования языковых категорий и т.д.

Сущность **функционально-семиологического подхода** раскрывают следующие основные его положения и теоретические установки:

– ***объектом конкретных лингвистических исследований является "язык-речь"***, представляющий собой онтологически единый объект, который обладает структурной и функциональной целостностью, что обязательно должно учитываться при выделении и изучении отдельных аспектов, единиц или уровней данного объекта;

– ***значение слова едино, это обычно то значение, которое принято называть главным***; оно репрезентирует в системе языка и активизирует в речи соответствующий концепт, на базе которого формируются различные функциональные смыслы, существующие только в рамках определенных контекстов; при этом каждый функциональный смысл уникален по своему содержанию и формируется как бы заново, а не воспроизводится в готовом виде. Соответственно ***системные знания языка включают знание главных значений и принципов и механизмов формирования функциональных смыслов***;

– значение слова отражает его лексическую и грамматическую категоризацию в системе языка (см. выше); **функциональное осмыс-**

ление слова (его функциональный смысл) связано с функциональной категоризацией этого слова; при этом под категоризацией слова понимается его соотнесение с определенной языковой категорией (лексической, грамматической или лексико-грамматической), репрезентирующей соответствующую концептуальную категорию;

– в основе функциональной категоризации лежит взаимодействие системного значения слова и его функционального осмысления, которое базируется на следующих принципах: **актуализация, перекатегоризация, поликатегоризация, импликация, грамматизация** и т.д. Реализация этих принципов обеспечивается действием различных **языковых факторов (механизмов) лексического и грамматического характера**: лексического и грамматического значений слова, его позиции в высказывании, структуры самого высказывания, ближайшего лингвистического контекста в виде лексических и грамматических значений связанных с этим словом других элементов предложения. Тем самым функциональная категоризация – это многофакторный процесс, в рамках которого обеспечивается взаимодействие лексики и грамматики, лексической и грамматической категоризации, взаимодействие семантики и синтаксиса, языковых и неязыковых знаний;

– **многофакторность функциональной категоризации слова обусловлена интегративным характером формирования смысла высказывания**, который представляет собой результат взаимодействия всех элементов высказывания в рамках его конкретной грамматической структуры. При этом за единицу высказывания принимается предложение (как структурная схема, пропозиция), выделяемое в составе текста или дискурса, т.е. предложение-высказывание как самостоятельная лингвистическая единица функционального уровня, принадлежащая одновременно языку (как функционирующей системе) и речи (тексту, дискурсу);

– языковые категории, как и другие концептуальные категории, могут обнаруживать прототипические эффекты, т.е. прототипический принцип организации;

– **когнитивный механизм функциональной категоризации слова заключается в реализации концептуальных характеристик соответствующей категории**, ее прототипических характеристик.

Ряд этих положений, имеющих отношение к системной и функциональной категоризации языковых единиц, были рассмотрены выше, поэтому поясним лишь некоторые из них. В частности, **функцио-**

нально-семиологический подход предполагает, что формирование смысла высказывания обеспечивается конкретными языковыми механизмами, а именно: использованием определенных слов в той или иной грамматической форме и их определенным сочетанием в рамках определенных синтаксических структур. В результате действия этих механизмов реализуются конкретные характеристики передаваемого концепта, на основе которых и формируется соответствующий смысл. Следовательно, **использование функционально-семиологического подхода позволяет выявить, какие концептуальные характеристики лежат в основе формирования конкретного смысла высказывания и за счет каких языковых механизмов это обеспечивается**, т.е. исследовать процессы функциональной категоризации и формирования смысла высказывания в когнитивном и языковом аспектах, выявить механизмы взаимодействия когнитивных и языковых структур. В качестве концептуальных характеристик, обеспечивающих реализацию необходимых смыслов, могут рассматриваться прототипические характеристики языковых единиц – их прототипическая семантика. При этом понятие **"прототипическая семантика" предполагает и само концептуальное содержание, передаваемое значением языковой единицы, и метод его описания**.

Рассмотрим возможности использования методологических принципов функционально-семиологического и прототипического подходов в исследовании когнитивных аспектов семантики языковых единиц и механизмов формирования смысла высказывания на примере английского глагола. **Лексико-грамматическая категоризация глаголов на системном уровне** предполагает их условное деление на следующие классы, или категории: **действие, процесс, свойство, состояние, отношение**. Это означает, что в семантике каждого глагола любые события окружающего мира концептуализируются либо как действия, либо как процессы, либо как состояния и т.д. Сам термин "событие" в этом случае используется как родовой – для обозначения любого события как фрагмента реального (или мыслимого) мира независимо от способа его концептуализации в языке.

Конкретная типология глагольных лексико-грамматических категорий при этом не имеет принципиального значения и носит чисто условный характер. Она призвана лишь проиллюстрировать механизмы формирования смысла высказывания как результата той или иной функциональной категоризации глагола. Выбор именно данной схемы глагольных классов обусловлен ее наибольшей распространенностью

и повторяемостью в различных исследованиях. Некоторые ученые выделяют дополнительно к вышеназванным такие классы глаголов, как: акты, факты, поступки, положения дел и т.д. Однако все они, как представляется, в той или иной степени только детализируют или повторяют выбранную схему, не меняя ее сути, или просто используют разную систему терминов.

Как уже отмечалось выше, собственно языковые (грамматические и лексико-грамматические) категории обнаруживают прототипический принцип организации, т.е. в них выделяются центральные (прототипические) и нецентральные (периферийные) элементы. Центральный элемент категории, ее самый яркий представитель, прототип характеризуется наибольшим количеством свойств, присущих данной категории, и, естественно, наименьшим числом свойств, характеризующих другую категорию. Соответственно он обнаруживает больше общих характеристик с членами "своей" категории, чем с членами другой категории, и в наибольшей степени отличается от прототипа другой категории. Другими словами, прототип отражает содержание данной категории в наиболее "чистом" виде.

Вспомним также, что на ментальном уровне любые события концептуализируются в виде пропозиции, включающей в качестве основных такие элементы, как: СУБЪЕКТ, ПРЕДИКАТ, ОБЪЕКТ. На языковом уровне они представлены соответствующими элементами предложения-высказывания или имплицируются семантикой глагола, который обычно репрезентирует центральный элемент пропозиции – предикат. Соответственно к числу основных характеристик любого глагола относятся, прежде всего, те характеристики, которые определяют его связи с субъектом и объектом (при его наличии), и характеристики самого предиката (действия, процесса, состояния, отношения). Репрезентация тех или иных характеристик в семантике глагола определяет его место, степень его прототипичности или периферийности, в структуре всей категории глаголов, а реализация этих характеристик в предложении-высказывании – формирование конкретного смысла.

В качестве **прототипа категории глагола как части речи** выступают глаголы конкретного физического действия, или **акциональные** глаголы. Эти глаголы выражают события, в которых конкретный субъект-агенс совершает конкретное намеренное действие, направленное на конкретный объект-пациенс, и добивается определенного видоизменения этого объекта. Все другие глаголы располагаются на

том или ином удалении от прототипического ядра, концептуализируя события окружающего мира как **процессы** (не зависящие от энергии и воли субъекта), **свойства** (характеристики субъекта по характерным для него действиям и поступкам), **состояния** (психические и эмоциональные состояния, физические и умственные способности и т.д.) и **отношения** (различные типы логических отношений: тождество, различие, соответствие, партитивность, следование и т.д., – которые устанавливаются говорящим между теми или иными объектами материального мира).

Для того, чтобы определить концептуальные характеристики глаголов действия, необходимо проанализировать содержание концепта ДЕЙСТВИЕ, а также связанных с ним концептов СУБЪЕКТ-АГЕНС и ОБЪЕКТ-ПАЦИЕНС. Концептуальное содержание глаголов других категорий также определяется анализом соответствующих концептов: ПРОЦЕСС, СВОЙСТВО, СОСТОЯНИЕ, ОТНОШЕНИЕ, – а также связанных с ними концептов соответствующих субъектов и объектов.

Этот анализ показывает, что семантика **акциональных** глаголов определяется следующими концептуальными характеристиками, или признаками:

1) ***субъектно-ориентированными*** (т.е. ориентированными на определенный тип субъекта): *активность* (использование субъектом собственной энергии для осуществления действия), *волитивность* (наличие у субъекта определенного намерения совершить данное действие), *контролируемость* (способность контролировать процесс реализации своего намерения, т.е. получение предполагаемого результата);

2) ***объектно-ориентированным*** признаком (т.е. ориентированным на определенный тип объекта и характер воздействия на него): *конкретно-результативное воздействие* (когда достигается определенное видоизменение объекта);

3) ***аспектуально-темпоральными и качественными признаками***: *локализованность во времени* (точное указание времени действия, например: *в пять часов*), *фазовая дискретность* (делимость на фазы: начало, конец, середина действия), *кратность действия* (однократность, многократность, повторяемость), длительность. Например: *Tom was painting the fence at 5 o'clock yesterday* (*Том красил забор в 5 часов вчера*).

Процессуальные глаголы характеризуются ***псевдо-активностью*** субъекта, когда активность лишь грамматически приписывается субъекту (*The sun rose* / *Солнце встало* – солнце встает и садится только

в языке, а не в реальном мире). Чаще всего эти глаголы безобъектны. Глаголы **свойства** предполагают активность субъекта лишь гипотетически, в обобщенном виде (обобщенная, или ***генерализованная активность***) и, соответственно, обобщенное, или ***обобщенно-референтное воздействие*** на объект (*He paints houses / Он красит дома*). **Статальные** глаголы передают события, в которых активность субъекта и воздействие на объект никак не проявляются, т.е. не имеют референции (***нереферентная активность*** и ***нереферентное воздействие***: *He knew his duties / Он знал свои обязанности*). Глаголы **отношения** (релятивные глаголы) предполагают полную ***инактивность субъекта*** и абсолютную ***статичность объекта***, что допускает в том числе их симметричность и функциональную мену ролей (*She resembled her mother / Она напоминала свою мать*; *Good work deserves good pay / Хорошая работа заслуживает хорошей оплаты*; *The curtains matched the carpet – The carpet matched the curtains / Шторы подходили к ковру – Ковер подходил к шторам*).

Реализация соответствующих концептуальных характеристик в высказывании обеспечивается за счет использования определенных грамматических форм (видо-временных форм прогрессива, императива, пассива и рефлексива – для английских глаголов действия, и форм неопределенного времени – для всех других английских глаголов), употребления переходных (для глаголов действия) и непереходных (для процессуальных глаголов и глаголов свойства) синтаксических конструкций, а также безличных конструкций и конструкций с "блокирующим" объектную валентность *it*: *I thought it probable that... / Я считал это возможным, чтобы ...* (для статальных глаголов). Все эти формы выступают в качестве языковых средств реализации определенных концептуальных признаков и, соответственно, языковых механизмов формирования необходимого смысла. Например, формы прогрессива актуализируют признаки активности и волитивности в предложениях типа: *Linda is driving to the airport / Линда едет в аэропорт*, в то время как формы неопределенного настоящего эти признаки могут "погашать" и актуализировать признак генерализованной активности, как в предложении: *Linda drives well / Линда хорошо ездит* (*водит автомобиль*), и т.п.

Формирование смысла в высказывании может быть связано с реализацией любых концептуальных признаков, не обязательно фиксированных в системном значении глаголов. При этом для формирования того или иного смысла могут быть использованы глаголы с разным

системным значением. Для специального подчеркивания определенного концептуального признака может быть использован глагол другой категории, например: *She is being very kind to him / Она уж очень добра к нему*, где событие концептуализируется на функциональном уровне как активное, намеренное действие со стороны субъекта, т.е. реализуются признаки активности и волитивности, не свойственные глаголу *be*. Реализация признаков, не свойственных системному значению глагола, приводит к его **перекатегоризации** или **поликатегоризации**.

В частности, формирование акционального смысла у неакциональных глаголов в результате их перекатегоризации связано с реализацией прототипических признаков акциональности. Передаваемое событие в этом случае концептуализируется как активное действие субъекта. Изменение категориальной функции глагола при этом индицируется значением его грамматической формы или его функциональным осмыслением в предложении-высказывании в сочетании с функциональными смыслами связанных с ним слов. Это происходит в результате реализации субъектно-ориентированных признаков активности, волитивности или контролируемости у отдельных групп статальных глаголов (*be/быть*, *know/знать*, *see/видеть*, *sympathize/сочувствовать*, *want/хотеть*, *wish/желать*, etc.) и релятивных глаголов (*concern/касаться*, *относиться к*, *contain/содержать*, *fit/соответствовать*, *подходить*, *have/иметь*, *incorporate/включать*, *refer/относиться*, *suit/устраивать*, etc.), например:

The wives were sympathizing with each other in slightly raised voices / Жены сочувствовали друг другу в слегка повышенных тонах (D. Francis);

Can't you contain your enthusiasm / Не мог бы ты сдерживать (букв. держать) свой энтузиазм (A.S. Hornby);

I would rather die than be a meaningless man / Я лучше умру, чем буду никчемным человеком (I. Murdoch).

Перекатегоризация, и как следствие иная концептуализация события в языке, также может быть связана с изменением статуса переходности у неакционального глагола, когда непереходный глагол используется в переходной конструкции:

He has sunk half his fortune in a new business undertaking (A.S. Hornby) (*sink* – погружаться, тонуть, идти ко дну; букв. *Он утопил половину состояния в новом бизнесе*);

We sleep five people in each room (B. Levin) (*sleep* – спать; здесь: *Мы размещаем на ночлег по пять человек в комнате*).

Перекатегоризация имеет место и в случаях каузативного использования исходно некаузативных глаголов:

She talked me into taking a week's holiday [COLLINS COBUILD 1990] (*talk* – разговаривать, болтать; здесь = рус. уговаривать: *Она уговорила меня взять недельный отпуск*);

She's lost me my leave (E. Hemingway) (*lose*, *lost* – терять; здесь: *Она испортила* (букв. *потеряла*) *мне отпуск*);

You can't bring yourself to tell me the truth? (W. Maugham) (*bring* – приносить; здесь: *Ты не можешь заставить себя сказать мне правду?*).

При регулярном использовании глагола в каузативной функции можно говорить о его грамматизации, что частично и происходит, например, с глаголами *get*, *have*, *make*:

A rising wind made some of the windows rattle (O. Wilde) (букв. *Поднимающийся ветер заставлял окна дребезжать*);

I had the taxi stop long enough ... (R. Bradbury) (*Я заставил такси ждать достаточно долго*).

Формирование категориального значения статальности, с другой стороны, возможно за счет перекатегоризации акциональных глаголов в безличных конструкциях и в конструкциях с "блокирующим" *it*, а также в конструкциях с пропозициональным актантом:

It took almost a minute before what I saw registered (H. Robbins) (*Потребовалась почти минута, чтобы у меня отложилось в голове то, что я увидел*);

Now it really looks as though he were right, after all (A. Christie) (*Теперь это действительно выглядит так, как если бы он был прав, в конце концов*);

I found it a great deal more difficult than he did, to change gear (D. Francis) (*Я обнаружил, что мне намного труднее, чем ему, переключить скорость*);

He never failed to let her know when he was in trouble which showed, didn't it, that he trusted her? (A. Christie) (*Он никогда не забывал давать ей знать о своих проблемах, что показывает, разве нет, что он доверял ей?*);

I gathered ... that my name was never mentioned (I. Murdoch) (*Я понял ... что мое имя никогда не упоминалось*).

Закономерности использования одних и тех же глаголов для различной концептуализации событий (и как действий, и как состояний

и т.д.) позволяют говорить о возможностях их различного функционального осмысления, о том, что исходная категоризация глаголов не является абсолютной. Она основывается на номинативных признаках глагола, которые далеко не всегда определяют его функционирование. Вхождение глагола в ту или иную категорию в значительной степени определяется самими закономерностями его использования, а также теми языковыми средствами и механизмами, которые определяют его категориальную функцию. Это обусловливает возможность его функциональной поликатегоризации, т.е. одновременной реализации нескольких категориальных значений у одного и того же глагола, и соответственно, одновременно различной концептуализации того или иного объекта или фрагмента опыта, например:

The sun shone gold brown on the expanse of parquet floor, in room after room (M. Spark) (*Солнце бежало коричнево-золотым светом по пространству паркетного пола, из комнаты в комнату*);

We groaned down in the elevator (F. Fitzgerald) (*Мы проскрипели вниз на лифте*);

Smith drove slowly and in silence (I. Shaw) (*Смит вел машину медленно и молча*);

The tram tingled and sparked down the embankment (G. Greene) (*Трамвай прозвенел и проискрился вниз по набережной*);

He worked his way through the crowd (M. Puzo) (*Он проложил* (*букв. проработал*) *себе путь сквозь толпу*).

Анализ конкретного языкового материала в целом показывает, что поликатегоризация глагола может быть связана с реализацией как разных категориальных значений (в том числе глагольных и субстантивных), так и их различных субкатегориальных признаков (подробнее о механизмах функциональной поликатегоризации английского глагола см.: [Панасенко 2000]).

Исследование процессов функциональной категоризации слова в рамках функционально-семиологического подхода может рассматриваться также как один из видов концептуального анализа (см. выше функционально-репрезентативный анализ), поскольку данный подход позволяет выявлять различные характеристики концептов, которые лежат в основе формирования смысла и которые не всегда представлены в системном значении слова, а проявляются только на функциональном уровне – в высказывании.

В то же время изучение принципов и механизмов системной и функциональной категоризации языковых единиц дает возможность

выявить и описать их семантику с точки зрения их общих свойств с прототипом той категории, членами которой они являются – их прототипическую семантику. Это имеет особенно важное значение для когнитивно-ориентированных лингвистических исследований, поскольку **именно прототипическая семантика языковых единиц во многом определяет их использование в предложении-высказывании для передачи тех или иных функциональных смыслов**. Она также позволяет получить более глубокое представление, с одной стороны, о структуре и содержании тех концептов, которые лежат в основе формирования соответствующих языковых категорий, о принципах организации этих категорий и языковых знаний в целом и, с другой стороны, о механизмах взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессе формирования смысла высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве обобщения по данному курсу суммируем основные моменты, раскрывающие специфику его содержания и научную значимость его положений. **Когнитивная семантика – многоуровневая теория значения**. В этом своем качестве она принципиально отличается от других семантических теорий, выходя за рамки системы языка и включая в зону своего интереса не только вопросы языковой семантики, но и других структур знания, влияющих на значение и использование языковых единиц.

В **теоретическом плане** она базируется на современных научных знаниях о познавательных процессах концептуализации и категоризации, осуществляемых с помощью языка и на его основе, о роли этих процессов в формировании языковых значений и смыслов. В качестве основных **методологических принципов** исследования языковых единиц и категорий когнитивная семантика использует положения об антропоцентричности языка (центральной роли человека в формировании смыслов и выборе средств его репрезентации), о языке как когнитивной способности, о дифференциации ментального и языкового уровней репрезентации знаний, о концептах как единицах знания, о влиянии когнитивного контекста на формирование языковой семантики, об уровневом характере концептуализации и категоризации мира в языке, о прототипическом принципе организации базовых категорий естественных, в том числе языковых, объектов.

В силу своей теоретико-методологической значимости, фундаментальности решаемых проблем **когнитивная семантика** занимает центральное место в когнитивных исследованиях языка, выполняя ключевую роль в понимании сущности когнитивного подхода. Более того, она может рассматриваться как **главная теоретико-методологическая основа всей когнитивной лингвистики** – научного направления, которое изучает когнитивную функцию языка во всех ее проявлениях, обращая особое внимание на соотношение и взаимодействие когнитивных и языковых структур. Это взаимодействие проявляется в различных способах форматирования и интерпретации знаний о мире (концептуального содержания) в языке и формирования на этой основе множества смыслов в процессах вербального общения. Данное обстоятельство определяет тот факт, что именно проблематика, методы исследования и понятийно-терминологический аппарат

когнитивной семантики выходят на первый план в курсе введения в когнитивную лингвистику, без первоочередного освоения которых грамотное выполнение когнитивно-ориентированных исследований в лингвистике невозможно.

Перспективы дальнейшего изучения языка в рамках когнитивного подхода связаны, в первую очередь, с исследованием уровней концептуализации и категоризации объектов различных тематических групп в системе языка и на функциональном уровне с привлечением концептуально-таксономического и когнитивно-матричного анализа, поскольку именно эта проблематика относится к числу наименее разработанных в когнитивной лингвистике. Перспективными представляются также работы по изучению когнитивных контекстов формирования семантики языковых единиц и их взаимосвязей с лингвистическими контекстами, анализ взаимодействия разных типов и форматов знания (научного и обыденного, коллективного и индивидуального), исследование когнитивной основы и принципов формирования модусных категорий.

Новые интересные результаты на основе теоретических установок и методологии когнитивной лингвистики могут быть получены в области исследования коллективной и индивидуальной картин мира разных этносов и их эволюции в исторической перспективе, роли разноуровневых средств языка в репрезентации концептуального содержания, его интерпретации в рамках индивидуальной концептуальной системы, а также интерпретирующего потенциала различных языковых единиц и категорий. В центре внимания ученых также всегда будут оставаться проблемы, связанные с разработкой новых подходов и методов когнитивного анализа, в том числе направленных на изучение дискурсивных явлений и разных типов конструкций.

Несомненно, значимыми для дальнейшего развития когнитивного направления в лингвистике являются также работы междисциплинарного характера с привлечением данных антропологии, психологии, психолингвистики, нейрофизиологии и других наук, которые позволяют глубже понять сущность, в том числе, языковых явлений и процессов, их взаимосвязи с другими психическими процессами и когнитивными способностями человека. Очевидно, что собственно лингвистические исследования, в свою очередь, тоже могут быть полезны для других отраслей знания в общем стремлении понять наши познавательные возможности и принципы работы нашего сознания, неотъемлемой частью которого и единственным доступом к которому является язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов В.В. Концептуальные основы формирования английских христианских топонимов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2007.

Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: на материале имени существительного. Л.: Просвещение, 1966.

Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 3-10.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1994.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 1995.

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.

Болдырев Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке: Типы и форматы знаний: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007а. С. 29-37.

Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 11-29.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25-77.

Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования

языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 45-59.

Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 5-14.

Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 1 (93). 2011а. С. 9-16.

Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5-14.

Болдырев Н.Н., Гунина Н.А. Когнитивный аспект лексической категоризации английских глаголов звучания // Теоретическое моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. С. 163-171.

Болдырев Н.Н., Дубовицкая Е.Ю. Когнитивный механизм формирования смысла "приблизительность" (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 55-60.

Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 3. С. 3-13.

Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. Диалектные концепты и категории // Филологические науки. 2006а. № 3. С. 41-50.

Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В. Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 5-15.

Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В. Оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 7 (111). С. 22-27.

Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их оценочный потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5-12.

Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983.

Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.

Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.

Гаврилова Е.Д. Оценочные категории "GOOD" и "BAD" в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

Гончарова Н.Ю. Формирование фактообразующего значения английского глагольного предиката в системе языка и в речи: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2000.

Дейк ван Т.А. Фреймы знаний и понимания речевых актов // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 12-40.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. С. 264-389.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Кравцова Н.М. Оценочная категоризация интеллектуальных способностей человека в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2008.

Кубрякова Е.С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.

Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 84-90.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 144-238.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1997.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 5-14.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 12-51.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.

Меркулова И.Н. Категория функционально-связочных глаголов в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2004.

Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. 1945. № 1. С. 5-15.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.

Никитин М.В. Комментарий // Палмер Ф.Р. Семантика (очерк) = Palmer F.R. Semantics. A new outline. M.: Высшая школа, 1982.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Панасенко Л.А. Функциональная поликатегоризация глагола в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тамбов, 2000.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31-273.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997.

Тимофеева Т.Н. Прецедентные феномены в англоязычных научных текстах экономической тематики: автореф. … дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2008.

Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 74-122.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.

Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1992. № 3. С. 1-8.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.

Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.

Шарандин А.Л. Русский глагол: Комплексное описание. Тамбов: Изд-во Першина Р.В., 2009.

Barsalou L.W. The Instability of Graded Structure: Implications for the Nature of Concepts // Concepts and Conceptual Development: Ecological and Intellectual Factors in Categorization. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 101-140.

Berlin B., Kay P. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

Bickerton D. Roots of Language. Ann Arbor: Karoma, 1981.

Black M. Language and Philosophy. Ithaca: Cornell University Press, 1949.

Brown C.H. A Survey of Category Types in Natural Language // Meanings and Prototypes: Studies in Linguistic Categorization. Oxford: Routledge, 1990. P. 17-47.

Brown R. How Shall a Thing Be Called // Psychological Review. 1958. Vol. 65. P. 14-21.

Brown R., Lenneberg E.H. A Study in Language and Cognition // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. Vol. 49. P. 454-462.

Chomsky N. Rules and Representations. Oxford: Basil Blackwell, 1980.

Chomsky N. Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use. N. Y.: Praeger, 1986.

Coleman L., Kay P. Prototype Semantics: The English Word "Lie" // Language. 1981. Vol. 57. № 1. P. 26-44.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Cruse D.A. The Pragmatics of Lexical Specificity // Journal of Linguistics. 1977. Vol. 13. P. 153-164.

Dirven R. et. al. The Scene of Linguistic Action and its Perspective by SPEAK, TALK, SAY and TELL / *L. Goossens, Y. Putseys, E. Vorlat.* Amsterdam, Phil.: Benjamins, 1982.

Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.

Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.

Fillmore Ch.J., Atkins B.T. Toward a Frame-Based Lexicon: The Semantics of RISK and Its Neighbors // Frames, Fields, and Contrasts. Hillsdale; N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc, 1992. P. 75-102.

Geeraerts D. Editorial statement // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. № 1. P. 1-3.

Heider E.R. "Focal" Color Areas and the Development of Color Names // Developmental Psychology. 1971. Vol. 4. P. 447-455.

Heider E.R. Universals in Color Naming and Memory // Journal of Experimental Psychology. 1972. Vol. 93. P. 10-20.

Labov W. The Boundaries of Words and Their Meanings // New Ways of Analyzing Variation in English. Washington; D. C.: Georgetown University Press, 1973. P. 340-373.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1990.

Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1987.

Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. Vol. 4. № 3. P. 326-350.

Rosch E.H. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104. № 3. P. 192-233.

Rosch E.H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale; N. J.: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.

Rosch E.H., Mervis C.B. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // Cognitive Psychology. 1975. Vol. 7. P. 573-605.

Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 165-205.

Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1995.

Tversky B. Where Partonomies and Taxonomies Meet // Meanings and Prototypes: Studies in Linguistic Categorization. Oxford: Routledge, 1990. P. 334-344.

Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. L.; N. Y.: Longman, 1997.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1953.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / *М.Н. Михайлов, П.Б. Паршин, О.И. Романова*. М.: Помовский и партнеры, 1996.

БСИС – Большой словарь иностранных слов. М.: Центрполиграф, 2001.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1991.

Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / *В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина.* М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

КФЭ – *Краткая философская энциклопедия*. М.: Прогресс-Энциклопедия, 1994.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993.

СЭС – Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. М.: Советская энциклопедия, 1993.

COLLINS COBUILD – Collins Cobuild English Language Dictionary. L.; Glasgow: Collins, 1990.

Crystal D. An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages. L.: Penguin Books, 1994.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 1978.

Urdang L., Manser M. (eds.) The Pan Dictionary of Synonyms and Antonyms. L.: Pan, 1980.

ПРОГРАММА КУРСА

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА: ВВЕДЕНИЕ В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ

(*направление подготовки "филология"*)

Программа курса по дисциплине "Когнитивная семантика" соответствует требованиям ФГОС ВПО с учетом рекомендаций ПООП ВПО по направлению подготовки "филология" и содержит необходимые сведения для изучения курса.

Введение

Цель курса "Когнитивная семантика" – ознакомить студентов-филологов с одним из современных научных направлений – когнитивной лингвистикой, обеспечить овладение основными когнитивными понятиями и терминами, методикой когнитивного анализа, а также сформировать представления об основных познавательных процессах, осуществляемых с помощью языка: концептуализации и категоризации, – и их роли в формировании значений и смыслов языковых единиц.

1. Учебный план дисциплины

№	Содержание	Семестр
1	Число недель в семестре	20
2	Число часов в неделю	2
3	Форма аттестации (зачет – "з", экзамен – "э")	з (э)
	Всего учебных часов по дисциплине (час.)	
4	Лекций	30
5	Семинаров	10
	Общий объем часов по дисциплине	**40**

2. Тематический план курса по дисциплине

№	Тема курса	Вид занятия	
		Лекц.	Сем.
1	Когнитивная лингвистика: методология и направления исследований.	6	–
2	Когнитивная семантика. Концептуализация и категоризация мира и языке.	6	2

№	Тема курса	Вид занятия	
		Лекц.	Сем.
3	Структуры представления знаний в языке.	8	2
4	Категоризация мира.	6	2
5	Категоризация языковых единиц.	4	4
	Итого:	30	10

3. Содержание тем курса

1. Когнитивная лингвистика: методология и направления исследований

Формирование когнитивной лингвистики как научного направления, ее интегративный характер. Предпосылки возникновения, связь с другими науками: логикой, философией, психологией, психолингвистикой и другими.

Цели, задачи, методы когнитивных исследований в лингвистике.

Язык как объект когнитивных исследований, связь языка с мыслительными и психическими процессами и структурами: мышлением, памятью, восприятием и т.д.

Тематика и основные направления когнитивных лингвистических исследований. Общие проблемы методологии, когнитивная семантика, когнитивная грамматика, концептуальная семантика, концептуальная грамматика. Когнитивные аспекты словообразования и номинации. Проблемы исследования лексики и грамматики в когнитивном аспекте, когнитивные исследования дискурса, когнитивно-типологические исследования.

Когнитивная лингвистика в России и за рубежом. Ономасиологический подход. Школы когнитивной лингвистики в Европе и США.

Литература: (см. список рекомендуемой литературы).

2. Когнитивная семантика. Концептуализация и категоризация мира в языке

Когнитивная семантика как один из центральных разделов когнитивной лингвистики. Логический и экспериенциальный подходы в когнитивных исследованиях языка и языковых единиц. Когнитивный и лингвистический аспекты познания окружающего мира, теория выделенности, или фокусирования внимания.

Сущность концептуализации и категоризации как основных познавательных процессов, их сходство и отличие.

Понятие концепта и понятие категории, способы их формирования и представления в языке.

Структура концепта. Концептуальный анализ. Типология концептов. Структурная и содержательная типологии. Типы и форматы знания концептов. Концептуальные структуры.

Проблема соотношения концепта и понятия. Значение и смысл в когнитивном аспекте. Функциональная типология концептов: тематические и операционные концепты. Общие, социально-значимые и индивидуальные, личностные смыслы.

Когнитивные и языковые механизмы формирования смысла.

Литература: (см. список рекомендуемой литературы).

3. Структуры представления знаний в языке

Концепт и языковое значение. Репрезентативная типология концептов. Лексические и грамматические концепты, их структура и типология. Текстовые и сверхтекстовые концепты.

Языковые значения как определенные концептуализации. Когнитивная грамматика Р. Лэнекера.

Фреймовая семантика. Понятие фрейма. Структура фрейма. Ситуационные и классификационные фреймы. Межфреймовые связи.

Фреймовая концепция Ч. Филлмора. Теория ментальных пространств Ж. Фоконье. Теория когнитивных моделей Дж. Лакоффа. Понятие когнитивного контекста.

Языковые средства активизации фреймов и фреймовых связей.

Фреймовая семантика как метод анализа и способ моделирования знания, определяющего значения языковых единиц. Проблемы изучения фреймов, репрезентируемых в лексике и грамматике.

Литература: (см. список рекомендуемой литературы).

4. Категоризация мира

Понятие категоризации и ее роль в познавательной деятельности человека. Категоризация мира. Статический и динамический аспекты категоризации: категоризация как система категорий и как динамический процесс.

Традиционный (классический) подход к формированию категорий. Определение и структура классических категорий. Роль оппозиций в формировании классических категорий.

Вклад Л. Витгенштейна в развитие теории категорий.

Предпосылки возникновения и психологические основы прототипического подхода, его основные принципы.

Структура прототипической категории, ее границы. Понятие прототипа, виды прототипов: образец, эталон, стереотип, идеал и т.д. Прототипы в реальном мире и в языке. Лексические и грамматические прототипы. Прототипические характеристики языковых объектов. Градация прототипических характеристик и элементов категории. Понятие "фамильного сходства".

Уровни категоризации. Понятие базового уровня категоризации и основные характеристики базовых категорий. Вышестоящий (суперординатный) и нижестоящий (субординатный) уровни категоризации.

Основные модели категоризации: пропозициональные модели, схематические модели образов, метафорические и метонимические модели.

Типы категорий: категории базового уровня, классические, порождаемые, радиальные, градуированные, кластерные и другие категории.

Литература: (см. список рекомендуемой литературы).

5. Категоризация языковых единиц

Естественные и языковые категории. Взаимодействие языковых и неязыковых знаний в процессе категоризации. Соотношение концептуальных и языковых категорий. Языковые категории и категоризация языковых единиц. Понятие категориального значения слова. Принципы категоризации языковых единиц.

Понятие лексической и грамматической, системной и функциональной категоризации языковых единиц. Основы и принципы лексической категоризации. Когнитивные основы группировки лексики. Природа и языковой статус лексических групп. Тематический и функциональный принципы категоризации лексики.

Природа, статус и когнитивные основания грамматических категорий. Отличия грамматических категорий и лексических групп. Полевой и прототипический принципы категоризации лексических и грамматических объектов в языке, их сходство и отличие.

Когнитивные основания выделения частей речи. Знаменательные и служебные части речи. Существительное и глагол с когнитивной точки зрения.

Модусная (интерпретирующая) категоризация. Модусные концепты и категории, их общая характеристика и специфика в реализации интерпретирующей функции языка. Оценочные концепты и кате-

гории, отличие оценочной категоризации от категоризации естественных объектов. Оценочные категории и категории оценочных слов.

Роль трех систем категоризации (лексической, грамматической и модусной) в реализации трех основных функций языка: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей.

Принципы и механизмы функциональной категоризации языковых единиц. Актуализация, перекатегоризация, поликатегоризация, грамматизация и т.д.

Функционально-семиологический подход к исследованию процессов функциональной категоризации, его сущность и основные положения. Прототипическая семантика как метод исследования и описания когнитивных аспектов значения языковых единиц и их функционального осмысления.

Функциональная категоризация и прототипическая семантика английского глагола.

Лексико-грамматические категории английского глагола и их прототипические характеристики. Интегративный принцип формирования категориального значения глагола в предложении-высказывании. Лексический и грамматический факторы функциональной категоризации глагола.

Типы категориальных значений английского глагола и конкретные языковые механизмы их осмысления в предложении-высказывании. Реализация и взаимодействие различных концептуальных характеристик в процессах актуализации, перекатегоризации, поликатегоризации английского глагола в предложении-высказывании. Проблемы грамматизации английского глагола в предложении-высказывании.

Литература: (см. список рекомендуемой литературы).

4. Примерная тематика курсовых работ, рефератов

1. Типы концептов, репрезентируемых в лексической системе английского (русского, немецкого, французского или др.) языка.
2. Типы концептов, репрезентируемых грамматическими средствами современного английского (русского, немецкого, французского или др.) языка.
3. Ситуативные и классификационные фреймы, различия в их репрезентации в языке.
4. Классификационные фреймы, репрезентируемые в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.

5. Национально-маркированные концепты в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
6. Концептуализация времени в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
7. Когнитивный аспект лексической и грамматической категоризации языковых единиц (на примере конкретных лексических групп или грамматических категорий).
8. Системная и функциональная категоризация английских (русских, немецких, французских или др.) глаголов определенной семантической группы.
9. Когнитивный аспект семантики английских (русских, немецких, французских или др.) интеракциональных глаголов (типа give-take, sell-buy, send-get и т.д.).
10. Системная и функциональная категоризация бытийных глаголов в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
11. Английские (русские, немецкие, французские или др.) глаголы, выражающие межличностные отношения, и их системная и функциональная категоризация.
12. Семантика английских (русских, немецких, французских или др.) процессуальных глаголов в когнитивном аспекте.
13. Семантика и категоризация "пространственных" глаголов в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
14. Когнитивные основы семантики глаголов принадлежности и их функциональная специфика в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
15. Концептуализация сомнения в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
16. Оценочная категоризация движения в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
17. Метафорический способ концептуализации времени (пространства) в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
18. Когнитивные аспекты семантики имен существительных различных тематических групп в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.
19. Когнитивные аспекты семантики имен собственных в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.

20. Когнитивные аспекты семантики имен прилагательных разных тематических групп в современном английском (русском, немецком, французском или др.) языке.

5. Зачетно-экзаменационные требования

На зачете (экзамене) студент должен продемонстрировать знание понятийного и терминологического аппарата когнитивной лингвистики, а также законспектировать и изложить содержание двух статей (или одной главы монографии) из предложенного списка литературы.

6. Примерная тематика вопросов к зачету (экзамену)

1. Предпосылки формирования и методология когнитивной лингвистики.
2. Направления когнитивной лингвистики.
3. Концептуализация, категоризация, классификация.
4. Понятие и концепт. Типологии концептов.
5. Структурная и содержательная типологии концептов.
6. Функциональная типология концептов: тематические и ситуативные концепты.
7. Концептуальный анализ и его разновидности.
8. Ментальные структуры представления знаний.
9. Репрезентативная типология концептов.
10. Форматы знания в языке и методы их исследования.
11. Понятие фрейма. Фреймовая семантика.
12. Прототипический подход и понятие прототипа, виды прототипов.
13. Уровни категоризации.
14. Когнитивные модели категоризации и типы категорий.
15. Системная лексическая и грамматическая категоризация.
16. Когнитивные основания частей речи.
17. Функциональная категоризация и функционально-семиологический подход.
18. Общая специфика модусных концептов и категорий.
19. Оценочная категоризация объектов.
20. Оценочные категории и категории оценочных слов.

7. Список рекомендуемой литературы

См. выше **Список использованной научной литературы**, а также:

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.

Бабина Л.В. Когнитивный подход к исследованию мотивированности производного слова // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 65-73.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 1. С. 11-21.

Безукладова И.Ю. Пространство человека и его языковая категоризация. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013.

Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 87-110.

Беляевская Е.Г. О фокусировке концептуальных метафор // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 292-303.

Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

Болдырев Н.Н. Современные направления лингвистических исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1996. № 1. С. 75-83.

Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категорий // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: материалы Круглого стола, апрель 2000 г. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 16-35.

Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Известия АН. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 2. С. 40-55.

Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 383-393.

Болдырев Н.Н. Семантика притяжательности в когнитивном аспекте // Английский лексикон в когнитивно-дискурсивной парадигме. Вып. 457. М.: Изд-во МГЛУ, 2001. С. 10-19.

Болдырев Н.Н. Категория подлежащего с прототипической точки зрения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 3. С. 71-84.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 25-37.

Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 38-50.

Болдырев Н.Н. Проблема значения и смысла языковых единиц в контексте познавательных процессов // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 219-231.

Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: *концепт как единица знания* // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сборник научных трудов. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 23-32.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.

Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17-120.

Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 33-43.

Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. 10-12 октября 2012 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 39-45.

Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5-13.

Болдырев Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы: сборник научных трудов, посвященный памяти профессора Н.А. Кобриной. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 18-30.

Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика в России: от частных исследований – к общей теории языка // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материал Всероссийской научной конференции. 11-12 апреля 2013 г. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 52-60.

Болдырев Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 4 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 7-13.

Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 12-22.

Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 5-11.

Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 4. С. 79-86.

Болдырев Н.Н., Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. № 1. С. 3-10.

Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999.

Гольдберг В.Б. Функциональная, языковая и когнитивная модели образного сравнения // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 645-651.

Демьянков В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 39-77.

Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 32-86.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

Демьянков В.З. Когниция воображаемого и изображаемого: о понятиях (и концептах) в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17-33.

Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Изд-во ВТИИ, 2004.

Ирисханова О.К. Синтаксические аспекты распределения внимания: от коммуникативного синтаксиса к когнитологии // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 466-481.

Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126-139.

Клепикова Т.А. Категория сентенциональной комплементации в современном английском языке. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011.

Клепикова Т.А. Лингвистические метарепрезентации. СПб.: Астерион, 2008.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1996.

Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебное пособие (с рекомендательным грифом УМО). М.: Высшая школа, 2007.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 4-38.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия АН. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 3-15.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-37.

Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке / отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 5-31.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 22-31.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 350-368.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С.143-184.

Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. М; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.

Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010.

Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: коллективная монография / под общ. ред. Н.Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996.

Позднякова Е.М. Словообразовательная категория имен деятеля в английском языке (когнитивный аспект исследования). Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.

Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. М.: Издательский центр "Азбуковник", 2010.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

Семантика и категоризация / отв. ред. Ю.А. Шрейдер. М.: Наука, 1991.

Структуры представления знаний в языке / отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.: ИНИОН РАН, 1994.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. № 1, с. 91-115; № 4, с. 76-105; № 6, с. 88-121.

Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сборник обзоров / под ред. А.А. Кибрика и др. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004.

Фурс Л.А. Когнитивная основа комбинаторных отношений в синтаксисе // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сборник научных трудов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 529-535.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35-73.

Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.

Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.

Язык и интеллект: пер. с англ. и нем., сост. В.В. Петров. М.: Прогресс, 1995.

Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.

Язык и структуры представления знаний / отв. ред. Ф.М. Березин. М.: ИНИОН РАН, 1992.

Aitchison J. Words in Mind: an Introduction to the Mental Lexicon. Oxford: Longman, 1996.

Beaugrande R. de, Dressler W. Introduction to Text Linguistics. L.: Longman, 1981.

Cienki A.J. Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish and Russian. München: Verlag Otto Sagner, 1989.

Givón T. Syntax: A Functional-Typological Introduction. Vol. 1. Amsterdam: J. Benjamins, 1984.

Goldberg A.E. Constructions: a construction grammar approach to argument structure. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995.

Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. 1980. Vol. 56. P. 251-299.

Jackendoff R. Semantic Structures. Cambridge; Mass.: The MIT Press, 1991.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge; Mass.: The MIT Press, 1995.

Jackendoff R. Languages of the Mind. Cambridge; Mass.: The MIT Press, 1996.

Jackendoff R. The Architecture of the Language Faculty. Cambridge; Mass.: The MIT Press, 1997.

Knowledge and Language. Amsterdam: North-Holland, 1986.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. N. Y.: Basic Books, 1999.

Linguistic Categorization. Amsterdam; Phil.: John Benjamins, 1989.

Meanings and Prototypes: Studies in Linguistic categorization. L.: Routledge, 1990.

Murphy G.L., Medin D.L. The Role of Theories in Conceptual Coherence // Psychological Review. 1985. Vol. 92. № 3. P. 289-316.

Sweetser E.E. From etymology to pragmatics. Metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Phil.: J. Benjamins, 1987.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Александрова З.Е. 47
Алпатов В.В. 60, 65, 83
Апресян Ю.Д. 21
Аристотель 116-118
Арнольд И.В. 58, 59
Арутюнова Н.Д. 19, 21

Бабушкин А.П. 88
Байби Дж. 30
Баранов А.Н. 49
Берлин Б. 121-123
Бикертон Д. 106
Бирвиш М. 118
Блэк М. 127
Богин Г.И. 21
Богранд Р. 103
Бодуэн де Куртенэ И.А. 15
Болдырев Н.Н. 60, 61, 64, 65, 82, 83, 111, 148, 161, 166, 171, 173, 185, 187, 197
Бондаренко В.Н. 165
Бондарко А.В. 21, 105
Браун Р. 121, 122, 130, 135
Бюлер К. 15

Вежбицкая А. 31, 84
Винер Н. 18
Витгенштейн Л. 32, 116, 119, 120
Выготский Л.С. 21, 29

Гаврилова Е.Д. 189
Герэртс Д. 16
Гивон Т. 30
Гийом Г. 15
Голдберг А. 30
Гончарова Н.Ю. 111
Грин М. 59
Гумбольдт В. фон 15
Гунина Н.А. 111

Даль В. 89
Дейк Т.А. ван 103
Джонсон М. 30, 95, 102
Джекендофф Р. 30, 84
Дирвен Р. 16
Добровольский Д.О. 49
Дрезлер В. 29, 103
Дубовицкая Е.Ю. 161

Ельмслев Л. 15

Иванс В. 59

Караулов Ю.Н. 55
Кац Дж. 118
Кацнельсон С.Д. 21
Квайн В. 122
Кибрик А.Е. 26
Кравцова Н.М. 184
Крофт У. 30, 59
Круз Д.А. 30, 59, 136
Кубрякова Е.С. 9, 19, 21, 25, 26, 37, 39, 47, 68, 76, 86, 88, 166, 179, 192
Куликов В.Г. 60, 61, 64, 83
Кун Т. 15, 27
Кэй П. 121-123

Лабов В. 128
Лайонз Дж. 118
Лакофф Дж. 9, 30, 34, 88, 95, 102, 108, 112, 115, 130, 136, 142, 147, 153, 182, 192
Леннеберг Э. 122
Леонтьев А.А. 21, 29
Лопатин В.В. 50
Лопатина Л.Е. 50
Лотман Ю.М. 77
Лурия А.Р. 21, 29
Лэнекер Р. 9, 30, 34, 59, 74, 94-102, 108, 110, 111, 113

Маховикова Д.В. 148
Меркулова И.Н. 154
Мещанинов И.И. 215
Миллер Дж. 18
Минский М. 54, 103

Найда Ю. 118
Найссер У. 179
Никитин М.В. 21, 86

Ожегов С.И. 44, 50, 53, 57, 58, 79, 89-91, 134, 135
Оппенгеймер Р. 17

Павилёнис Р.И. 39, 70, 72, 170
Панасенко Л.А. 171, 205

Пауль Г. 171
Платон 116-118
Попова З.Д. 88
Постал П. 118
Потебня А.А. 15
Пустейовский Дж. 30

Рош Э. (Хайдер) 32, 34, 95, 116, 121, 123, 124, 127, 132, 133, 135, 142, 154

Скаличка В. 118
Соссюр Ф. де 15, 25, 104
Степанов Ю.С. 21, 58, 77
Стернин И.А. 88

Талми Л. 30, 34, 74, 111
Тверски Б. 136
Тейлор Дж. 30, 34, 88, 103, 106
Тимофеева Т.Н. 266, 83
Томпсон С. 30
Траугот Э. 30
Трубецкой Н.С. 118

Ульман С. 122
Унгерер Ф. 103

Филлмор Ч. 9, 30, 34, 95, 103, 107-109, 112
Фодор Дж. 118
Фоконье Ж. 74, 95, 108
Фрумкина Р.М. 47

Хейни Б. 30
Хеминуэй К. 136
Хомский Н. 18, 27, 118
Хоппер П. 30
Хорнби А.С. 47

Чейф У.Л. 144
Черных П.Я. 77
Чистякова Е.В. 171

Шарандин А.Л. 145
Шведова Н.Ю. 44, 50, 53, 57, 58, 79, 89-91, 134, 135
Шепард Р. 19
Шмид Х.-Й. 103
Щерба Л.В. 41

Якобсон Р. 18, 118

Atkins B.T. 103

Barsalou L.W. 124
Berlin B. 32
Bickerton D. 106
Black M. 127
Brown R. 121, 122, 130, 135

Chomsky N. 27
Coleman L. 130
Croft W. 59
Cruse D.A. 59, 136
Crystal D. 50

Dirven R. 16, 111

Evans V. 59

Fauconnier G. 95
Fillmore Ch.J. 103

Geeraerts D. 16
Green M. 59

Heider E.R. 124
Hornby A.S. 47, 48, 50, 88-90, 203

Kay P. 32, 130

Labov W. 128
Lakoff G. 45, 88, 95, 115, 136, 153, 182, 191, 192
Langacker R.W. 59, 96, 97, 101, 108
Lenneberg E.H. 122

Manser M. 47
Mervis C.B. 130

Rosch E.H. 32, 125, 130, 191
Schmid H.-J. 111, 122
Talmy L. 168
Taylor J.R. 88, 106
Tversky B. 130

Ungerer F.111, 122
Urdang L. 47

Wittgenstein L. 32

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ 18, 26, 33, 179, 181, 207

ГЕШТАЛЬТ 44, 45, 52-56, 143, 149

ГЕШТАЛЬТНОСТЬ
восприятия 73, 117, 133, 134, 138, 139, 143, 146, 153, 191

ГРАММАТИЗАЦИЯ 30, 198, 204

ЗНАНИЕ 20, 46, 56
активация 69, 104
источники формирования 39
интерпретация 71, 100, 159-161, 163, 165-168, 170, 172, 174, 178, 182-185, 188, 195, 196, 207
порождение 33, 35-39
репрезентация 43
– *вторичная* 82, 83, 86, 88, 94, 141
структура (см. **СТРУКТУРА**)
типы
– *индивидуальное* 21, 46, 69, 70, 87, 104, 154, 177, 191, 208
– *инферентное* 51
– *коллективное* 69, 70, 78, 86, 87, 154, 177, 178, 181, 191, 192, 208
– *многоаспектное* 54, 56, 58
– *неязыковое* 26, 93, 94, 104, 112, 124, 155, 197, 198, 219
– *обыденное* 22, 37, 40, 45, 60, 111
– *теоретическое* 22, 27, 37
– *языковое* 27, 33, 179, 197
формат 13, 24, 51-53, 57, 67, 73, 83, 173, 179, 188, 208
– *категориальный* 56, 173, 179, 188, 195
– *матричный* 56-62, 82, 173
формирование 14, 31, 33, 38, 40, 41, 55, 78, 144, 197
хранение 22, 31, 37, 46, 73-75, 158

ЗНАЧЕНИЕ
грамматическое 94, 98, 157, 159, 160, 170, 201
категориальное 189, 198, 207
лексико-грамматическое 157
лексическое 30, 106, 108, 109-111, 157-160, 201
оценочное 187, 195

ИНВАРИАНТ 139, 161, 162, 171, 187, 187-196

КАРТИНА МИРА 39, 80, 181

КАТЕГОРИЯ 52, 54, 56, 73, 88, 95, 114, 118, 155
аналоговая 119, 123, 137, 156, 162, 175, 196
аппроксимации 159, 161
базовая 135, 139, 152, 153
граница 152-154
детерминации 162
диалектная 159, 162-164
естественная 178-180
многофокусная 186, 195
отрицания 162, 164, 166, 167, 182
оценочная 160, 184, 188, 189, 191
оценочных слов 171, 183
переходных зон 127, 128, 138, 154, 185
подходы
– *когнитивный* 10, 15, 21, 25, 26, 80, 207, 208
– *полевой* 21, 107, 161, 194
– *структурный* 10-12, 14, 15, 21, 26
– *функциональный* 21, 159, 197, 199, 205
принципы организации (формирования)
– *инвариантно-вариантный* 139, 161, 162, 171, 187-189, 193, 195, 196
– *классический* 116-121, 123, 125, 126, 133, 139, 150

– *прототипический* 32, 116, 121, 125, 127, 131-133, 139, 142, 152, 171, 195
– *семейного сходства* 120, 126, 127, 171, 190, 193
свойство (характеристики) 117-119, 127, 136, 137, 149, 153, 156
стилистическая 159, 163
структура 149-151, 154, 171
этнокультурная 159, 163
языковая 142, 155
– *лексическая* 142, 155, 156, 161, 196
– *лексико-грамматическая* 154, 157, 161, 196
– *грамматическая* 155-157, 161, 196
– *модусная (интерпретирующая)* 160, 196
– *особенности* 171, 179
– *специфика* 161, 179-181, 196

КАТЕГОРИЗАЦИЯ 20, 37, 95, 114, 115, 128, 131, 144
аспекты 38, 132
– *вертикальный* 132
– *горизонтальный* 132
– *динамический* 38
– *статический* 38
вторичная 170, 171, 179
естественная 178
оценочная 178, 180, 181, 184
прототипическая 132, 139
системная 155, 180
системы языковой категоризации
– *лексическая* 142, 155, 156, 158, 199
– *грамматическая* 155, 158, 199, 205
– *модусная (интерпретирующая)* 167, 168, 170, 171
уровни 132
– *базовый* 134, 137, 139, 151
– *субординатный* 137, 193
– *суперординатный* 145, 146, 191, 193
функциональная 155, 158, 180, 198
языковая
– *вторичная* 185

КОГНИТИВН (-ЫЙ, -АЯ, -ОЕ)
деятельность 18-20, 23, 26, 37, 41
контекст (см. **КОНТЕКСТ**)
матрица (см. **МАТРИЦА**)
моделирование (см. **МЕТОДЫ**)
область 95, 97, 109, 113, 173, 174
способность 20, 117, 152, 179
схема (см. **СХЕМА**)

КОНТЕКСТ
когнитивный 164, 165, 173, 207

КОНЦЕПТ 24, 31, 33, 37-39, 45-47, 50, 51, 59, 60, 64, 68, 69, 207
вербализованный 40, 41, 43, 44, 58
категориальный 40, 42, 53
модусный 13, 159, 160, 164-167, 170-174, 188
тематический 13, 52, 67, 70-78, 81, 82
операционный 13, 52, 67, 71-74, 85
оценочный 71, 173, 177, 179, 181, 185, 187, 191
типология концептов 44-46, 52, 53-57, 88-94

КОНЦЕПТОСФЕРА 38, 39, 49, 83

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ 9, 26, 30, 31, 33, 37, 43, 58, 68-71, 80, 94-96,101
вторичная 69, 179
оценочная 164, 168, 177, 179, 185

КОНЦЕПТУАЛЬН (-ЫЙ, -АЯ, -ОЕ)
взаимодействие 39, 71, 73
деривация 73, 101, 102
иерархия 140
интеграция 102
концептуальный анализ (см. **МЕТОДЫ**)
концептуально-таксономический анализ (см. **МЕТОДЫ**)
основа 166, 167, 185
область 39, 59, 66, 78, 95, 98, 138
система (см. **СИСТЕМА**)
структура (см. **СТРУКТУРА**)

МАТРИЦА 58, 59
когнитивная 52, 53, 57-63, 82
– *общая* 61, 62, 64-67
– *частная* 61, 62, 64-67
когнитивно-матричный анализ (см. **МЕТОДЫ**)
матричный формат (см. **ЗНАНИЕ**)

МЕТОДЫ
когнитивно-матричный анализ 59, 61, 62, 64, 65-67, 82, 83, 208
когнитивно-матричное моделирование 61, 62, 65
когнитивное моделирование 80, 104, 147-149
концептуальный анализ 44, 46, 47, 61, 65, 74, 80, 205
концептуально-дефиниционный анализ 47
концептуально-таксономический анализ 138-142, 145-147, 208
концептуально-таксономическое моделирование 141, 145, 146
прототипический анализ (анализ прототипической семантики) 113, 197, 199, 200, 206
фреймовый анализ 110
функционально-репрезентативный 47, 205

ОЦЕНКА 165, 168, 170, 171, 178-180, 182, 184, 187, 189, 190-192

ПОЗНАВАТЕЛЬН (-ЫЙ, -АЯ)
активность 179
процесс 9, 10, 18-21, 23, 26, 33, 38, 55, 68-71, 74, 76, 114, 139-144, 151-153, 159, 160, 178, 179, 184, 207

ПРИНЦИП
иерархический 140, 149, 195
инвариантно-вариантный (см. **КАТЕГОРИЯ**)
интегративности 191, 195, 198
логический 34, 36, 37, 39, 54, 180, 201
прототипический (см. **КАТЕГОРИЯ**)
формирования категорий (см. **КАТЕГОРИЯ**)

ПРОПОЗИЦИЯ 46, 53-55, 73, 88, 93, 95, 144, 166, 198, 200

ПРОТОТИП 24, 32, 52, 53, 88, 89, 95, 121-131, 142, 151-153, 158, 161-163, 171, 179-181, 185, 188, 189-191, 193, 200, 206
прототипическая категория (см. **КАТЕГОРИЯ**)
прототипический принцип (см. **ПРИНЦИП**)
прототипическое средство (см. **РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ**)
прототипический анализ (анализ прототипической семантики) (см. **МЕТОДЫ**)

РЕЛЯТИВНОСТЬ 99, 163, 196, 202, 203
содержательная 188, 195
структурная 195

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ 23, 27, 28, 43, 46, 58, 101
способы 52, 58, 61, 62, 70, 71, 83, 86, 88, 94, 166
прототипические средства 187
языковая 10, 43, 46, 52, 58, 70, 71, 83, 86, 88-94, 147

СИСТЕМА
категориальная 38, 196
концептуальная 25, 38, 68, 70, 72-74, 77, 78, 160, 181
– *индивидуальная* 39, 69, 72, 73, 160, 170, 196
– *коллективная* 69, 73, 78, 80

СМЫСЛ 10, 25, 26, 35, 39, 43-46, 51, 52, 56, 61, 67-74, 79-81, 103, 111, 141, 148, 157-159, 167, 168, 172-175, 177, 179, 182, 190, 195, 197-199, 200, 202, 203, 205-207

СТРУКТУРА
концептуальная 51, 53-56, 62, 64, 67, 84, 96, 165, 173, 187, 188, 195
знания 22-24, 44, 55, 103, 165

СХЕМА
знаний 53, 73, 88, 95, 165
когнитивная 72, 166, 173

ТАКСОНОМИЯ
концептуально-таксономический анализ (см. **МЕТОДЫ**)
лексическая 139, 141, 142, 145, 147

ТЕОРИЯ
значения
– *многоуровневая* 9, 26, 33, 207
категорий 32, 133
– *классическая* 116-121, 123, 125, 126, 133, 139, 150
– *прототипическая* 32, 116, 121, 125, 127, 131-133, 139, 142, 152, 171, 195
– *семейного сходства* 120, 126, 127, 171, 190, 193
категоризации 33, 34, 139, 142
концептуализации 33
прототипов 32, 34, 125, 133, 139

УРОВЕНЬ
анализа (исследования)
– *когнитивный* 9, 33-38
– *семантический* 9, 33-38
категоризации
(см. **КАТЕГОРИЗАЦИЯ**)
языковой 9, 18, 21

ФУНКЦИЯ
интерпретации 160, 166, 179
познавательная 37, 38
пропозициональная 144
языка
– *когнитивная* 14, 15, 31, 38, 156, 159, 196
– *когнитивно-дискурсивная* 146
– *коммуникативная* 14, 157, 159, 176, 196
– *интерпретирующая* 9, 13, 71, 159, 160, 161, 167, 171, 196
языковых единиц
– *номинативная* 145, 184, 186
– *оценочная* 161, 170, 171, 176, 177, 181-183, 186, 187, 195

Учебное издание

Болдырев Николай Николаевич

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА

ВВЕДЕНИЕ В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ

КУРС ЛЕКЦИЙ

Издание 4-е, исправленное и дополненное

Редактор *В.Н. Левина*
Компьютерная верстка *С.Г. Павловой*

ISBN 978-5-89016-938-9

Подписано в печать 10.02.2014 г. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 13,72. Тираж 1100 экз. Заказ 1054.

Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г
Отпечатано в типографии Издательского дома ТГУ имени Г.Р. Державина

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

по программе повышения квалификации

Российская ассоциация лингвистов-когнитологов совместно с Институтом языкознания РАН и Центром повышения квалификации Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина **ежегодно** проводят Всероссийский научно-практический семинар «ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ» по программе повышения квалификации.

Научный руководитель семинара – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ **Н. Н. Болдырев**. Объем учебного плана – 102 часа.

Место проведения семинара – г. Тамбов, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Научно-образовательный центр когнитивных исследований.

Цель семинара – обсуждение актуальных проблем и достижений когнитивной лингвистики, позволяющее повысить научную квалификацию участников в вопросах методологии когнитивной лингвистики,

